ИННОВАЦИОННЫЙ ЦЕНТР РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ

INNOVATIVE DEVELOPMENT CENTER OF EDUCATION AND SCIENCE

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

Выпуск II

Сборник научных трудов по итогам
международной научно-практической конференции
(10 февраля 2015г.)

г. Новосибирск
2015 г.

УДК 3(06)
ББК 60я43

Актуальные проблемы общественных наук в России и за рубежом / Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. № 2. Новосибирск, 2015. 66 с.

Редакционная коллегия:
кандидат исторических наук Арефьева Ирина Александровна (с.Краснореченское), кандидат исторических наук, доцент Арчебасова Надежда Анатольевна (г.Волгоград), доктор философских наук, профессор Билогур Влада Евгеньевна (г.Мелитополь), доктор социологических наук, доцент Бондаренко Галина Ивановна (г.Краснодар), кандидат философских наук Бреслер Михаил Григорьевич (г.Уфа), доктор политических наук, профессор Вартумян Арушан Арушанович (г.Пятигорск), доктор философских наук, доцент Воденко Константин Викторович (г.Ростов-на-Дону), доктор философских наук, профессор Воронкова Валентина Григорьевна (г.Запорожье), кандидат социологических наук Жегусов Юрий Иннокентьевич (г.Якутск), доктор философских наук, профессор, старший научный сотрудник Зинченко Виктор Викторович (г.Киев), кандидат философских наук, доцент Канц Наталья Александровна (г.Ставрополь), доктор исторических наук, профессор Малышева Елена Михайловна (г.Майкоп), доктор социологических наук, доцент Маслова Татьяна Федоровна (г.Ставрополь), кандидат социологических наук Насыбуллин Алексей Альбертович (г.Казань), кандидат философских наук Осина Оксана Николаевна (г.Саратов), доктор социологических наук, профессор Ростовская Тамара Керимовна (г.Москва), кандидат исторических наук, доцент Соловьянов Николай Иванович (г.Красноярск), доктор исторических наук, член-корреспондент РАЕ Сопов Александр Валентинович (г.Майкоп), доктор исторических наук, профессор Шебзухова Татьяна Александровна (г.Пятигорск)

В сборнике научных трудов по итогам международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы общественных наук в России и за рубежом» (г. Новосибирск) представлены научные статьи, тезисы, сообщения аспирантов, соискателей ученых степеней, научных сотрудников, докторантов, преподавателей ВУЗов, студентов, практикующих специалистов в области общественных наук Российской Федерации, а также коллег из стран ближнего и дальнего зарубежья.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, статистических данных, не подлежащих открытой публикации. Мнение редакционной коллегии может не совпадать с мнением авторов.
Материалы размещены в сборнике в авторской правке.

Сборник включен в национальную информационно-аналитическую систему "Российский индекс научного цитирования" (РИНЦ).

© ИЦРОН, 2015 г.
© Коллектив авторов

Оглавление

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 07.00.00) 6

СЕКЦИЯ №1.
ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 07.00.02) 6
БОЕВОЙ РЕЗЕРВ ГОРОДСКОЙ ПОЖАРНОЙ ОХРАНЫ (ОБ УЧАСТИИ КУРСАНТОВ СВЕРДЛОВСКОГО ПОЖАРНО - ТЕХНИЧЕСКОГО УЧИЛИЩА В БОРЬБЕ С ПОЖАРАМИ В 60-Х ГОДАХ XX ВЕКА)
Ложкарев А.И. 6
ВЫБОР ВЛАСТИ: ОТ АВАНГАРДА К КЛАССИКЕ (К ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ АРХИТЕКТУРНОГО ОБЛИКА МОСКВЫ)
Максименко Е.П. 8
ГОСУДАРСТВЕННАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В УСЛОВИЯХ РАЗВИВАЮЩЕЙСЯ ДЕМОКРАТИИ
Кравченко И.Н. 12
К ВОПРОСУ О ПАТРИОТИЧЕСКОМ ВОСПИТАНИИ
Мартюшов Л.Н., Мартюшова И.Л. 14
СЛАВЯНО-АДЫГСКИЕ КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ (СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ)
Денисова Н.Н. 17
СОВЕТСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭЛИТА – СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АНАЛИЗ
Туфанов Е.В. 21
ТВОРЧЕСКИЕ СВЯЗИ И ГАСТРОЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ТЕАТРОВ КАРЕЛИИ В ПЕРИОД ХРУЩЕВСКОЙ «ОТТЕПЕЛИ»
Шорохова И.В. 23
ФОРМИРОВАНИЕ ЧАСТЕЙ ОСОБОГО НАЗНАЧЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ ТЮМЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ (1919-1924 ГГ.)
Фирсов И.Ф. 26

СЕКЦИЯ №2.
ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 07.00.03) 29

СЕКЦИЯ №3.
АРХЕОЛОГИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 07.00.06) 29

СЕКЦИЯ №4.
ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 07.00.09) 29

СЕКЦИЯ №5.
ИСТОРИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 07.00.10) 29

СЕКЦИЯ №6.
ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 07.00.15) 29

ЭТНОГРАФИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 07.00.07) 29

СЕКЦИЯ №7.
ЭТНОГРАФИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 07.00.07) 29
СИМВОЛИКА ВЕЩИХ СНОВ, ПРИМЕТ И ГАДАНИЙ, ПРЕДСКАЗЫВАЮЩИХ КРАЖУ
Бауэр Т.В. 29

ПОЛИТОЛОГИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 23.00.00) 32

СЕКЦИЯ №8.
ТЕОРИЯ И ФИЛОСОФИЯ ПОЛИТИКИ, ИСТОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 23.00.01) 32

СЕКЦИЯ №9.
ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ И ТЕХНОЛОГИИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 23.00.02) 32
ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ФОРМИРОВАНИЯ ИМИДЖА РОССИИ
Дубинкина Т.Ю. 32

КИБЕРБЕЗОПАСНОСТЬ И ЕЁ ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ В XXI ВЕКЕ
Кузьмович А.В. 34

СЕКЦИЯ №10.
ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И ИДЕОЛОГИИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 23.00.03) 37

СЕКЦИЯ №11.
ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ, ГЛОБАЛЬНОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 23.00.04) 38
ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ РОССИЙСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ «АРКТИКА-2007»
Данилов А.П. 38

СЕКЦИЯ №12.
ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕГИОНАЛИСТИКА. ЭТНОПОЛИТИКА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 23.00.05) 40

СЕКЦИЯ №13.
КОНФЛИКТОЛОГИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 23.00.06) 40

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 22.00.00) 41

СЕКЦИЯ №14.
ТЕОРИЯ, ИСТОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ СОЦИОЛОГИИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 22.00.01) 41

СЕКЦИЯ №15.
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ И ДЕМОГРАФИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 22.00.03) 41

СЕКЦИЯ №16.
СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 22.00.04) 41
ГОРОД КАК СОЦИАЛЬНЫЙ АРЕАЛ
Воробьева Н.А., Исайчева О.А. 41
РЕКРЕАЦИОННОЕ ПРОСТРАНСТВО КАК ЧАСТЬ СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА (КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ)
Шевченко А.А. 42
СОЦИАЛИЗАЦИЯ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ ШКОЛЬНИКОВ В УСЛОВИЯХ РАСПРОСТРАНЕНИЯ СЕТИ ИНТЕРНЕТ: ЭМПИРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СОСТОЯНИЯ РЕГИОНА
Клишин С.И. 45

СЕКЦИЯ №17.
ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 22.00.05) 47

СЕКЦИЯ №18.
СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 22.00.06) 47

СЕКЦИЯ №19.
СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 22.00.08) 48
МИФЫ КАК СПОСОБ УПРАВЛЕНИЯ СОЗНАНИЕМ РОССИЯН В СОВРЕМЕННОМ СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ
Макарова Н.И. 48

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 09.00.00) 51

СЕКЦИЯ №20.
ОНТОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 09.00.01) 51
СОЦИОАНТРОПОМОРФИЗМ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ (ПО МОТИВАМ КНИГИ В.В. НАЛИМОВА «ОБЛИК НАУКИ»)
Солина Е.М. 51

СЕКЦИЯ №21.
ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 09.00.03) 53

СЕКЦИЯ №22.
ЭСТЕТИКА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 09.00.04) 53

СЕКЦИЯ №23.
ЭТИКА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 09.00.05) 53

СЕКЦИЯ №24.
ЛОГИКА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 09.00.07) 53

СЕКЦИЯ №25.
ФИЛОСОФИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 09.00.08) 53
СИНЕРГЕТИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА ПОЗНАНИЯ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК
Петрова Н.Н. 53

СЕКЦИЯ №26.
СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 09.00.11) 55
ИСТОРИЧЕСКИЙ ВЫЗОВ СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ: РЕВАНШ ИЛИ ТИРАНИЯ ДРУГОГО
Кантемиров Е.В. 55
К ВОПРОСУ О ВОССТАНОВЛЕНИИ КУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА И МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО КОНСЕНСУСА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ
Мустафаев Ф.М. 57
ФАКТОРЫ ИНТЕГРАЦИИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ (СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ)
Зубарева С.А. 59

СЕКЦИЯ №27.
ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 09.00.13) 62

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 09.00.14) 63

СЕКЦИЯ №28.
ФИЛОСОФИЯ РЕЛИГИИ И РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 09.00.14) 63

ПЛАН КОНФЕРЕНЦИЙ НА 2015 ГОД 64

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 07.00.00)

СЕКЦИЯ №1.
ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 07.00.02)

БОЕВОЙ РЕЗЕРВ ГОРОДСКОЙ ПОЖАРНОЙ ОХРАНЫ (ОБ УЧАСТИИ КУРСАНТОВ СВЕРДЛОВСКОГО ПОЖАРНО - ТЕХНИЧЕСКОГО УЧИЛИЩА В БОРЬБЕ С ПОЖАРАМИ В 60-Х ГОДАХ XX ВЕКА)

Ложкарев А.И.

Уральский институт Государственной противопожарной службы МЧС России, г.Екатеринбург

Известно, что история Уральского Института ГПС МЧС России начинается с создания в Свердловске, в апреле 1929 года, областных пожарно-технических курсов, которые позднее, после ряда реорганизаций, превратились в областную пожарно-техническую школу среднего начальствующего состава городской пожарной охраны.

В 1935 году школа, повысив свой статус, становится из областной — межкраевой школой среднего начальствующего состава городской пожарной охраны с 2-х годичным сроком обучения, а затем - с 27 октября 1939 года, Свердловской школой среднего начальствующего состава ГПО НКВД СССР, т.е. учебным заведением не регионального, а всесоюзного масштаба.

В послевоенный период, в соответствии с Постановлением Совета Министров СССР №1308-535С от 21 июня 1946 года и Приказом МВД СССР № 00813 от 9.09. 1946 года, 3-я (на тот период — Авт.) пожарно-техническая школа ВПО МВД была переименована в Свердловское пожарно-техническое училище МВД СССР с 3-х годичным сроком обучения»[8].

В 60-е годы прошлого века Свердловское пожарно-техническое училище МВД СССР (а затем – МООП РСФСР) считалось одним из ведущих пожарно-технических учебных заведений Советского Союза, пользуясь заслуженным авторитетом и уважением.

И если сегодняшние курсанты УрИ ГПС МЧС России значительно отличаются от своих предшественников по уровню общеобразовательной подготовки и культурному уровню, то в главном они , несомненно, похожи, поскольку неизменной осталась сама сущность профессии пожарного — готовность придти на помощь людям в любой, самой сложной ситуации, зачастую грозящей смертельной опасностью.

Сегодня мало кто задумывается о том, что уже в годы учебы в училище курсанты (как и сейчас - Авт.) активно участвовали в тушении пожаров, являясь боевым резервом Управления пожарной охраны г. Свердловска, проявляя при этом лучшие качества российских огнеборцев – мужество, стойкость, профессионализм и высочайшую любовь к людям.

Пожалуй, не одна другая профессия (связанная с риском для здоровья и угрозой жизни) не предполагает полноценное участие в смертельно опасной работе уже в период своего становления, приобретения лишь первоначальных знаний и навыков в области избранной деятельности, в мирное время. Тогда как, поступив в пожарное учебное заведение и пройдя курс первоначальной подготовки, молодые люди сразу же начинали нести боевое дежурство в учебной пожарной части (УПЧ) и, по сути, сразу же становились полноправными членами пожарного сообщества, возложив на себя все связанные с этим опасности и риски. Предшественником же учебной пожарной части (УПЧ) стала размещенная на территории учебного заведения 6-я городская пожарная команда, которая еще в мае 1938 года, со всем штатом, техникой и вооружением была передана в полное подчинение командованию школы как учебно-боевое подразделение [9].

В архивах ВУЗа и города сохранилась обширная информация о боевой деятельности курсантов училища по борьбе с пожарами на территории города Свердловска (ныне – Екатеринбурга) в 60-х годах прошлого века.

Так, например, «12.05.1960 года на складе строительства Дома моделей по ул. Ленина, 68, в подвальном помещении возник пожар. Благодаря энергичным и правильным действиям дежурного караула УПЧ под руководством начальника караула техник - лейтенанта Анисимова М.Н. пожар был ликвидирован быстро и с минимальными убытками для государства». За умелые действия на пожаре были поощрены – «объявлена благодарность:

1. техник-лейтенанту Анисимову М.Н.

2. стажеру в должности командира отделения курсанту 2-го дивизиона Купаеву В.С.

3. курсантам 3-го дивизиона Голеву П.Б., Родину С.Г., Елешеву М.С.»[7].

Не менее сложной оказалась ситуация при пожаре 26/11-1960 г. в здании холодильника Свердловского мясокомбината. За проявленное мужество начальник УВД Свердловского облисполкома приказом №389 от 14.12.1960 г. наградил грамотой УВД Свердловской области 2-х офицеров и 1 курсанта, объявил благодарность начальнику УПЧ капитану Глухову П.С. и курсантам 1, 2 и 3-го курсов» (всего поощрено 38 человек - Авт.)»[7].

В приказе по училищу от 14.04.62 года отмечалось, что « 14 марта 1962 г. в карбидно-ацетиленовом цехе Свердловского кислородного завода произошел взрыв. На всей площади разрушенного здания возникло интенсивное горение ацетилена… В этот же день возник пожар в подвале многоэтажного жилого дома по ул. Мичурина, 21.

В тушении этих пожаров самоотверженно участвовали курсанты боевого расчета УПЧ СПТУ». В приказе отмечалось также, что «за находчивость и смелость …начальник УВД Свердловского облисполкома приказом №116 от 5.04.1962 г.

наградил грамотой УВД

курсантов Стаханова В.А., Горяинова С.С., Мымрикова В.Н.

объявил благодарность и наградил деньгами

курсантов Шамина П.В., Яковлева В.И., Пономарева В.Я.

объявил благодарность

курсантам Богатых П.И., Лукину А.В., Крайневу Н.Ф., Копырину Ю.М., Кравченко В.Г.»[1].

В приказе по училищу от 17.04. 1963 г. «О поощрении личного состава училища в связи с 45-й годовщиной Советской пожарной охраны» отмечалось, что «за проявленное мужество при спасении граждан во время пожара 16 марта с/г курсанты училища т.т. Печенкин и Шеляхин представлены к награждению медалью «За отвагу на пожаре».[2].

Не менее профессионально «сработали» курсанты училища при ликвидации пожара «возникшего 11 июля 1963 г. в одном из цехов Верх-Исетского металлургического завода (одного из крупнейших в городе предприятий ВПК - Авт.).

За проявленную курсантами смелость, находчивость и выносливость начальником училища была «объявлена благодарность :

- стажеру начальника караула курсанту 1-го дивизиона Мымрикову В.Н.,

- командирам отделений курсантам 2-го дивизиона Печевскому И.Е., Подшабекову О.Г.,

- курсантам 3-го дивизиона Мунакаеву Н.Н., Мухорякову Р.М., Молчанову А.А., Новикову В.К., Лещеву Л.Н., Ларцеву Г.А., Кристалинскому В.В., Полякову В.В.» [3]. Курсант Мымриков В.Н. , исполняющий на пожаре обязанности начальника караула, был позже поощрен и приказом начальника Управления охраны ОП Свердловского промышленного облисполкома № 256 от 19.07.1963 г. « за четкую и умелую работу по ликвидации последствий тяжелой аварии».

Достаточно красноречивы и строки приказа по училищу от 28.05 1964 года. «На пожаре Уктусского кирпичного завода …25 мая 1964 года, личный состав караула УПЧ под руководством врио. начальника УПЧ майора тов. Синкина умело решил боевую задачу, поставленную первым руководителем пожаротушения, оперативным дежурным по Свердловскому гарнизону, капитаном тов. Гинзбург. Несмотря на сложность обстановки и тяжелые условия работы (сильное задымление, высокая температура, работа на высотах и обрушение участков покрытия), стажеры - начальника караула ст. сержант Жаров И.П. (заочник технического профиля нашего училища) и курсант 3-го курса Перевертун В.С.(43 гр.)…в течение 6 часов сдерживали распространение огня на не горящие части здания и в течение 1,5 часов - принимали участие в полной ликвидации пожара (в общей сложности караул проработал на пожаре 7,5 часов) и …успешно справился с поставленной задачей». За умелые и мужественные действия «была объявлена благодарность :

1.стажеру начальника караула – курсанту 2-го дивизиона (43 гр.)- Перевертун В.С.

2. стажеру начальника караула – шоферу УПЧ сержанту Жарову И.П.

3.командиру отделения – курсанту 3-го дивизиона (21 гр.)-Врона В.С., Шахову Е.В.(29 гр.).

4.рядовым пожарным-курсантам 1-го дивизиона Белькову, Максименко, Бирюкову и сержанту Судакову М.С.(4 группа)»[4].

Курсанты принимали участие в тушении пожаров не только в городе, но и за его пределами. Например, «в соответствии с решением промышленного обкома КПСС и распоряжения начальника УООП Свердловского облисполкома» предполагалось « направить для тушения лесного пожара в Ивдельском районе 120 курсантов 1-го дивизиона с 19/ 7-1964 года»)[4].

Причем, даже не находясь на службе, слушатели и курсанты учебного заведения проявляли свои самые лучшие профессиональные качества. Так, «27.05.1961 года, примерно в 0 ч. 30 м., слушатели 1-го курса заочного обучения …старший лейтенант Зинин В.З. и лейтенант Новиков В.Т. …обнаружили открытый пожар в жилом доме №35 по улице 9-го января. Лейтенант Новиков, пренебрегая опасностью, сразу же проник в дом и в условиях сильного задымления отыскал и спас гражданку Дегтяреву Н.К.»[5].

Курсанты не только участвовали в тушении пожаров в качестве стажеров под руководством штатных командиров УПЧ, но и сами возглавляли пожарно-спасательные операции. В одном из приказов по СПТУ отмечалось, что «в связи с выбытием на учебу начальника караула УПЧ техник -лейтенанта Бубнова и и.о.начальника караула ст.сержанта Жарова с 25 июня с/г временно назначить исполнять обязанности начальников караулов УПЧ с выездом на пожары наиболее подготовленных – прошедших стажировку курсантов выпускного курса Дорогина и сержанта Федченко…» [6].

В материалах отчетно-выборного партийного собрания училища от 26.10.1965 г. констатируется, что «наши курсанты хорошо несут службу в УПЧ , в течении этого года (1964-1965 уч.года.-Авт.) 243 раза выезжали на пожары, на 132 пожарах работали »[10].

Активное участие курсантов в тушении пожаров было отмечено и в ходе комплексной проверки училища комиссией Свердловского городского комитета КПСС, работающей с 21 по 30 марта 1966 года . В частности, в акте проверки говорилось, что « дежурные караулы УПЧ училища выезжают для тушения пожаров в городе и ,при необходимости, в районы области. Так, за последние 1,5 года было 417 таких выездов». Было также подчеркнуто, что «во всех случаях, курсанты, привлекаемые к борьбе с пожарами демонстрировали хорошую обученность, умение и большую выносливость при работе на высотах ,в условиях низких и повышенных температур , при этом проявляя смелость и находчивость…» [11].

Участвуя в тушении пожаров, курсанты не только повышали свое профессиональное мастерство, практически готовя себя к будущей деятельности в роли руководителей подразделений пожарной охраны , но и оказывали большую помощь Свердловскому гарнизону пожарной охраны , всем жителям города в борьбе с огнем.

Список литературы

1. Архив Уральского института ГПС МЧС России. Ф.3185. Д.3 Т. 1. Л.148.
2. Там же, Д.3186. Т. 1. Л.121.
3. Там же, Д.3186. Т. 2. Л.6.
4. Там же, Д.3187. Т. 1. Л.213.
5. Там же, Д.1108. Т. 1. Л.211.
6. Там же, Д.3187. Т. 1. Л.246.
7. Максимов И.А. От курсов – к институту (посвящено 85-й годовщине УрИ ГПС МЧС России) [Текст] : историко-публицистический очерк. Часть1.— Екатеринбург: Уральский институт Государственной противопожарной службы МЧС России, 2014. — С.106.
8. Окуловский, К.Н. История Свердловского пожарно-технического училища МВД СССР [Текст] / К.Н. Окуловский. — Свердловск, 1955. — С.5.
9. Свердловская пожарно – техническая школа в предвоенные и военные годы (1938–1945) [Текст]: историко-публицистический очерк / А.В. Снежинский [и др.]; — Екатеринбург, УрИ ГПС МЧС России, 2009. — С. 12.
10. Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 1311. Опись 2. Л.50.
11. Там же, Ф.1311.Опись 2. Л. 23.

ВЫБОР ВЛАСТИ: ОТ АВАНГАРДА К КЛАССИКЕ (К ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ АРХИТЕКТУРНОГО ОБЛИКА МОСКВЫ)

Максименко Е.П.

Национальный исследовательский технологический университет «МИСиС», г.Москва

История градостроительства неотделима от истории страны. Обобщенным образом своих государств являются столицы. Изучение их архитектурного облика включает в себя самую разнообразную проблематику, в

том числе и политическую. По образному выражению В.Т. Третьякова: «Архитектура – это не только застывшая музыка. Это еще и застывшая политика» [6]. Закономерны вопросы о наличии соответствий между архитектурой и политическим режимом, политической идентичностью граждан, о формировании политической элитой определенной архитектурной политики, за которой стоят те или иные идеологические ценности и установки и т.д. В этом плане безусловный интерес представляет период московского строительства 20-х – 30-х годов XX века.

Политическая целесообразность вызвала в 1918 году переезд большевистского правительства из Петрограда в Москву. Тем самым, было положено начало одному из монументальных проектов советской власти, реализация которого превратила «провинциальный город с двухмиллионным населением, живущий своей жизнью» [4] в столицу государства, за которым в современной литературе закрепилось название «красной империи».

Если в 1920-е годы, исходя из установок пролетарского интернационализма, правящий режим, фактически, присвоил Москве статус центра мирового революционного процесса, то в 1930-е годы, после поворота к «строительству социализма в одной стране», Москва становится столицей могучего национального государства. Таким образом, «политический маятник» превращал Москву из царства модернизма и авангардных поисков в оплот традиций и классики, в результате чего появился самый яркий стиль советской эпохи – социалистический неоклассицизм.

Однако архитектурный облик Москвы первоначально не соответствовал ни одному из этих статусов. На момент переезда правительства «старая - новая» столица была одним из наименее благоустроенных больших городов Европы; в ней также было мало зданий, годных для правительственных учреждений, поэтому многие ведомства размещали в жилых помещениях – в дворянских и купеческих особняках.

Хотя город нуждался в реконструкции, в 1920-е гг. реальных шагов в этом направлении сделано не было, разрабатываемые планы реконструкции отвергались по тем или иным причинам. Однако активное строительство идет – в эти годы Москва стала важнейшим центром конструктивизма. Отринув прежние каноны, советские архитекторы выработали новый взгляд на форму и функциональность зданий. Исторический контекст появления нового стиля в архитектуре был связан с непризнанием революционной идеологией атрибутов, олицетворявших определенное социальное положение человека в классовом обществе, когда в предметах роскоши виделся только напрасно затраченный труд и стремление показать своё богатство. Показной роскоши был противопоставлен сознательно культивируемый аскетизм, который стал этической и эстетической нормой для правящего класса страны – пролетариата.

Основные принципы конструктивизма как архитектурного направления были сформулированы в выступлениях А.А. Веснина и М.Я. Гинзбурга, под руководством которых в 1926 году была создана общественная организация ОСА – Объединение современных архитекторов. Объединением ОСА издавался журнал «Современная архитектура», проводились выставки, съезды, конференции.

Власть первоначально поддерживала и поощряла архитектурные поиски авангардных творческих группировок. Не роскошь предыдущих стилей, а простота и подчеркнутый утилитаризм форм, лаконичность, геометрическая чистота линий, полное отсутствие декора – казалось, новый архитектурный стиль и по форме, и по содержанию отвечал идеалам нового мира. Среди характерных примеров московского конструктивизма называют ДК им. Зуева (1927-1928гг., архитектор И.А. Голосов), Клуб коммунальщиков им. Русакова (1927–1929 гг., архитектор К.С. Мельников), здание издательства «Известия» (1925-1927гг., архитекторы Г.Б. и М.Г. Бархины), Госторг (1927г., архитектор Б.М. Великовский) и др.

Московское строительство 1920-х подчеркнуто лаконично, футуристично и интернационально. Как площадку для реализации новых идей советскую столицу стали рассматривать и зарубежные архитекторы. Казалось, именно здесь, в Москве, можно воплотить самые масштабные новаторские идеи. С этой точки зрения интересны попытки утверждения в Москве автора радикальных архитектурных и градостроительных идей Ле Корбюзье. Предводитель «архитектуры века машин» видел потенциал для воплощения своих идей в стране, чья культура и экономика находились в процессе становления. «Москва – это фабрика планов, обетованная земля для специалистов… В Москве поразительное обилие всяких проектов; здесь планы заводов, плотин, фабрик, жилых домов, проекты целых городов. И все делается под одним лозунгом: использовать все достижения прогресса... Все эти планы проникнуты юношеским духом» [3], – восторженно писал архитектор.

Казалось, именно здесь, в Москве, архитектор сможет реализовать свои самые масштабные идеи. На этой «фабрике проектов» его роль как международного эксперта должна была быть наконец-то оценена по достоинству.

Впервые Ле Корбюзье приезжает в Советский Союз в октябре 1928 года для участия в конкурсе на здание Центросоюза в Москве, который он, в результате, и выиграл. Этот визит стал международной сенсацией, как в политических, так и в художественных кругах. Благодаря своим теоретическим работам, ставшим

известными в СССР после 1922 года, а также уже реализованным проектам, многочисленным контактам, завязанным во время поездок в Москву (всего он приезжал в Москву три раза), Ле Корбюзье становится одним из авторитетнейших мировых зодчих, образцом для архитекторов русского авангарда. Здание Центросоюза было его первым реализованным проектом большого общественного сооружения, одновременно ставшим архитектурным символом нэповской Москвы.

Корбюзье стал широко известен благодаря своим работам по организации современного города, разработав скандально известный «План Вуазен» 1925г., предполагавший снос исторического Парижа и застройку его небоскребами. Подобная участь была уготована еще нескольким крупным столицам, но, вероятно, именно в Москве архитектор рассчитывал на реальный успех.

Его пригласили к участию в разработке Генплана столицы. В 1930г. архитектор заполнил подробную анкету, разработанную Московским отделом коммунального хозяйства. МОКХ провел опрос различных специалистов о том, как реконструировать старую и строить новую Москву, и опубликовал результаты в периодической печати. Вопросы анкеты были сгруппированы по темам: Москва – политический и административно-плановый центр, жилища, социальное воспитание, Москва – культурно-просветительный центр, общие требования к схеме Москвы и пр. [8] Приговор новатора оказался суров – старый город архитектор счел непригодным в принципе и выдвинул идею гигантского московского разрушения ради созидания практически новой столицы. «Нет возможности мечтать о сочетании города прошлого с настоящим или будущим; а в СССР больше, чем где-либо, речь идет о двух повернутых спиною друг к другу эпохах, у которых нет никаких общих элементов, действительно существующих на территории Москвы; …в Москве, кроме нескольких драгоценных памятников былой архитектуры, еще нет твердых основ; она вся нагромождена в беспорядке и без определенной цели» [8]. Идея снести весь город, оставив лишь Кремль, Мавзолей, Большой театр и кое-что, так сказать, по мелочи, позволила бы, с точки зрения пионера модернизма, изменить планировку города с радиально-кольцевой на прямоугольную с двумя осями.

Во всем мире проект трансформации Москвы получил известность под названием «Лучезарный город». Эстетика интернационального стиля, которой придерживался выдающийся новатор архитектуры, требовала отказа от национальных культурных особенностей и всяческих разновидностей исторического декора в угоду культу обобщенных абстрактных геометрических форм из стекла и бетона. Подобный стиль до некоторых пор вполне соответствовал социальному заказу, существовавшему в СССР. Как отмечает российский историк А.И.Вдовин, «вплоть до второй половины 1930-х годов в партийной среде были весьма распространены представления о том, что Москва и другие крупные города не могут быть хранителями национальных особенностей, они перемалывают и обезличивают огромное количество национальностей, подобно Нью-Йорку» [1, с.70-71].

Однако с начала 1930-х гг. у руководства страны начинает формироваться критическое отношение к архитектуре авангарда. Точкой отсчета можно считать второй открытый тур конкурса на проект здания Дворца Советов, куда свой проект подал и Корбюзье. Именно конструктивизм воспринимался участниками конкурса как официальный советский стиль. Но произошло неожиданное. По итогам 2-го тура в феврале 1932г. присудили три высшие премии: американскому архитектору Гектору Гамильтону, а также двум советским архитекторам – Борису Иофану и Ивану Жолтовскому. «Проекты-победители не имели между собой ничего общего, кроме эклектичности, апеллирующей к классицизму». Самым раздражающим фактором для авангардистов оказалась победа И.В.Жолтовского (кстати сказать, в том же 1932 году ему присвоили почетное звание Заслуженного деятеля искусства РСФСР), чьи проекты и постройки были «любимой мишенью» конструктивистов как примеры «умирающей эклектики». Он «подал откровенно неоклассический проект. Акция эта по ситуации в советской и зарубежной архитектуре тех лет представлялась абсолютно безнадежной. Жолтовский пошел, что называется, ва-банк и неожиданно для всех выиграл... В момент творческого расцвета архитектурного авангарда, когда одно за другим входили в строй первоклассные новаторские сооружения, предпочтение было отдано стилизаторскому проекту Жолтовского» [7].

Проект Корбюзье, карьера которого на Западе в этот момент пошла в гору, всего лишь отметили (наряду с проектом итальянского архитектора Армандо Бразини) как содержащий «весьма ценные материалы, безусловно подлежащие внимательному учету в дальнейшем строительстве».

По итогам четырех туров победу в конкурсе отдали коллективному проекту Б.М. Иофана, В.А. Щуко и В.Г. Гельфрейха, а здание Дома Советов так и не было построено. В окончательном варианте Б.М. Иофана, использовавшего идеи ряда других участников конкурса и предложившего огромное многоярусное здание с обилием колонн, увенчанное статуей В.И. Ленина, восторжествовала, хотя и несколько модернизированная, но все же идея традиционного монумента.

Такими результатами Корбюзье был крайне разочарован. Возможно, действительно, «автора возмутил не столько сам факт поражения в конкурсе (у него вообще реализована лишь четверть разработанных проектов), а его политическая ангажированность и ориентация на старомодные, архитектурные формы. «Это решение венчает на новое царство парадную архитектуру былых монархических режимов. Проект Дворца Советов, предлагаемый ныне, демонстрирует порабощение современной техники духовной реакцией», – восклицал Ле Корбюзье в манифесте, подписанном также группой его единомышленников» [2].

Разочарование приносили не только два отвергнутых амбициозных проекта. Здание Центросоюза строили долго и мучительно, в окончательный вид вносились изменения, а критика «унылой коробки» не умолкала. В 1934 году была введена в строй первая очередь здания, в печати появляются отзывы. Архитектор С. Н. Кожин, признав, что Ле Корбюзье «большой мастер», а его здание «крупное явление в архитектуре», писал: «Огромные застекленные стены дома сообщают ему холодный, однообразный и неприветливый характер. Кажется, что за этими стенами люди должны работать напряженно, автоматически, уныло, безрадостно. Это американизм, чуждый нам и неприемлемый в советских условиях» [8].

После 1932 года происходит поворот в общегосударственной архитектурно-градостроительной политике власти: от благосклонного отношения к идеям разрыва с предшествующим историческим опытом художественного творчества, стремлению утвердить новые нетрадиционные начала в архитектуре и искусстве к традиционным ценностям классицизма. Неоклассический архитектурный язык как нельзя более подходил для укрепления престижа режима. В начале 1930-х гг. возникла необходимость возведения ряда крупных общественных зданий, имеющих ответственную идеологическую программу. В архитектуре усиливается влияние архитекторов, проповедующих полностью противоположные конструктивизму стили – Щусева, Жолтовского. Авангардные течения архитектуры стали подвергаться резкой критике, а потом и вовсе оказались под запретом как буржуазные.

В том же 1934 году, когда была введена в строй первая очередь здания Центросоюза, к первомайской демонстрации снимают леса с дома на Моховой улице архитектора И.В.Жолтовского. Этому «дому повышенной комфортности для специалистов» с самого начала придается особое значение. Страна крайне нуждалась в высококвалифицированных кадрах, и представление им жилища повышенного комфорта рассматривалось как мера поощрения творческого инженерного труда. Проектировались такие дома по особой программе – квартиры увеличенных площадей, высокий уровень благоустройства и отделки. «Чрезвычайно серьезно относится к дому Моссовет: «Указанному дому, – пишет Жолтовскому управляющий Моспроектом И. Черкасский, – придается особое архитектурное значение». Дом строится «ударными темпами», строительство снабжается «вне всякой очереди», академика Жолтовского все время поторапливают [5, с.37].

Первое «здание-дворец», сооруженное в СССР после революции, дом на Моховой, выполненный в палладианском стиле, получил высокую оценку в профессиональной среде. Это была пропаганда «чистой» классики в камне. Но для власти, вероятнее, важнее было одобрение масс. А оно действительно было: «колонны демонстрантов, проходящие Первого мая перед впервые открывшимся домом, не сговариваясь, разражаются никем не запланированными аплодисментами» [5, с.37].

* * *

Революционно-демократические устремления мастеров авангарда широкими массами восприняты не были. Восхищая творческую элиту, архитектурный модернизм оставлял равнодушным население города, чья численность в этот период резко возрастала за счет массовой миграционной волны крестьянства, вызванной коллективизацией. Архетипам народного сознания «холодный образ функционального модернизма» не соответствовал. Для крестьянской страны массовым идеалом могла быть только русская дворцово-усадебная классицистическая архитектура. Образ дворца народом воспринимался не только как символ лучшей жизни, но и как символ государственной мощи России конца XVIII – начала XIX веков. Эти настроения чутко улавливала власть.

С конца 1920-х годов большевики очевидным образом переходят от утопических планов по преобразованию мира к реализации грандиозных социально-экономических преобразований внутри страны. Перемены в государственной политике очевидным образом связаны с переменами в политике архитектурной: на смену концепциям авангарда, организующим жизнедеятельность населения, пришла задача организации сознания. Внедряя в 1930-е годы новую идеологическую установку, советское руководство понимало, что эффект окажется тем большим, чем больше она будет соответствовать неким бытийным константам, глубинным образам народного сознания. Усиление имперских тенденций в реализации государственной политики вело к возврату к традиционным ценностям классицизма в архитектуре, а Генеральный план реконструкции Москвы, разрабатывавшийся с 1931г. и принятый в 1935г., исходил из необходимости «сохранения основ исторически сложившегося города» с его радиальной структурой. Облик столицы приспосабливался к новым историческим

условиям и запросам. Выполняя властный заказ, в поисках универсального архитектурного языка, доступного для восприятия масс, архитекторы пошли по пути синтеза новаторства и традиции; главным приемом стала монументальность форм – на авансцену выходил советский монументальный классицизм, который с легкостью выражал пафос новой, «красной», империи.

Список литературы

1. Вдовин А. И. Подлинная история русских. XX век. М.: Алгоритм, 2010. – 432 с.
2. Мирошкин А. Француз на Мясницкой // Книга в Москве. 7 ноября 2012г.
3. Митрофанов А. Мир столичных офисов // Московская перспектива. 16 июля 2013г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.mperspektiva.ru/topics/191 (дата обращения 28.01.2015).
4. Новая Жизнь. 9 марта 1918г.
5. Паперный В. З. Культура Два. – М.: Новое литературное обозрение, 2011. – 408 с.
6. Третьяков В.Т. Архитектура и политика // Российская газета. 22 апреля 2004г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.rg.ru/2004/04/22/tretjakov.html (дата обращения 12.01.2015).
7. Хан-Магомедов С. О. Архитектура советского авангарда. Книга 1: Проблемы формообразования. Мастера и течения. [Электронный ресурс]. URL: http://www.alyoshin.ru/Files/publika/khan_archi/khan_archi_1_000.html (дата обращения 20.01.2015).
8. Хан-Магомедов С. О. Архитектура советского авангарда. Книга 2: Социальные проблемы. [Электронный ресурс]. URL: http:// www.alyoshin.ru/Files/publika/khan_archi/khan_archi_2_000.html (дата обращения: 20.01.2015).

ГОСУДАРСТВЕННАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В УСЛОВИЯХ РАЗВИВАЮЩЕЙСЯ ДЕМОКРАТИИ

Кравченко Инна Николаевна

Ставропольский государственный аграрный университет, г.Ставрополь

Одной из самых острых для России задач всегда являлось проведение выдержанной государственной политики в отношении народов и территорий, входящих в ее состав, как фундаментальной основы сохранения целостности страны. Каждый новый период в истории России требовал корректировки государственной национальной политики, ее теоретических и правовых основ. В этой связи ретроспективный подход к анализу данной проблемы особенно актуален. Данный подход с учетом как позитивного, так и негативного опыта дает возможность выработать более выверенные концептуальные методы национальной политики в условиях модернизации новой России. Северный Кавказ всегда находился в эпицентре этнополитических процессов, начиная с периода его присоединения к России. Геополитическое положение Северокавказского региона в разные периоды истории обусловливало его особую значимость для российской политики. В последние десятилетия этот регион стал местом, где испытывается на прочность российская государственность и ее национальная политика. С развалом СССР, в условиях отсутствия адекватной политико-правовой базы, в этом регионе резко возросла этнополитическая напряженность и разгорелись тяжелые межнациональные конфликты. Перед государством с жесткой необходимостью встала задача формирования такой национальной политики, которая бы отвечала современным принципам демократии и нормам международного права. Федеративный договор 1992 г., а затем Конституция Российской Федерации 1993 г. стали фундаментом новой федеративной и этнонациональной политики. Во многом именно полиэтничный и поликонфессиональный Северный Кавказ оказался своего рода «лабораторией» и некой моделью выработки эффективных механизмов во взаимоотношениях между Федерацией и ее субъектами. Северный Кавказ - это сосредоточение уникальных факторов, включающих в себя этнографию, историю, геополитику, традиции и обычаи народов, без учета которых здесь невозможна сколько-нибудь приемлемая национальная политика. Весьма важно помнить и то, что процесс интеграции горских народов Северного Кавказа в Россию проходил не просто, противоречиво, а порой трагично. Имели место репрессии, депортации, вынужденные переселения, игнорирование и ущемление национальных интересов. В то же время в составе России народы Северного Кавказа, как и другие народы, познали защиту, покровительство, развитие национальных культур и экономики, становление своей государственности. Благодаря этому регион прочно интегрировался в Российское государство. Разрыв этих связей неминуемо имел бы пагубные последствия и для Северного Кавказа, и для России в целом. Радикальные исторические перемены, переживаемые Россией,

обусловили новые подходы к формированию концептуальных основ государственной национальной политики. Особенности реализации государственной национальной политики на Северном Кавказе необходимо рассматривать в рамках общегосударственной концепции государственной политики в условиях трансформационных и модернизационных процессов. В обобщенном виде восстановление конституционного порядка в этом регионе России показывает, насколько трудно отыграть назад упущенные ситуации, когда происходит утрата и разрушение государственного суверенитета над территорией. В связи с этим встает вопрос о совершенствовании федеративных отношений с учетом особенностей и традиций народов Северного Кавказа. В настоящее время внимание науки и политической практики направлено на исследование путей совершенствования федеративных отношений в регионе, на стабилизацию межнациональных отношений. Считается неоспоримым, что в силу объективных и субъективных причин, как уходящих в далекое прошлое, так и связанных с распадом СССР, этнополитическая ситуация на Северном Кавказе обострилась. На фоне выявления причинно-следственных связей в сложившейся этнополитической ситуации на Северном Кавказе особое внимание уделяется анализу этнополитического феномена Чеченской войны, причин вооруженного конфликта, последствий, оказавших влияние на межэтнические, этнополитические и федеративные отношения в России, путей стабилизации ситуации на Северном Кавказе. Нивелировка государственной национальной политики в отношении народов Северного Кавказа, без учета их этнических особенностей и ошибок, допущенных руководством в прежние периоды истории, малопродуктивна. Процесс суверенизации на рубеже 90-х годов приобрел для страны угрожающие масштабы. Кризис национально-государственного устройства и государственной власти после распада СССР породил этнополитический экстремизм и сепаратизм. Чеченская война стала основной проверкой на прочность российской государственности и будущего ее народов. Причины, способствовавшие зарождению и эскалации чеченского конфликта, комплексные. Они кроются как в сложных взаимоотношениях кавказских народов, так и в ошибках власти, а также в современных религиозных, этнополитических, экстремистских течениях, захлестнувших республики Северного Кавказа в постсоветский период. Основной урок чеченской войны - это умение власти упреждать негативное развитие событий, чтобы не доводить их до неизбежности применения военной силы. На рубеже веков терроризм стал одной из самых опасных форм политической борьбы. Поиск путей профилактики и противодействия этому явлению стал не только общероссийской задачей, но и международной. В целом в последние годы на Северном Кавказе наметился процесс выхода из кризиса, ведется поиск путей разрешения конфликтов, хотя все еще остается активное сопротивление этому процессу. Яркое подтверждение тому теракты в московском метро. Специфика современного развития российского федерализма определяется особенностями российской государственности, в первую очередь его многонациональностью. Российский федерализм связан с комплексом сложнейших проблем, решение которых возможно путем гибкой политики согласования интересов федерации и субъектов федерации. Реалистичными представляются, прежде всего, экономические подходы, предусматривающие расширение социально-экономической самостоятельности субъектов федерации, определение региональной политики и систем местного самоуправления. Обострение этнополитических процессов во многом обусловлено зависимостью их от социально-экономической ситуации. Республики Северного Кавказа относятся либо к группе малообеспеченных, либо бедных регионов. При этом возрастает роль теневой экономики. По данным экспертов, почти каждый житель региона занят, так или иначе, в этой сфере. Юридическое закрепление особых прав «титульной нации» порождает дискриминацию других народов. Проблема русских в республиках Северного Кавказа - это не только вопрос этнополитики, демографии и миграции, а более серьезный фактор, от которого зависит обеспечение межэтнического согласия и перспектива дальнейшего социально-экономического развития региона. Этноконфессиональные процессы характеризуются политической радикализацией ислама. Конфессиональный фактор, не имевший исходно особого веса в нагнетании конфликтной напряженности, стал приобретать опасные черты по мере использования его экстремистами, опирающимися на фундаменталистские идеи в их крайних формах. В целях эффективности борьбы с этнополитическим экстремизмом и терроризмом, профилактики их, важен комплексный анализ этого сложнейшего социально-политического феномена. Государство, несущее главную ответственность за противодействие экстремизму, должно использовать все имеющие в его распоряжении средства для профилактики этого явления. В Российской Федерации государственная национальная политика должна учитывать своеобразие регионов, традиционные формы общественного устройства. Демократическая национальная политика предполагает партнерские отношения наций-этносов и государства во всех сферах жизни.

Таким образом, к важнейшим проблемам современной государственной национальной политики в России относятся дальнейшее совершенствование ее законодательной базы и обеспечение действенности институтов, средств и форм демократического решения иных задач в национальной сфере, повышение эффективности

мероприятий органов власти всех уровней в реализации концептуальных основ и конкретных программ этнокультурного развития формирующегося гражданского общества.

Список литературы

1. Кравченко И.Н., Туфанов Е.В. Проблемы и перспективы реализации государственной политики России в Северокавказском регионе // Вестник СевКавГТИ. 2014. № 16. С. 60-65.
2. Кравченко И.Н., Гузынин Н.Г. О роли концепции государственной национальной политики в России // НаукаПарк. 2014. № 5 (25). С. 16-19.
3. Кравченко И.Н., Туфанов Е.В. Актуальные проблемы преподавания гуманитарных дисциплин в аграрных вузах // Вестник АПК Ставрополья. 2014. № 2 (14). С. 248-251.
4. Кравченко И.Н. Исторический опыт Федеративной политики советского государства. // Основные проблемы общественных наук: сб. науч. тр. меж. научн. конф. Волгоград. 2014. С. 6-9.
5. Кравченко И.Н., Туфанов Е.В. Национальная стратегия России: северокавказский срез // НаукаПарк. 2014. № 8 (28). С. 2-9.
6. Кравченко И.Н., Туфанов Е.В. История взаимоотношений Федерального центра и Чеченской республики в 90-е гг.XX века // НаукаПарк. 2014. № 10 (30). С. 95-98.
7. Туфанов Е.В., Кравченко И.Н. Социально-экономический кризис в начале 1920-х гг. Переход от военного коммунизма к новой экономической политике // НаукаПарк. 2014. № 8 (28). С. 9-12.
8. Туфанов Е.В., Кравченко И.Н. Номенклатура – правящий класс Советской России // НаукаПарк. 2014. № 10 (30). С. 101-102.

К ВОПРОСУ О ПАТРИОТИЧЕСКОМ ВОСПИТАНИИ

Мартюшов Л.Н.[1], Мартюшова И.Л.[2]

[1]Д – р. истор. наук, профессор ФГОБУ ВПО УрГПУ, г.Екатеринбург
[2]Канд. истор. наук, доцент УрГЭУ, г.Екатеринбург

В настоящее время в стране идет разработка единого учебника истории для средней школы. Идея о необходимости такого учебника была высказана В.В. Путиным в феврале 2013 года на заседании Совета по межнациональным отношениям. Работу по созданию учебника проводит Российское историческое общество (РИО) во главе с председателем Государственной думы С.Е. Нарышкиным. Эта задача чрезвычайно актуальна. Совершенно верной представляется точка зрения П. Акопова о том, что «по своей важности принятие новой концепции школьного учебника истории сродни утверждению гимна или флага. Фактически речь идет о Символе веры (то есть сути учения), потому что преподавание истории собственной страны имеет важнейшее значение при формировании гражданина. От того, что и как вам расскажут в школе, зависит то, как вы будете относиться к народу и государству, частью которого вы являетесь, будете ли вы любить или ненавидеть, возмущаться или восторгаться прошлым и, в конечном счете, понимать путь, который прошла страна, то есть ваши же предки.»[1]. Как полагает президент, без единой линейки учебников российские «молодые люди не понимают в какой стране они живут, и не чувствуют связи с предыдущими поколениями», в том числе недооценивают подвиг ветеранов Великой Отечественной войны; существующее разнообразие учебников (до 65 наименований для 10-х классов) избыточно. Единая линейка учебников позволила бы продемонстрировать непрерывность российской истории, показать, что «судьба России создавалась единением разных народов, традиций и культур» [2]. Ошибаются те, кто думает, что в наше время школьный учебник – это всего лишь один и далеко не самый важный для ребенка источник получения знаний об истории – и никакой даже самый правильный учебник не перебьет впечатлений от кино, массовой «исторической» литературы и интернета. Для любого школьника слово учителя имеет огромное значение, а строка из учебника часто запоминается как первая, а зачастую и единственная, информация о событии или личности.

Вопрос о создании единого учебника осложняется тем, что отсутствует единая концепция его написания. В конце 1980-х – начале 1990-х гг. с изменением политического строя происходит отказ от «моноидеологии» - идеологии марксизма как единственно допустимого метода исторических исследований. В статье 13 Конституции РФ подчеркнуто, что «ни одна идеология не может быть установлена в качестве государственной». В условиях крушения коммунизма это привело к так называемой «методологической революции», когда все исследования, осуществленные в рамках марксистской парадигмы, априорно объявлялись консервативными и нелепыми. Такое

положение в исторической науке явилось результатом отождествления понятий «научная концепция» и «идеология». Между тем, эти понятия несут в себе различное содержание. В «Википедии» дается следующее определение идеологии : «Идеоло́гия (греч.ιδεολογία, от греч. ιδεα — прообраз, идея; и λογος — слово, разум, учение) - система концептуально оформленных взглядов и идей, выражающая интересы различных обществ, социальных классов и групп, в которой осознаются и оцениваются отношения людей к действительности и друг к другу, а также либо санкционируются существующие в обществе формы господства и власти (консервативные идеологии), либо обосновываются их преобразования (радикальные, революционные идеологии). Идеология — не наука (хотя может включать в себя научные знания): в отличие от науки идеология не только представляет собой знание о социально-политической жизни, но также включает в себя оценку (степень желательности/нежелательности с точки зрения субъекта идеологии) тенденций, процессов и различных сил этой социально-политической жизни».

Идеология призвана заниматься обоснованием интересов и ценностей тех или иных социальных слоев, классов, этносов, конфессий. Каждая идеология стремится доказать правомерность своих взглядов, идей, ценностей и несостоятельность других. В советский период марксизм был объявлен «научной идеологией», а остальные точки зрения – «буржуазными». Концепция же, это система взглядов, определенный угол зрения на те, или иные явления, способ их трактовки, возникающий на базе научного исследования. Каждая концепция определяет свою методологию – совокупность методов исследования. Научная концепция не претендует на то, чтобы быть единственно правильной, учитывает взгляды и выводы представителей других направлений.

Разница между наукой и идеологией очень четко показана выдающимся русским социологом А.А. Зиновьевым. «Задача науки – познавать мир. Задача идеологии – не открытие новых истин о природе, обществе и человеке, а организация общественного сознания, приведение сознания людей к некоторому общему стандарту, управление людьми путем воздействия на их сознание… Понятие истины к идеологии не применимо, как оно не применимо и к религии»[3]. К сожалению, в исследованиях советского периода эта разница была сведена к нулю.

В начале 1990-х гг., на смену одной идеологии – марксистской, пришла другая – либеральная. Некритически заимствовались идеологические штампы из работ западных историков. Широкое распространение получила концепция «советского тоталитаризма». Представители этого направления проводят параллели между советским обществом и гитлеровской Германией 1930-х гг., объединяя их термином «тоталитаризм». Многие историки восприняли новые идеологические штампы, как руководство к действию, стали переписывать историю с либеральных позиций. Отличие этой литературы от литературы советского периода заключалось лишь в полярной смене оценок, в целенаправленном поиске негатива.

Безусловно, различные историки по-разному интерпретируют исторические события, исходя из своих взглядов, политических убеждений, дают различные толкования событий, по-разному их оценивают. Не следует игнорировать тот факт, что историческая наука была и остаётся ареной острейшей идеологической борьбы. Историки стремятся оправдать политику своих государств, зачастую тенденциозно излагая факты. Историки различных направлений выражают интересы того или иного класса, социального слоя, зачастую не совпадающие с взглядами других слоёв общества. Различные историки работают в рамках определённой системы ценностей, исторической парадигмы, причём эти системы различны у разных народов и меняются по истечении времени, зачастую, в различные эпохи прямо противоречат друг другу. Не случайна фраза о том, что «каждое поколение пишет свою историю». Социальный заказ историкам со стороны общества и власти присутствует, важно только, чтобы он стимулировал появление самих исторических работ, связанных с определенной, интересующей общество, тематикой, но не предопределял выводы исследователя, труд которого в таком случае из исторического превращается в идеологический. Борьба различных теоретических направлений – общее явление, характерное для любой науки. Именно в борьбе мнений рождается истина. Старые положения и выводы устаревают, на их основе создаются новые. В ходе развития исторической науки, историки различных направлений на основе анализа фактов корректируют свои взгляды, учитывают аргументы историков противоположных направлений и, в конечном итоге, их позиции сближаются, хотя борьба мнений будет существовать всегда, без чего невозможно развитие исторической науки. Каждый историк, вне зависимости от политических взглядов, вносит свой вклад в развитие исторической науки в целом. Поэтому все разговоры о плюрализме оценок, относительности исторического знания и прочем можно смело отставить. Если у вас нет концепции истории собственной страны, значит, вашим детям вложат в голову чужие взгляды на историю вашей страны. И они вырастут в полном убеждении, что Россия – это ошибка европейской цивилизации, а наши правители были один другого кровожадней и глупее. Это будут колониальные дети – и сколько таких уже воспитали за годы «реформ».

25 апреля 2013 года в ходе «Прямой линии с Владимиром Путиным» президент подтвердил свою позицию, сказав, что учебники истории должны иметь единую концепцию и официальную оценку происходящего.

Какова же должна быть концептуальная основа единого учебника? На наш взгляд идеей объединяющей всех граждан России различных политических взглядов и убеждений может быть идея патриотизма . Патриоти́зм (греч.πατριώτης — соотечественник, πατρίς — отечество) — нравственный и политический принцип, социальное чувство, содержанием которого является любовь к Отечеству и готовность подчинить его интересам свои частные интересы. Патриотизм предполагает гордость достижениями и культурой своей Родины, желание сохранять её характер и культурные особенности и идентификация себя с другими членами народа, стремление защищать интересы Родины и своего народа. Исторический источник патриотизма — веками и тысячелетиями закреплённое существование обособленных государств, формирующее привязанность к родной земле, языку, традициям. В условиях образования наций и образования национальных государств патриотизм становится составной частью общественного сознания, отражающего общенациональные моменты в его развитии. Понятие патриотизма шире понятия «идеологии». Патриотом может быть либерал (нет больших патриотов, чем американцы), может быть консерватор, может быть религиозный фундаменталист – любовь к Родине объединяет всех.

Существует тенденция ставить знак равенства между патриотизмом и шовинизмом. Патриарх Алексий II в интервью газете «Труд» писал: «Мне кажется, что чувство любви к собственному народу столь же естественно для человека, как и чувство любви к Богу. Его можно исказить. И человечество на протяжении своей истории не раз искажало чувство, вложенное Богом. Но оно есть. И здесь ещё одно очень важно. Чувство патриотизма ни в коем случае нельзя смешивать с чувством враждебности к другим народам. Патриотизм в этом смысле созвучен Православию. Одна из самых главных заповедей христианства: не делай другому то, что ты не хочешь, чтобы делали тебе. То же самое патриотизм. Не разрушай у других, а созидай у себя. Тогда и другие будут относиться к тебе с уважением. Я думаю, что сегодня у нас это основная задача патриотов: созидание собственной страны». В нашем случае речь идет не о собственно русском патриотизме, а о патриотизме народов России. В.В.Путин неоднократно подчеркивал, что речь идет о России, как о единой евразийской цивилизации, синтезирующей культуру европейских и азиатских народов, населяющих ее. Россия – наследница великих евразийских цивилизаций – Византийской и Татаро – Монгольской. Учебник истории России должен быть написан как учебник истории русской цивилизации (что нисколько не умаляет все вошедшие в нее народы, от татар до якутов), с ясным пониманием и раскрытием тех законов ее развития, что и сформировали ее отличия от всех соседей – от китайцев до европейцев. И с честным рассказом об агрессии этих самых соседей и о том, как под влиянием «модных» чужеземных идей наше правящее и думающее сословие отделялось от собственного народа, стремясь говорить и думать по-французски.

Важнейшая задача исторического образования – это воспитание историей, формирование в сознании гуманистических и патриотических принципов. Невозможно любить свою страну, быть её патриотом, не зная её истории. Как можно любить то, чего не знаешь? Речь естественно не идёт о приукрашивании нашей истории. Она не нуждается в этом. У нашей страны великая история. Россия в XIII в. закрыла Европу от татаро-монгольского нашествия; в XIX в. разгромила армию Наполеона, покорившего всю Европу; в XX в. спасла мир от гитлеровского нашествия. Где были бы теперь западноевропейские демократии, пытающиеся учить нас, как нам нужно жить, если бы в войне победил не Советский Союз, а гитлеровская Германия? Мы первыми запустили искусственный спутник земли, первыми послали человека в космос, построили первую атомную электростанцию, первый атомный ледокол. Таких примеров сотни, если не тысячи.

Да, в нашей истории немало тёмных, трагических страниц, но их не больше, чем в истории любой другой страны. К сожалению, в последние двадцать лет для нашей исторической науки характерен поиск «негатива». В изложении ряда историков либеральной, прозападной ориентации история России предстаёт как цепь ошибок и преступлений, как уродливое отклонение от «магистрального пути развития человечества», под которым понимается путь развития Западной Европы и США. Такая история, естественно, не может быть орудием воспитания патриотизма. Однако правильна ли такая постановка вопроса?

Россия, в отличие от Запада, не имела колоний, у нас не было работорговли. В стране, считающей себя эталоном демократии – Соединённых Штатах Америки – до середины XIX в. существовало рабство негров. Единственный раз в истории человечества применили атомное оружие именно демократические США, а не Советский Союз. А можно представить себе, что писали бы «демократические» историки, если бы Югославию, Ирак, Ливию бомбили бы самолеты не НАТО, а России. Да, советские войска осуществили интервенцию в Венгрию в1956 г, в Чехословакию в 1968 г, в Афганистан в 1978 г, но ведь и войска США в свою очередь, вели войны в Корее, Индокитае, оккупировали Ирак, находятся в настоящее время в Афганистане. Конечно, речь не может идти об оправдании, замалчивании негативных моментов нашей истории, но лишь об объективности, о том, чтобы подходить к оценке исторических событий с единой мерой. Учащиеся должны понимать, что история им не врет.

Основным методологическим принципом изучения истории является принципиисторизма. Суть его – каждое историческое событие, явление должно рассматриваться не само по себе, не изолированно, а в конкретно-исторических условиях, в неразрывной связи с обстоятельствами, его породившими, и с теми последствиями, которые это событие породило. В этой связи встаёт вопрос об оценке исторического события. Безусловно, изучение прошлого невозможно без анализа его ошибок и просчётов. Но что считать ошибкой? То, что признали за ошибку современники, или то, ошибочность чего нам стала ясна сегодня? Но меняются исторические условия, объём знаний. Есть опасность, что углубление наших знаний об обществе будет сопровождаться бесконечным открытием всё новых и новых ошибок в прошлом. Видимо оценивать те или иные исторические события нужно не с позиций современного знания, и уже тем более не с позиций поиска виновных. Критерий должен быть другим – в какой мере в пределах понятий и представлений того времени, его возможностей и средств можно было найти другое, более оптимальное решение, способствовало ли данное решение разрешению сложившихся в то время проблем, являлось ли адекватным ответом на «вызов», поставленный перед обществом. Каждое поколение решает свои проблемы теми средствами, которые имеет, и давать оценку деятельности предков с точки зрения опыта последующих поколений некорректно. Говорим ли мы об Иване Грозном или Петре, о Распутине или Сталине – все они должны изучаться как часть единой русской истории, как деятели, хотевшие добра и величия своей Родине . Да, как и все, они ошибались, но не должно быть взгляда сверху вниз, из нашего «продвинутого» настоящего в их «темное» прошлое. Потому что это самая большая ложь и иллюзия, свойственная человеку, – судить о мотивах действий своих предков, исходя из чувства собственной непогрешимости и «прогрессивности» своего времени.

К сожалению, пересмотр всей нашей истории, поиски «белых пятен истории» и закрашивания их черной краской продолжается уже свыше четверти века. Выросло уже не одно поколение не только учеников, но и преподавателей истории. Сейчас стоит задача - возвращать себе (а значит, и нашим детям) знание и уважение к собственной истории. Ведь наша сегодняшняя проблема не только в том, что у нас четверть века не было единой концепции школьного учебника, а в том, что у нас вообще не было никакой концепции отношения к собственному прошлому. Было полное устранение властей от идеологических споров, а учитывая, что все идеологические разногласия у нас являются производными от различных взглядов на историю России, то и от споров об истории. Между тем вопрос о том, какую историю преподавать, является актуальнейшей политической и идеологической проблемой вовсе не детского масштаба. На заседании Российского исторического общества, посвящённом началу работы над учебником, руководитель Администрации Президента РФС.Б. Иванов отметил, что современная подача исторического знания в школах приводит к тому, что «дети зачастую просто не понимают, о чём идёт речь». Это ведет к падению интереса к истории в целом. При таком подходе само преподавание курса превращается в профанацию.

Таким образом, создание единого учебника истории для средней школы – необходимый, но не достаточный шаг по пути воссоздания в стране системы исторического образования, как важнейшей составной части патриотического воспитания.

Список литературы

1. http. // www.vs. ru / columns/ 2013/9/26/652237.html.
2. http: // ruwikipedia org /wiki/
3. Зиновьев А.А. Планируемая история. – М.: Изд-во АСТ МОСКВА, 2009.- С.155.
4. http: // ruwikipediaorg /wiki

СЛАВЯНО-АДЫГСКИЕ КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ (СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ)

Денисова Н.Н.

Адыгейский институт гуманитарных исследований

Для современной России патриотическое воспитание населения является одним из основных, но пока положительно не разрешенных направлений ее внутренней политики. Потери предшествующих лет зримо дают о себе знать, принимая новые, порой, достаточно острые проявления. В связи с этим можно с уверенностью констатировать, что страна стоит перед серьезным вызовом, отсутствие адекватного ответа на который вполне может грозить ее целостности.

Резкое изменение условий жизни и ценностных ориентаций это и есть тот самый «вызов», адекватный ответ, на который и должно найти российское общество. Нельзя не согласиться с великим историком (А. Тойнби) в том, что, не оценив своевременно «вызова», культура и общество неминуемо придут не только к кризису, который мы уже имеем, но и, в конечном счете, к своей гибели.

В нейтрализации этих негативных явлений велики роль и значение творческого, интеллектуального меньшинства, которое, уловив вызов, сформулировав адекватный ему ответ, должно увлекая за собой массу, способствовать переходу общества в качественно новое состояние.

Предпринятый экскурс в философию истории А. Тойнби объясняется тем, что в центре данного исследования будет роль и значение творческой и научной интеллигенции Адыгеи в возрождении истинного смысла понятия «патриотизм», которое претерпело в современной России значительные трансформации. Не так далеки те времена, когда в погоне за сомнительными культурными и политическими ценностями, настойчиво внедряемыми в российское общественное сознание, понятие патриотизма подвергалось «коррозии», на смену критикуемому советскому патриотизму приходил патриотизм этнический и региональный. Общегражданский же российский патриотизм отодвигался на второй план. Никак не отвергая ценности и важности этнического и регионального патриотизма, представляется, что закономерным их результатом должен стать, в конечном счете, общероссийский патриотизм. Одним из главных может стать возрождение культурно-исторического опыта взаимодействия различных этносов, населяющих в данном случае Республику Адыгея. Не идеализируя накопленный опыт, тем не менее, можно утверждать, что в истории взаимоотношений народов было неизмеримо больше положительного, чем негативного.

Примеров плодотворного культурного сотрудничества различных этносов в республике достаточно. Не претендуя на всеобъемлющие освещение данной проблемы, как основы для формирования общегражданского патриотизма, следует, однако, признать, что наиболее плодотворное взаимодействие имело место быть в сфере образования, науки и искусства.

Первые шаги в создании адыгейского языкознания, как отрасли науки, принадлежали адыгу Дауту Ашхамафу и профессору Николаю Яковлеву. Авторами одного из первых научных трудов по истории и этнографии адыгов «Адыгея: историко-этнологический и культурно-экономический очерк», который явился началом научно-исторического адыговедения, стали адыгский просветитель С. Сиюхов и кубанский краевед профессор Б. Городецкий.

Наряду с адыгскими этнографами и фольклористами собирали, обрабатывали и сохраняли для потомков богатейший фольклорно-музыкальный материал адыгейского народа известные русские композиторы Михаил Гнесин, Александр Гребнев, Григорий Концевич и Николай Миронов.

В первые годы советской власти совместными усилиями адыгских и русских ученых предпринимались небезуспешные попытки подготовки профессиональных научных и педагогических кадров для молодой области. В Кубанском педагогическом институте, по инициативе руководства вуза была открыта кафедра черкесоведения, «занять которую получил предложение зав. Адыгобоно Сафербий Сиюхов»[2:71].

В этот же период отмечается пристальное внимание российской академической науки к истории адыгов. Наряду с адыгами: С. Сиюховым, И. Наврузовым, Д. Ашхамафом, К. Мишуриевым, Ш. Кубовым, Ч. Пшунеловым, А. Чамоковым, И. Цеем, в Обществе изучения Адыгейской (Черкесской) области, предшественнике научно-исследовательского института, активно трудились представители научной общественности Москвы, Ленинграда, Краснодара – профессора А.Н. Генко, Б.М. Городецкий, А.Н. Грен, Н.Ф. Яковлев, А.А. Миллер и др.[5: 140]. Помогали становлению исторической науки в Адыгее такие авторитетные ученые страны как Л.И. Лавров и Е.С. Зевакин. Последний как представитель Академии Наук СССР был зачислен в штат научно-исследовательского института, возглавив его сектор истории [3:17].

Современные ученые продолжают исследования проблемы культурного взаимодействия народов Республики Адыгея. Адыги пишут о значении и ценности русского языка в полиэтничном регионе, его исторической роли в становлении культуры адыгов в XIX-XX вв. [7:172]. Проблемам межэтнического согласия посвящен ряд статей социологов. Этнологи и культурологи Адыгеи много внимания в своих исследованиях уделяют проблеме этнических взаимодействий.

В 2009 г. вышел в свет сборник статей «Диалог культур: славяне в социокультурном пространстве Северо-Западного Кавказа», который получил положительную оценку специалистов, отметивших «серьезность и многоаспектность» разработки проблемы диалога культур. Исследование выполнено авторским коллективом славян и адыгов, что, очередной раз, свидетельствовало о «продуктивности взаимодействия языков и культур в общем региональном поле».[7:174]

Многогранность и сложность межэтнических культурных контактов в современном мире порождает широкий диапазон проблем в науке, касающихся как глобальных общемировых процессов, так и локальных

явлений в тех или иных этнокультурах. Учеными Адыгеи исследуется достаточно широкий круг проблем культурных контактов. Приведем некоторые из исследований: «Славяне и адыги: диалог культур», «Диалог культур на пересечении русской и адыгской музыки XX-XXI вв. (на материале композиторского творчества Адыгеи)», «Языковое взаимодействие в полиэтничном пространстве Республики Адыгея (социологический анализ)», «Общие черты в символике русской и адыгейской культур», «Языковые, исторические и культурные аспекты взаимодействия народов», «Культура и взаимодействие народов», «Язык музыки как средство духовного общения», «Язык музыки – язык диалога культур», «Кубанский казачий хор и Адыгея: культурный диалог», «М.Ф. Гнесин – собиратель и пропагандист адыгейского музыкального фольклора», «Проблемы северокавказского просветительства в контексте общероссийского просветительского движения», «Роль российских исследователей в сборе и изучении адатов кавказских горцев», «Проблемы сближения народов Северного Кавказа с Россией во взглядах и деятельности Н.И. Воронова», «Особенности влияния российских ученых на просветительскую и педагогическую деятельность в северокавказском регионе», «О влиянии российской передовой мысли на развитие северокавказской общественной мысли во второй половине XIX в.», «Научно-просветительская и педагогическая деятельность российской интеллигенции в северокавказском регионе (вторая половина XIX в.)», «Забытый эпизод сотрудничества казаков и горцев», «О влиянии адыгов на формирование раннего казачества», «Северокавказские горцы и казаки: взаимопроникновение культур», «Семейные обычаи и традиции у казаков и адыгов и их влияние на воспитание подрастающего поколения» и др.В период становления высшей школы в Адыгее также отмечалась активная совместная работа адыгских и русских организаторов образования. Первыми директорами Адыгейского государственного института были ученые из Воронежа и Ленинграда. Становлению института помогали ученые, аспиранты и выпускники вузов страны, приехавшие в Майкоп по направлению Министерства просвещения. Выпускники столичных вузов привнесли в институт дух высокого профессионализма и научного поиска. В первые годы в институте работали известные ученые Г.Ф. Турчанинов, крупнейший специалист по кавказским языкам, Т.А. Ладыженская, академик, доктор педагогических наук, о которых и по сей день вспоминают их бывшие студенты и коллеги, отмечая их «человечность и хорошие деловые качества», они олицетворяли собой «образ русского интеллигента-педагога, бескорыстно служащего просвещению».[8:141]

Очень скоро профессорско-преподавательский состав пополнился преподавателями-адыгами. В их числе Х.Б. Дауров, З.И. Керашева, Ю.К. Намитоков, М.Ш. Кунижев, М.Х. Шаов, К.И. Бузаров, Л.Х. Цыпленкова, Л.Г. Мамий и мн. др.

Прочные славяно-адыгские культурные связи сложились и в сфере искусства. Межэтнические контакты на территории бывшего СССР и современной России, в том числе и в Адыгее, представляют собой уникальный материал для исследований. Совместное проживание представителей разных этносов на одной территории во многом определило устойчивые и активные культурные интегративные процессы [1:115], в том числе в музыкальной культуре. Яркий тому пример содружество Кубанского казачьего хора и творческих коллективов Адыгеи, истоки которого относятся к 1937 г., когда хор под руководством Г.М. Концевича и Я.М. Тараненко впервые побывал в Майкопе и навсегда завоевал сердца жителей Адыгеи. Новый импульс этому содружеству придал нынешний руководитель хора В.Г. Захарченко, большой патриот не только Кубани, но и Адыгеи. В практику работы творческих коллективов вошли культурные обмены, совместные гастроли, которые свидетельствовали о том, что народное искусство – одно из действенных средств, служащих взаимопониманию и взаимоуважению народов. Как отмечал В.Г. Захарченко, «концерт национального (адыгейского) ансамбля танца и казачьего хора – это действие, а не абстрактный призыв к абстрактной дружбе»[6:139]. И далее на встрече с творческой интеллигенцией В.Г. Захарченко вновь подчеркнул роль и значение искусства в сохранении дружбы между народами, отметив: «Ваш «Исламей» русские также любят в Краснодаре, как и адыгейцы наш хор в Майкопе»[6:140]. Глубоко уважая адыгский народ и его культуру, знаменитый руководитель хора подчеркивал: «Адыгская народная музыка уже отчасти является и нашей музыкой. Взаимовлияние в культуре сильнейшее. На современной кубанской свадьбе обязательно танцуют под адыгейскую мелодию «Кабардинки» и «танец Шамиля». Они органично вошли в кубанскую культуру равно как русская и украинская музыка» [6:142]. Примеры содружества творческих коллективов Краснодарского края и Республики Адыгея можно продолжать. Подтверждением тому и примером диалога культур стала, например, постановка танца «Кавказская сюита» заслуженным деятелем искусств России и РА Н. Кубарем.

Вместе с тем, как неоднократно отмечал В.Г. Захарченко, большой знаток народной культуры, «при всех взаимовлияниях каждая культура оригинальна и остается сама собой…»[6:142].

Руководство Республики Адыгея высоко оценивает вклад кубанских деятелей искусства в развитие культурного диалога. Традицией стало присвоение республиканских почетных званий кубанцам и наоборот. Руководство Адыгеи неоднократно подчеркивало, что с момента первого приезда в Майкоп «Кубанский казачий

хор был нашим общим детищем, подпитываясь и талантами нашей земли», ведь трудно представить этот коллектив «без искрометных и виртуозных» адыгских танцев[6:144].

Частые гости в Краснодаре творческие коллективы Адыгеи: Государственный ансамбль танца РА «Нальмэс», Государственный ансамбль песни и танца «Исламей», муниципальный детский песенно-танцевальный ансамбль «Казачата». Многие годы Кубанский казачий хор и «Исламей» совместно выступают на сценических площадках края, республики, других субъектов Южного федерального округа, Москвы и зарубежья. Помимо всего прочего руководителей творческих коллективов связывает крепкая личная дружба. В.Г. Захарченко и А. Нехай являются кунаками.

Подтверждая необходимость дальнейшего расширения культурных связей Кубани и Адыгеи, в 2008 г. был подписан Договор о сотрудничестве Кубанского казачьего хора с национальным театром РА, Русским государственным драматическим театром им. А.С. Пушкина и Камерным музыкальным театром им. А. Ханаху. Представители творческой интеллигенции края и Адыгеи выразили желание «расширить то взаимное сотрудничество, которое в традициях… творческих концертных коллективов». Обе стороны выразили стремление «к реальному наполнению тесного культурного сотрудничества двух близких российских регионов».

Большую роль в поддержании активных творческих связей играет фестиваль казачьей культуры, который ежегодно проводится в пос. Тульском Майкопского района РА. Исторический факт проведения фестиваля на древней адыгской земле свидетельствует об общих корнях казачьей и адыгской культур, о долгих добрососедских отношениях, о мудрости народов, которые хотят жить в мире и дружбе [4].

Анализируя факты взаимовлияния и взаимопроникновения культур на примере Республики Адыгея, закономерно приходишь к выводу, что в культуре, как и в общественной жизни, время «старших» и «младших» братьев прошло. Понимание этого очень важно, как для политика и управленца, так и для каждого жителя России. Только при таких условиях возможно достичь реального, а не мнимого согласия и воспитать настоящих российских патриотов.

Исторический опыт культурного взаимодействия различных этносов России весьма богат и разнообразен и в нем гораздо больше позитивного, жизненного, чем негативного. Главное не предать его забвению и не превратить в объект только теоретических исследований. Этот опыт стоит того, чтобы его не только изучал узкий круг специалистов, его необходимо, возрождая, внедрять в политико-социальную практику, наполняя и обогащая современным содержанием.

В реализации этих положений возрастает роль историков, этнографов, культурологов, социологов, в том числе Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований. Основан институт был в 1927 г. «для изучения культуры и быта адыгейцев в прошлом и настоящем, сбора и публикации фольклорного материала» [2: 73]. В настоящее время в соответствии с требованиями и вызовами времени деятельность и проблематика его научных исследований значительно расширилась. В 2005 г. в структуре института был создан отдел славянской культуры, одной из задач которого стало не только продолжение исследований по истории отношений России с народами Кавказа, но и выработка новых методологических подходов к исследованию данной проблематики.

В 2010 г. отдел был переименован в отдел славяно-адыгских культурных связей тем самым перед научными сотрудниками института и отдела открывался более широкий спектр изучения, осмысления и, в конечном счете, внедрения в современную практику позитивного исторического опыта культурного взаимодействия славян и адыгов, самых многочисленных, давно и плодотворно контактирующих этносов, от характера взаимодействия которых во многом зависит социально-политическая и культурная ситуация в регионе. Определенную роль сыграли и особенности географического положения Республики Адыгея, которая граничит только с Краснодарским краем, находясь как бы «внутри него». Большую роль в стабилизации межэтнической обстановки играли и продолжают играть адыго-казачьи отношения. Эти факторы, являясь консолидирующими, учитывались и продолжают учитываться во всех сферах общественной жизни республики и края.

Изучение и использование опыта славяно-адыгских культурных связей никак не принижает значимости культур других этносов республики. Оно, напротив, создает позитивную основу для развития межэтнического диалога в целом. Непременным условием реализация этих положений является обязанность представителей славянской и адыгской научной и культурной интеллигенции обеспечения условий для удовлетворения этнокультурных запросов жителей республики, относящих себя к различным этносам.

Для реализации поставленных задач научными сотрудниками отдела разработана долгосрочная целевая программа «Славяно-адыгские культурные связи: история и современное состояние», рассчитанная на 2012-2016 гг. Программа включает в себя разделы: общие положения; специфика, принципы и механизмы реализации программы; формирование благоприятной информационной среды; основные направления программы: история славяно-адыгских связей (первые контакты адыгов и славян; русско-адыгские военно-политические связи;

славяне в этнопанораме Северо-Западного Кавказа, особенности формирования славяно-адыгских культурных связей; культурные заимствования народов в традиционно-бытовой обрядности; казаки и адыги: поиски понимания; феномен куначества; адыги в рядах казачества; адыги на Российской службе); славяно-адыгская топонимика: исторический и языковой аспект (славяно-адыгские (черкесские) связи в топонимике; адыгская историческая топонимия в освещении русских источников); роль городских поселений в культурном диалоге (история создания г.Майкопа; особенности заселения, эволюция национальной и социальной структуры населения Майкопа; роль славянской и адыгской интеллигенции в культурном развитии города; современный этнодемографический портрет города); роль системы образования в установлении и укреплении русско-адыгских культурных связей (институт кавказских воспитанников; роль Ставропольской и Екатеринодарской гимназий в подготовке национальных кадров; роль славянской и адыгской общественности в создании и деятельности Майкопской горской школы – первого учебного заведения в Адыгее; адыгские и русские просветители о системе образования на Северо-Западном Кавказе и языках обучения; адыги и русские – создатели адыгского алфавита; содружество российских и адыгских ученых в формировании учреждений науки в Адыгее; усилия адыгской и русской общественности по созданию системы высшего образования в Адыгее); культурный диалог в сфере музыкального, театрального и хореографического искусства (история музыкально-этнографических экспедиций в Адыгее под руководством М. Гнесина, Г.М. Концевича, И.С. Цея, Н. Миронова, А. Гребнева, В. Мессмана, М. Митрофанова; адыгские национальные театральные и хореографические студии в Москве, Ленинграде, Тбилиси; адыгские деятели искусства на российской и мировой сцене; идеи славяно-адыгских связей в произведениях русских и адыгских писателей; культурное содружество адыгских и казачьих творческих коллективов); межконфессиональный диалог (культурологические параллели в теологической системе древних славян и адыгов; опыт конфессионального диалога в Республике Адыгея; основные религиозные конфессии (ислам и православие) как факторы стабилизации общественно-политической ситуации, воспитания толерантности и взаимоуважения народов республики.

Предполагается, что реализация данной программы позволит решить многие важные для Республики Адыгея задачи, в том числе и, в первую очередь, на основе историко-культурного опыта этносов и его современного состояния, проживающих на ее территории, совершенствовать патриотическое воспитание граждан.

Список литературы

1. Анзароков Ч.М., Анзарокова М.Ч. Диалог культур на пересечении русской и адыгской музыки XX-XXI веков // Мир славянской культуры: история и современность. Материалы научных чтений, посвященных Дню славянской письменности и культуры. Краснодар, 2009.
2. АРИГИ – 70 лет. Майкоп. 1999.
3. ГУ НАРА. Ф. Р-1127. Оп. 1. Д.1.
4. XX фестиваль казачьей культуры // Краснодарский край. 2011. 2 июня.
5. К 200-летию Всесоюзной Академии наук. Приветственный адрес от ОИА (Ч) А0. Национальный архив Республики Адыгея (далее ГУ НАРА). Ф. Р-21. Оп. 1. Д. 1.
6. Луганская Г.Б. Кубанский казачий хор и Адыгея: культурный диалог // Вопросы казачьей истории и культуры. Вып. 7. Майкоп, 2011.
7. Мир славян Северного Кавказа. Краснодар, 2011.
8. На пути к классическому университетскому образованию. Майкоп, 2005.

СОВЕТСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭЛИТА – СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АНАЛИЗ

Туфанов Е.В.

Ставропольский Государственный Аграрный Университет, г.Ставрополь

Политическая система является одним из факторов, который определяет устойчивое развитие любого социума. Процесс формирования советской политической элиты страны имеет актуальное практическое значение. Партия большевиков играла огромную роль в социально-политических процессах, происходивших в России в период становления Советской власти. События 1917 г. вызвали изменения в системе формирования и становления политической элиты государства. Важную составляющую политических и социальных процессов

можно рассмотреть только через роль личности в истории, через реальных людей в сложных жизненных коллизиях, мировоззренческих установок и ценностных ориентиров.

После установления Советской власти набирает мощь процесс роста партийного и государственного аппарата советской власти. За первые годы деятельности советской власти, с конца 1917 г. до конца Гражданской войны, численность партии большевиков увеличилась до 600 тыс. человек. Правящая партия большевиков из группы революционеров превратилась в доминирующую политическую силу в государстве. В ее рядах царила жесткая дисциплина, и централизация, именно этот факт позволил ей превратиться в важнейшую часть создаваемой политической системы. Национальный состав правящей партии отражал многонациональный облик страны. Кроме великороссов – половина, среди большевиков были евреи - каждый пятый, украинцы, представители народов Кавказа и Прибалтики каждый пятнадцатый, а также представители других народов: татары, поляки, обрусевшие немцы. Уровень образования у большевиков был невысокий, только каждый пятый большевистский лидер имел высшее и каждый четвертый – неполное высшее образование. Остальные - среднее (24 %) и также начальное неполное среднее (30 %) образования. Из 73 представителей большевиков, входивших в 1903 – 1917 гг. в состав руководящих органов РСДРП(б) и большевистской фракции, 22 имели высшее образование, 21 учились в высших учебных заведениях, но были из них за участие в революционном движении исключены. Рабочие, выходцы главным образом из крестьян,- таких 16 человек – имели начальное образование. Получивших среднее образование, общее или специальное, было – 6 человек; тех, кто не закончил гимназию, реальное или духовную семинарию и другие средние учебные заведения – 5. Недостатки образования и профессиональных знаний они компенсировали огромной энергией, упорством и работоспособностью. Именно их усилиями было создано принципиально новое Советское государство.

В течение 1918 – 1920 гг. народными комиссариатами руководил 21 человек, из них 15 – русских, 3 – еврея, 1 – поляк, 1 – грузин, 1 – латыш. По происхождению наркомы принадлежали к различным социальным слоям: мещанам, учителям, дворянам, служащим, крестьянам рабочим, интеллигенции. Социальная среда, особенности воспитания, социальные и бытовые условия формирования личности в целом не могли не повлиять на складывание таких характерных качеств представителей Советской политической системы, как: ранняя гражданская зрелость; резкое неприятие действительности; самостоятельность и решительность в действиях и поступках. Советское государство стало механизмом по реализации политико - идеологических задач правящей партии. Выдвижения производились по классовому и политическому принципу. Назначались прежде всего члены РКП(б), в особенности ценилось социальное происхождение: рабочее или крестьянское. Правящая партия резко увеличила свою притягательность для десятков и сотен тысяч людей. В состав руководящих кадров влились десятки тысяч людей из народа, малограмотных, малокультурных или просто карьеристов, воспользовавшихся членством в ставшей правящей партии в целях, далеких от первоначальных, пусть и утопических, но высоких идеалов большевиков-подпольщиков. В конечном счете, общий уровень культуры и стиль управления новой правящей элиты определялся этим большинством. На ключевых позициях государственного управления большевики сосредоточили интеллектуальный потенциал своей партии. Большинство руководящих должностей заняли коммунисты с высшим и средним образованием. Ядро большевистской партии возглавило государственный аппарат, сосредоточив в своих руках рычаги управления административно-политической, хозяйственной, репрессивно- правоохранительной и военной сферами жизни страны. На руководящие посты местных органов государственного управления назначения производились по тому же принципу, что и в центральные ведомства: их должны занимать коммунисты по следующим критериям: во-первых, партийный стаж; во-вторых участие в революционном движение. За годы Гражданской войны в партию вступило около 800 тыс. человек, а выбыло по разным причинам или исключено в результате партийных чисток примерно 400 тыс. Снижался и общеобразовательный уровень. Основную массу ее членов составляли выходцы из рабочих и крестьян, вступившие в партию после Октября 1917 г., костяк же партийной элиты составляла «старая гвардия», вошедшая в состав партии до Октябрьской революции. В 1919 г. лишь 8 % численности партии составляли вступившие в нее до февраля 1917 г. и 80 % принятые в ряды партии после Октября. Сама принадлежность к партии давала возможность претендовать на получение работы, что в условиях безработицы было крайне важно. В обыденном массовом сознании вступление в партию в большинстве случаев расценивалось, как стремление сделать карьеру. Таким образом, материальное положение, уровень жизни коммунистов, а тем более работника партийного аппарата, все сильнее зависели от его политической позиции, от его готовности исполнять директивы вышестоящих органов. Обязанность беспрекословного выполнения решений руководящих органов делала рядовых членов партии в определенной степени заложниками системы. Противоречие между теоретическими идеалами и реальной практикой становилось на разных этапах все более ощутимым для части из них. В этом была не всегда осознаваемая трагедия десятков и сотен тысяч людей, вступивших в коммунистическую партию ради реализации высоких идей и стремившихся воплотить их в своей деятельности. Именно такой партии

предстояло найти свое место в новой политической системе, возникшей после Октября 1917 г., и выстроить свои отношения с субъектами этой системы.

Анализ характерных социокультурных черт и параметров российской новой политической элиты, формировавшиеся после Октября 1917 г. позволяет сделать вывод, что лидеры большевиков были самые молодые среди представителей других политических партий и объединений, более интернациональные, но и наименее образованные и наиболее «провинциальные» по социальному происхождению.

Советская государственность впитала в себя значительную часть не только царского, но и после февральского государства. Первые месяцы после Октябрьской революции – это время начала складывания типа советского управленца, формирования управленческих традиций, бюрократических навыков, ставших «образцами» на долгие годы. Революция «родилась» из войны, и новый государственный аппарат унаследовал ее психологию, связанную с падением самоценности человеческой жизни. К весне 1918 г. революционным творчеством трудящихся масс, руководимых партией большевиков, была в основном создана новая государственность, новый тип государства, она боролась за то, чтобы сделать аппарат государственной власти максимально работоспособным, гибким, умеющим решать сложные вопросы обороны страны и строительства народного хозяйства. Придя к власти, новая политическая элита пытается создать свой «политический резерв», который станет гарантом стабильности нового политического строя, чтобы из этого «резерва» черпать новых представителей политической элиты.

Список литературы

1. Туфанов Е.В. Формирование Советской политической системы в 1917-1920 гг. (на примере Рязанской губернии). дисс. … канд. ист. наук / Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева. Саранск 2010. С. 204.
2. Туфанов Е.В. Формирование советской политической системы в 1917 – 1920 гг.: автореф… дисс. канд. ист. наук. Саранск , 2010. С.24.
3. Туфанов Е.В. К вопросу о формировании региональной элиты 1917 – 1920 гг. (на материалах рязанской губернии) // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2009. №6 (2). С.101-106.
4. Туфанов Е.В. Формирование и становление новой политической элиты в первые годы Советской власти // НаукаПарк. 2013. №6(16). С. 5-9.
5. Карамян Л.А. Туфанов Е.В. Карачаево-Черкессия в октябре 1917 года // Российская государственность: история и современность.: сб. науч. статей / СтГАУ. Ставрополь, 2012. С. 130-134.
6. Кравченко И.Н., Туфанов Е.В. Проблемы и перспективы реализации государственной политики России в Северокавказском регионе // Вестник СевКавГТИ. 2014. № 16. С. 60-65.
7. Журавлев В.В. Послеоктябрьский большевизм: от «авторитета идей» к «авторитету власти» (октябрь 1917 - 1920). // Политические партии в российских революциях в начале XX века. / Москва, 2005. С.337-351.
8. Туфанов Е.В. К вопросу о единстве правящей партии – X съезд РКП (б). // Основные проблемы общественных наук: сб. науч. тр. меж. научн. практ. конф. Волгоград 2014. С. 9-10.
9. Туфанов Е.В. Номенклатура – политическая элита Советской России. // Общественные науки: вопросы и тенденции развития: сб. науч. тр. меж. научн. практ. конф. Красноярск 2014. С.9-11.
10. Кравченко И.Н., Туфанов Е.В. История взаимоотношений Федерального центра и Чеченской республики в 90-е гг.XX века // НаукаПарк. 2014. № 10 (30). С. 95-98.
11. Туфанов Е.В. Кравченко И.Н. Номенклатура – правящий класс Советской России // НаукаПарк. 2014. № 10 (30). С. 101-102.

ТВОРЧЕСКИЕ СВЯЗИ И ГАСТРОЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ТЕАТРОВ КАРЕЛИИ В ПЕРИОД ХРУЩЕВСКОЙ «ОТТЕПЕЛИ»

Шорохова И.В.

Петрозаводский государственный университет, г.Петрозаводск

В период хрущевской «оттепели» театральная жизнь Карелии находилась на подъеме. В республике для взрослого населения работало два профессиональных театра. В 1956 г. на базе Театра русской драмы был создан

многопрофильный Музыкально-драматический театр. Важный период в жизни переживал Финский драматический театр республики.

Вторая половина 1950-х гг. отмечена преодолением замкнутости и инертности творческой жизни Советского Союза. Это нашло отражение в оживлении гастрольной деятельности театральных коллективов, расширении ее географии и активизации творческих контактов в театральной среде. Если в 1930-е гг. театры республики имели творческие связи только с ленинградскими коллективами, то с начала 1950-х гг. Музыкально-драматический и Финский драматически театры гастролировали по Советскому Союзу и приглашали на свои сцены театры из разных регионов страны [6, 249; 15, 246].

«Гастроли – это всегда новые эмоции, «свежая кровь» для театра, новые впечатления от нового зрителя. Это, как открыть форточку в душной комнате», - делился своими ощущениями от гастрольных поездок солист петрозаводского Музыкально-драматического театра Д.С. Утикеев [12]. Обмен опытом между театрами СССР стал общей тенденцией развития театральной жизни страны периода хрущевской «оттепели» [14, 204].

С середины 1950-х гг. ежегодно стали проводиться театральные фестивали. Так, в 1956 г. в Риге проходила Первая Прибалтийская театральная весна. В ней принимал участие Финский драматический театр с постановкой по пьесе Х. Вуолийоки «Люди с Дангора». После этого начались двухмесячные гастроли театра в Эстонии [37, 42]. Одна из ведущих артисток Финского драматического театра Е.П. Корнилова обратила внимание на то, что у театра были крепкие творческие связи именно с эстонскими театрами, поскольку «они были близки ему по духу» [11].

Финский драматический театр был ориентирован на сохранение финноязычной культуры Карелии, поэтому все его постановки шли на финском языке с дикторским переводом на русский. Театр имел свой оригинальный репертуар. Он был популярен даже среди русскоговорящего населения КАССР [40, 331-333]. С неизменным успехом во второй половине 1950-х гг. проходили спектакли Финского драматического театра на сценах СССР, а со второй половины 1960-х гг. и в соседней Финляндии [9, 16].

До успешного выступления на Декаде карельского искусства и литературы, проходившей в Москве в 1959 г., молодой Музыкально-драматический театр был частым гостем только в северо-западном регионе РСФСР [8, 88]. С начала 1960-х гг. театр гастролировал уже в Рязани, Туле, Куйбышеве, Ярославле, Горьком, Казани и других городах[1; 2; 3; 4; 5; 35].

В 1963 г. Музыкально-драматический театр «удостоился чести» выступать на Кремлевской сцене в Москве. Творческий коллектив показал столичному зрителю балеты «Сампо» и «Тропою грома», оперу «Дочь Кубы». Для театральных критиков и зрителя стал «очевиден значительный рост» театра края [39, 5].

Особые отношения сложились у музыкальной труппы Музыкально-драматического театра с ленинградским зрителем. Сцены Дворцов культуры Ленинграда стали для неё постоянной гастрольной площадкой. «Здесь был свой зритель,… который приходил именно на наши спектакли», - вспоминала балерина Н.В. Гальцина [8, 88].

Близость Карелии к Ленинграду определяла и значительное его влияние на культурную жизнь республики. Представители творческой среды северной столицы помогали в проведении культурных преобразований в Карелии, передавали свой опыт путем подготовки кадров местной творческой интеллигенции в вузах Ленинграда [6, 14].

Театры Карелии следили за репертуаром столичных театров, а иногда копировали его. Если спектакль успешно шел в Москве или Ленинграде, его почти всегда мог увидеть зритель Карелии в исполнении артистов республики. Уровень театральной жизни Карелии в период «оттепели» был достаточно высоким. Так, в 1963 г. на собрании коллектива Финского драматического театра карельский писатель У. Викстрем обратил внимание на то, что, по признанию зрителей и критиков, спектакль по пьесе С.А. Алешина «Все остается людям» шел в национальном театре Петрозаводска лучше, чем в Академическом театре драмы им. А.С. Пушкина в Ленинграде [32].

С 1950-х гг. карельские театры стали приглашать на отдельные постановки режиссеров из других театров Советского Союза. «Такое театральное общение обогащало и актеров, и репертуар» [38, 88]. Новые методы работы, новый почерк приглашенных режиссеров всегда шли на пользу театру. Так, первый балет Музыкально-драматического театра – балет П. Гертеля «Соперницы»- ставил балетмейстер из Москвы Н. Холфин. С 1958 г. главным балетмейстером театра стал И.В. Смирнов, выпускник ГИСИСа, работавший до этого в театре Ташкента [8, 66-67].

С начала 1960-х гг., когда расширились и укрепились творческие связи между театральными коллективами СССР, Петрозаводск стал популярным местом гастролей для театров северных и центральных районов Советского Союза. В республике с успехом проходили спектакли Архангельского драматического театра им. М.В. Ломоносова (1960 г.), Рязанского областного театра драмы (1961 и 1963 гг.), Ленинградского

Академического театра драмы им. А.С. Пушкина (1962 г.), Николаевского музыкально-драматического украинского театра (1963 г.) и Рыбинского театра (1964 г.) [16; 17; 18; 19; 20; 22; 23; 24; 25; 26; 27; 28; 29; 30; 31].

С середины 1950-х гг. после смягчения режима внутри страны и «потепления» в международной политике начали налаживаться культурные связи СССР с западными странами [10, 127]. Актеры Советского Союза занимали среди других профессиональных групп творческой интеллигенции особое положение. В 1950-е гг. практически только театральные коллективы имели возможность работать за границей [13, 67]. Театры Советского Союза стали налаживать и развивать контакты с иностранными коллегами [14, 6].

Вторая половина 1950-х гг. в культурной жизни Карелии отмечена началом творческого сотрудничества с Финляндией. На отчетно-выборном собрании в Финском драматическом театре в октябре 1956 г. одна из начинающих актрис рассказал о том, что, работая летом переводчицей, смогла пообщаться с финскими туристами. Артистка отметила, что «разные слои финнов просят прислать в Финляндию наш театр». Оказалось, что в соседней стране слушали трансляции радио-спектаклей Финского драматического театра из Петрозаводска. Финская публика полюбила театр и хотела не только слышать его постановки, но и увидеть [33].

В 1957 г. с Петрозаводска началось гастрольное турне по Советскому Союзу двух солистов национального оперного театра Финляндии Линзы Линко и Йормы Хеттунена. Концерты финских певцов пользовались в столице Карелии большим успехом [21].

В 1962 г. артисты Музыкально-драматического театра представляли карельское искусство на VIII Всемирном фестивале молодежи в Финляндии. Они привезли в Хельсинки пять карельских и финских танцев, в том числе свой знаменитый после Декады карельского искусства и литературы в Москве танец с ложками, хореографическую картину «Стелла» и композицию «Память о Хиросиме». Особенно живой отклик у финских зрителей получил балет «Сампо» [34; 7, 148].

Как отмечали сами актеры, финны первоначально встретили гостей холодно и настороженно. Но мастерство артистов «завоевало их сердца» [34]. На спектакли театров билеты продавались очень быстро. В газетах славили артистов балета (С. Губину, В. Мельникова, Ю. Сидорова, Е. Павлову, С. Степанову), восторгались «насквозь танцевальной музыкой» Г. Синисало. Во время выступления балетной труппы Музыкально-драматического театра одна из финских газет писала: «Петрозаводский балет, впервые выступивший в Финляндии, преподнес приятный сюрприз, показав, что в Советском Союзе балет высокого класса имеется не только в таких крупнейших художественных центрах, как Москва и Ленинград, но и в других местах» [36, 66].

Коллектив Музыкально-драматического театра привез из Хельсинки множество восторженных отзывов иностранных зрителей о совершенстве творческих работ и актерского исполнения в карельском театре. Зрители отмечали, что традиции российского дореволюционного балета продолжались в балете советском [34].

Хрущевская «оттепель» в творческой жизни СССР представляется, безусловно, явлением противоречивым и сложным. Но архивные источники, периодическая печать, воспоминания актеров и деятелей культуры Карелии позволяют утверждать, что вторая половина 1950-х – начало 1960-х гг. было временем оживления творческих контактов в театральной среде края. Активная гастрольная деятельность Финского драматического театра по регионам СССР, Музыкально-драматического театра по Советскому Союзу и выступление в Финляндии, приглашение актеров и режиссеров из других советских театров, гастроли театральных коллективов страны в Петрозаводске сделали театральную жизнь республики более насыщенной и интересной. Это позволило карельским актерам профессионально расти, а карельскому театральному искусству занять достойное место в культурной жизни СССР.

Список литературы

1. Архив Музыкально-драматического театра. Д. 1/17. Л. 59.
2. Архив Музыкально-драматического театра. Д. 1/28. Л. 51-52.
3. Архив Музыкально-драматического театра. Д. 1/33. Л. 17.
4. Архив Музыкально-драматического театра. Д. 2/33а. Л. 130.
5. Архив Музыкально-драматического театра. Д. 3/35. Л. 240-241.
6. Афанасьева А.И. Культурные преобразования в Советской Карелии. 1928-1940 гг. Петрозаводск: Карелия, 1989.
7. Вавулинская Л.И. Музыкальное искусство в Карелии в 1950-1960-е гг.: Диалог культур // «Свое» и «чужое» в культуре народов Европейского Севера. Материалы IV международной научной конференции. Петрозаводск, 2003. С. 148-151
8. Гальцина Н.В. Стоит жить. О жизни и творчестве С.П. Звездина. Петрозаводск, 2004.
9. Государственный Ордена Дружбы народов Финский драматический театр. Петрозаводск, 1984.

10. Записка отдела культуры ЦК КПСС. 18 ноября 1958 г. // Идеологические комиссии ЦК КПСС. 1958-1964 гг. Документы. М.: РОССПЭН, 1998. С. 118-131.
11. Запись беседы с Е.П. Корниловой, сделанная автором 22. 02. 2005 г.
12. Запись беседы с Э.А. и Д.С. Утикеевыми, сделанная автором 28. 09. 2004 г.
13. Зезина М.Р. Советская художественная интеллигенция и власть в 1950-1960-е годы. М.: Диалог-МГУ, 1999.
14. История русского советского драматического театра. 1945-1980 гг. М.: Просвещение, 1987. Т. 2.
15. Карелы Карельской АССР. Петрозаводск: Карелия, 1983.
16. Комсомолец. 1963. 13. 06.
17. Комсомолец. 1964. 25. 07.
18. Комсомолец. 1964. 18. 07.
19. Комсомолец. 1960. 11. 08.
20. Крылов В.П. Советская проза на советской сцене. Заметки о спектаклях драматических театров // Север. 1983. № 7. С. 98-105.
21. Ленинская правда. 1957. 21. 03.
22. Ленинская правда. 1960. 26. 07.
23. Ленинская правда. 1961. 06. 06.
24. Ленинская правда. 1961. 08. 06.
25. Ленинская правда. 1962. 30. 06.
26. Ленинская правда. 1962. 17. 07.
27. Ленинская правда. 1963. 15. 06.
28. Ленинская правда. 1963. 02. 07.
29. Ленинская правда. 1963. 07. 07.
30. Ленинская правда. 1963. 12. 07.
31. Ленинская правда. 1963. 17. 07.
32. Национальный архив Республики Карелия (НА РК). Ф. Р-243 (Фонд С.В. Колосенка). Оп. 1. Д. 77. Л. 19.
33. НА РК. Ф. П-447 (Фонд партийной организации Финского драматического театра). Оп. 1. Д. 13. Л. 33.
34. НА РК. Ф. Р-1627 (Фонд Государственного Музыкально-драматического театра). Оп. 3. Д. 5/59. Л. 20.
35. НА РК. Ф. Р-1627. Оп. 3. Д. 8/89. Л. 2.
36. Смирнов И.В. Танцует Карелия. Заметки и размышления балетмейстера. Петрозаводск: Карелия, 1981.
37. Стюф В.И. Государственный Финский драматический театр Карельской АССР. Петрозаводск, 1959.
38. Туорила С.А На жизненном пути. Воспоминания. Петрозаводск: Карелия, 1981.
39. Фалькович Е. Северяне // театральная жизнь. 1963.№ 7. С. 5-6.
40. Шорохова И.В. Развитие финноязычной культуры в Карелии во второй половине 1950-х – первой половине 1960-х гг. (на примере работы Финского драматического театра и журнала «Punalippu») // Финляндия и Россия: образы общего прошлого/ Finland and Russia: Imeges of the Shared Past: Сборник научных статей. Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2014. С. 330-342.

ФОРМИРОВАНИЕ ЧАСТЕЙ ОСОБОГО НАЗНАЧЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ ТЮМЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ (1919-1924 ГГ.)

Фирсов И.Ф.

Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России, г.Тюмень

В истории становления советской власти в Тюменской губернии значительную роль сыграли вооруженные коммунистические отряды - части особого назначения (ЧОН) и отряды особого назначения, тесно связанные по роду своей деятельности с правоохранительными органами и ЧК. Части особого назначения создавались на основании постановления ЦК РКП(б) от 17 апреля 1919 г. при заводских партячейках, райкомах, горкомах, укомах и губкомах партии. По замыслу основная функция ЧОН должна была сводиться к силовому противодействию любым попыткам организованного вооруженного сопротивления советской власти. Фактически же эти специальные подразделения выполняли военно-полицейские функции и служили не только для оказания помощи органам советской власти в борьбе с контрреволюцией, но и для для поддержания порядка, несения караульной службы, охраны государственных объектов.

В Тюмени к созданию отряда особого назначения городской партийный комитет приступил в октябре 1919 г., после освобождения территории от колчаковских войск. В течении двух дней в отряд были мобилизованы все члены партии и сочувствующие за исключением освобожденных по состоянию здоровья. Женщины были мобилизованы в санитарную часть. Бойцы отряда должны были придерживаться воинской дисциплины в соответствии с положениями уставов Красной Армии. За неподчинение начальнику и самовольный уход из части боец мог быть приговорен к заключению в исправдом сроком до трех лет.

В состав отряда входили: кавалеристы и связные (25% от всего состава), артиллеристы и пулеметчики (25%), пехотинцы (40%) и гренадеры - специально подобранные физически сильные солдаты, обученные метанию ручных гранат (10%) [1]. Начальником отряда был назначен Потемкин (с декабря 1919 г. его сменил Бергман), начальником штаба стал Милюковский.

В ноябре 1919 г. ЦК РКП(б) принял решение о введении ЧОН в систему обязательного всеобщего военного обучения, но с сохранением самостоятельности их формирований и возможности использования их по усмотрению местных партийных организаций. Первоначально чоновцы проходили военное обучение в системе всевобуча, а с июля 1921 г. - в системе военно-учебных заведений и курсов РККА.

В Тюменской губернии военное обучение чоновцев было совмещено с организацией профессиональной подготовки сотрудников милиции. Впервые этот вопрос рассматривался 26 ноября 1919 г. на заседании штаба отряда особого назначения, членом которого являлся К.Г. Желтовский, начальник тюменской губернской милиции [2]. На базе пулеметных взводов ЧОН им была организована система профессиональной подготовки работников милиции.

Для обучения и тренировок непосредственно бойцов ЧОН губернский комитет партии заказал совкомхозу необходимые приспособления и оборудование: двое параллельных брусьев, чучела для колки штыками и деревянные мишени в рост человека для установки на стрельбище. Занятия проводились по районным подразделениям, в качестве инструкторов были привлечены в том числе бывшие унтер-офицеры царской армии. Организацию отряда особого назначения и обучение его бойцов взял под контроль губернский комиссариат по военным делам [3]. Из протокола заседания парткома от 19 декабря 1919 г. можно сделать вывод, каким образом было организовано обучение в отряде:

«...О днях занятий: 1)необученные должны заниматься 4 раза в неделю (кроме дней среда и четверг).

2) обученные - 1 раз в неделю в воскресенье.

3) ответственные советско-партийные работники занимаются один раз в неделю (4 часа) в воскресенье» [4].

25 декабря 1919 г. к обучению по 94 часовой программе приступили 424 человека, из них 247 ранее уже проходили военную подготовку. Занятиями в отряде руководили 15 инструкторов - коммунистов [5].

В марте 1920 г. началась организация отряда особого назначения при тюменском губкоме РКП(б), начальником отряда был назначен Наджаров. К июлю 1920 г. тюменский ЧОН в основном был сформирован, шло обучение бойцов, не проходивших ранее военную подготовку, были определены ротные сборные пункты. Тем не менее отряды особого назначения ощущали серьезную нехватку материальных ресурсов, особенно трудным было положение с вооружением, о чем говорит тот факт, что на Всероссийской партийной конференции представитель губернии Екенин поднял этот вопрос и просил выделить для отряда особого назначения Тюменской губернии хотя бы 200 револьверов [6].

24 марта 1921 г. на основании решения X съезда РКП(б) ЦК партии принял постановление о включении ЧОН в состав милиционных частей Красной Армии. В соответствии с указаниями ЦК личный состав ЧОН Тюменской губернии был разделен на кадровый и переменный (милиционный). ЧОН формировались из членов и кандидатов в члены партии, а также комсомольцев, которые призывались на службу в порядке мобилизации. Кадровый состав ЧОН числился на действительной военной службе, состоял на всех видах довольствия в Красной Армии и комплектовался не по территориальному признаку, а, соответственно, по принципу организации частей регулярной Красной Армии. Милиционный состав находился на военном учете, периодически призывался на учебные сборы и систематически проходил обучение, не теряя своего постоянного места работы. ЧОН формировались как армейские подразделения, в зависимости от местных условий они делились на взводы, роты, батальоны или же по распоряжению высших штабов сводились в более крупные соединения [7]. Все члены РКП, кандидаты и члены РКСМ в возрасте от 17 до 55 лет подлежали зачислению в ЧОН и делились на 3 очереди призыва. Входившие в первую очередь считались основной боевой силой ЧОН и подчинялись уставам и положениям, принятым в Красной Армии. В ряды первой очереди зачислялись лица, признанные медицинской комиссией пригодными по состоянию здоровья к несению службы в ЧОН и способные по первому требованию явиться в строй. Вторая очередь призыва считалась резервом ЧОН и состояла из лиц, которые по решению партийных комиссий не подлежали призыву в ряды первой очереди по физическому состоянию, роду занятий или должностного положения. Во время боевых действий и чрезвычайных ситуаций

подлежала мобилизации третья очередь призыва, которая состояла из коммунистов, находившихся в Красной Армии, органах ВЧК, милиции и пожарных командах; лиц, не вошедших в первую и вторую очереди призыва по решению парткомиссий; лиц, вообще не служивших в ЧОН по различным причинам.

В составе ЧОН были пехотные, кавалерийские, артиллерийские и даже броневые части. В сентябре 1921 г. были учреждены командование и штаб ЧОН страны, в губерниях и уездах - командование и штабы ЧОН, для политического руководства - советы ЧОН при губернских и уездных комитетах партии, состоявшие из секретарей партийных и комсомольских комитетов местных советов, представителей командования Красной Армии, внутренних войск и ЧК.

В соответствии с указаниями штаба ЧОН страны тюменский губком предложил уездным партийным комитетам организовать в уездах отряды особого назначения под общим руководством начальника губернского отряда. Такие отряды были сформированы в Туринском уезде, городах Ялуторовске и Ишиме. Части и отряды особого назначения формировались поспешно, без заранее намеченного плана, были пропитаны духом партизанщины, в случаях участия ЧОН в боевых действиях бойцы несли неоправданно большие потери из-за неумелого обращения с оружием, командный состав, плохо владевший оперативной обстановкой, не пользовался авторитетом у бойцов [8].

Подразеления ЧОН действовали в тесном контакте с органами ЧК, милиции и внутренними войсками. В прифронтовых районах они принимали участие в боевых действиях. Во время Западно-Сибирского крестьянского восстания, прокатившегося по территории Тюменской губернии в 1921 году, подразделения ЧОН активно применялись для его подавления. Так, ишимский отряд особого назначения успешно отражал налеты мятежников на г. Ишим, благодаря чему город так и не был занят мятежниками. Позднее его бойцы влились в сводный конный отряд под командованием Е.И. Лушникова и освобождали от повстанцев ишимский уезд. Отряд особого назначения в боях под Ишимом потерял половину своего состава.

Необходимо отметить, что после подавления Западно-Сибирского крестьянского восстания в 1921 году основная часть командного состава тюменских ЧОН, прошедшая профессиональную подготовку, перешла работать в правоохранительные органы губернии и в дальнейшем возглавила почти все подразделения тюменской милиции. Проходили службу в ЧОН П.И. Студитов –председатель тюменской губЧК, К.Г. Желтовский – начальник тюменской губернской милиции. В архиве Краеведческого музея г. Тюмени сохранились их личные служебные карточки. Так, например, П.И. Студитов был приписан к 1-му взводу особого назначения Тюменской роты (3-я очередь призыва).

В связи с усилением классовой борьбы в губерниях Сибири статус подразделений ЧОН со временем менялся, перед ними ставились новые военно-политические задачи. В сентябре 1922 г. командованием ЧОН РСФСР совместно с ГПУ был издан приказ №143 советам ЧОН губерний Сибири, согласно которому на губернские аппараты ЧОН возлагалось создание секретно-осведомительной сети и резидентур. Бойцы ЧОН стали привлекаться к осведомительской работе «...по выяснению всякого рода контрреволюционной деятельности, как в городе на фабриках, заводах, предприятиях, учреждениях и т.п., так и в деревне среди крестьянства, являющегося крупнейшим политическим фактором, в частности в борьбе с бандитизмом, - в пределах их непосредственного соприкосновения, в населенных пунктах, селах, волостях и деревнях, с коими они связаны по месту жительства, службы или в силу личных отношений» [9]. В масштабах губернии руководил организацией и работой агентурно-разведовательной сети ЧОН командующий ЧОН губернии, который передавал губернскому отделу ГПУ и одновременно непосредственно командующему ЧОН Сибири агентурные данные, полученные им через командующих ЧОН уездов.

Таким образом, как и в других регионах страны, части особого назначения в Тюменской губернии использовались для борьбы с крестьянскими выступлениями, охраны промышленных объектов, сбора разведывательной информации и составляли боевую ударную силу большевистской партии и формирующегося советского репрессивного аппарата. В 1924 - 1925 гг. в связи с укреплением Красной Армии и улучшением внутреннего и международного положения СССР части особого назначения по решению ЦК РКП(б) были расформированы, а их командный состав и боевые средства направлены на пополнение частей Красной Армии. К этому времени и Тюменская губерния как самостоятельная административно-территориальная единица была упразднена в результате районирования, в виде трех округов - Тюменского, Ишимского и Тобольского - она вошла в состав Уральской области с центром в г.Екатеринбурге. Губернские советские и партийные организации прекратили свое существование.

Список литературы

1. ТОЦДНИ (Тюменский Областной Центр документации новейшей истории). Ф.1. Оп.1. Д.19. Л.63.
2. ТОЦДНИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 18. Л. 17.

3. ТОЦДНИ. Ф.1. Оп.1. Д.18. Л.18.
4. ТОЦДНИ. Ф.1. Оп.1. Д.78. Л.8.
5. ТОЦДНИ. Ф.1. Оп.1. Д.78. Л.8.
6. ТОЦДНИ. Ф.1. Оп.2. Д.12. Л.51.
7. ТФ ГАТО (Тобольский филиал Государственного архива Тюменской области). Ф.163. Оп. 1. Ед.х. 3. Л.11.
8. ТФ ГАТО. Ф.163. Оп. 1. Ед.х. 3. Л.21.
9. ТФ ГАТО. Ф.163. Оп. 1. Ед.х. 3. Л.25.

СЕКЦИЯ №2.
ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 07.00.03)

СЕКЦИЯ №3.
АРХЕОЛОГИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 07.00.06)

СЕКЦИЯ №4.
ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 07.00.09)

СЕКЦИЯ №5.
ИСТОРИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 07.00.10)

СЕКЦИЯ №6.
ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 07.00.15)

ЭТНОГРАФИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 07.00.07)

СЕКЦИЯ №7.
ЭТНОГРАФИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 07.00.07)

СИМВОЛИКА ВЕЩИХ СНОВ, ПРИМЕТ И ГАДАНИЙ, ПРЕДСКАЗЫВАЮЩИХ КРАЖУ

Бауэр Т.В.

Петрозаводский государственный университет, г.Петрозаводск

В крестьянской культуре существовал ряд вещих снов, примет и гаданий, символика которых предсказывала кражу и другие содержательно связанные и наделенные отрицательным значением явления, такие как смерть, болезнь, падеж скота, ссора, убийство. В принципе, для народных представлений подобная полисемия образов весьма характерна.

Большинство символов связано с предсказываемым событием. Так, общий смысловой компонент убытка и опустошения объединяет кражу и предсказывающий ее символ вещего сна – пожар: «Пожар – будет у тебя злодей (вор) во дворе» [10, 57]. При этом во многих текстах эти явления сопоставляются по непропорциональности убытка: «Ходит по миру пословье: огонь хуже вора-разбойника: вор де в дому побывает, хоть стены да оставит, не все же унесет, а огонь и худо и добро все дочиста слижет» [8, 29]; «От вора остатки бывают, а от огня – одно пепелище» и др. [3, 569].

Значением лишения и опустошения наделяется в народных представлениях раздетость и разутость: «Босым видеть себя – обкрадут» [10, 59]; «Если снится, что ты голый – нэдобрэ: от, хтосьобругае, украдэ» [16, 77]. Необутые ноги и раздетость, оголенность в данном случае уподобляются опустошенному дому, хозяйству. В современной культуре одним из символов кражи является стрижка волос, причем сумма убытка коррелирует с длиной остриженных волос (устное сообщение А. А. Сенькиной). Стрижка волос имеет также более широкое значение: она является символом убытка в хозяйстве или обмана: «Пидризыватъ косу – шось-то врижэ, шосьодрижэця в ходзяйствы, або обман» [16, 76].

Другой антропоморфный символ базируется на значении «чужести», свойственном образу гостя: «Гостей видеть у себя – к мертвецу или злодеи обкрадут» [10, 59]. Семантика «чужести» подтверждается, в частности, данными этимологии. Так, др./рус. «гость» – «гость», «чужеземец», «иноземный, приезжий купец» родственно лат. hostis – «пришелец, чужеземец», «враг» [20, 67]. Примечательно, что эвфемизация воровства и расправы над вором с использованием метафоры гостьбы и гостеприимства была достаточно характерной для народной культуры. См., например, диалог вора и хозяина дома, в котором на вопрос хозяина: «Что ты тут делаешь, кум?» - вор отвечает: «Да вот в гости к тебе пришел» [9, 12], а также наименование побоев, которым подвергался вор в ходе расправы, «угощением» [6, 16].

«Чужесть» является также смысловым компонентом, характерным и для образа инородца. Так, согласно белорусскому поверью, если приснился еврей, надо стеречь лошадей. Как отмечает А. Вишинскайте, подобная интерпретация появилась в результате смешения представлений о евреях и цыганах, «ведь именно вор, воровство – самое популярное толкование во сне образа цыгана в балто-славянских странах»[16, 144].

Последний из антропоморфных символов, характерный для западнославянских представлений, инвертирует образ священника: в частности, у поляков увиденный во сне священник расценивался как предсказание кражи [2, 158] (ср. у русских встречу с вором или мошенником символизировал молящийся человек [12, 420]).

Существовал в народной культуре и ряд зооморфных символов, предсказывающих кражу, причем при интерпретации в ряде случаев важна не только символика животного, но и действие, которое оно совершает. Так, некоторые образы связаны со значением пересечения границы как между внутренним и внешним пространством, так и между верхом и низом. Зачастую это, по сути, вторжение из некоего «чужого» в освоенное человеком, окультуренное пространство, в любом случае осмысляющееся негативно: «появление в селении или в избе лесного дикого зверька или птицы предвещает какое-либо несчастье» [1, 6].

См., в частности, следующие примеры: «Если собака выбьет окно с наружной стороны, то нужно ожидать на этот дом напасти с внешней стороны – пожара, заразной болезни, кражи и др.» [7, 162]; если кукушка садится на какое-то хозяйственное строение (кроме хлева) и начинает куковать, это предвещает «неудачу в хозяйстве, например, неурожай, воровство» [18, 579]; «Крота убачишь – жди злодея (вора)» [10, 68). Поскольку угол – часть дома, отделяющая внешнее пространство от внутреннего, то, по всей вероятности, к этой же группе можно отнести и следующий пример: «Кота на угол лезучи – вор придет» [19, 340].

В этих примерах зачастую важна и символика самого животного. Так, образ кукушки в некоторых этиологических легендах связан с мотивом воровства. Согласно сербской легенде, в кукушку превращается сестра, укравшая у своего брата ключи от царской казны и тем самым погубившая его; по украинской легенде кукушкой становится девушка, несправедливо защищавшая св. Петра в его споре с Христом о краже коней и кричавшая из-за дымохода «Ку-пив!» [2,685-686]. Кроме того, согласно широко распространенному славянскому поверью, прекратив к осени свое кукование, кукушка обращается в коршуна [2, 696-697] (о связи образа коршуна с мотивом воровства см. ниже).

Что касается образа крота, то он в вещих снах являлся, в том числе, и символом убытка. Как считает А.В. Гура, в основе такого снотолкования лежит семантическая модель, согласно которой способность крота разрывать землю уподобляется приведению в негодность, порче имущества [2, 270-271].

Следующие четыре орнитоморфных символа – коршун, ворон / ворона и сорока - объединены тем, что все птицы, согласно народным представлениям, относятся к разряду нечистых и сами «грешат» воровством, для предотвращения которого крестьяне старались соблюдать многочисленные запреты и предписания и совершали специальные обрядовые действия: «Коршуна видеть – ворог будет или злодей (вор)» [10, 69]; «Сорока в сани залетела – к ворам»; «Ворон по дороге ходит – к ворам»[13, 108]. В двух последних примерах важен смысловой компонент нарушения границы, а в случае вороном, возможно, еще и образ дороги, связанный с мотивами воровства и разбоя. В Белоруссии сон о вороне связывается с кражей коней; на Брянщине, Смоленщине и в Полесье считают, что крик вороны разоблачает вора или предсказывает кражу [2, 536].

При толковании образа важна не только такая характеристика этой птицы как хищность, но и сходство на основе аллитерации издаваемых вороной звуков с глаголом «красть». Так, в Польше крик вороны передают

возгласом «Красть!» [2, 536]. Возможно также сближение в народном представлении названия самой птицы со словом «вор». Кроме того, необходимо учесть и уже упомянутые народные представления о наклонности этой птицы к воровству [17, 69]. См., в частности, польскую пословицу: «Ворон от роду вор» и зафиксированное в Полесье «представление о злом духе в облике <…> ворона <…>, который крадет и носит своему хозяину богатство за то, что тот держит его за печью, гладит, кормит яичницей и не выбрасывает его помета» [2, 535, 539].

В связи с образом сороки можно вспомнить пословицу «Охоча сорока до находки (т. е. воровка)» [3, 70] и сюжет о наказании сороки в виде проклятия за воровство у митрополита / великопостника (отшельника). В одном случае это воровство сакрального предмета, в другом - «последнего куска»: «Говорят, что это [заклял всех сорок, чтобы они никогда не влетали в Москву] сделал митрополит Филипп, потому что сорока украла у него частицу святого причастия. По другим поверьям, сорок в Москве прокляли, когда одна из них унесла лепешку с окна великопостника или последний кусок сыра у отшельника» [4, 93].

Как символ несчастья интерпретируется и необычное поведение домашних животных: «Курицы на «наседах» кудакают дружно – в том доме быть беде: будет или покойник, или – воры, или – пожар» [5, 11]; наряду с другими несчастьями, предвещает кражу вытье собаки [14,441] и пение курицы петухом [15, 67].

В рассмотренных материалах встретился также пример гадания, предвещавшего кражу. Так, если в подслушанном под окнами соседей в ночь на Новый год разговоре будет упомянут хомут, у гадающего украдут лошадь [11, 210]. В данном случае интерпретация основана на метонимическом принципе.

Таким образом, можно заключить, что в большинстве случаев толкование строится на принципе уподобления. Среди символов, предсказывающих кражу, преобладают зооморфные образы, причем при интерпретации в ряде случаев важна не только символика животного, но и действие, которое оно совершает. Особую роль играет значение пересечения, нарушения границы, с которым связаны образы собаки, кукушки, крота, сороки, ворона, кота.

Ряд зооморфных символов объединяет общий смысловой компонент нечистоты (собака, кошка, сорока, коршун, ворон / ворона); способность некоторых животных выступать в роли предвестников, предсказывающих различные события (кукушка, сорока, ворон / ворона); выполнение животными функции домашних покровителей, которые своим необычным поведением фактически предупреждают хозяев о краже (собака, куры, кошка); склонность к воровству (сорока, коршун, ворон / ворона); лишь для ворона характерно фонетическое сходство самого названия птицы с лексемой «вор», а ее крика – с глаголом «красть».

Для антропоморфных образов актуально значение чужести, а также лишения, убытка, опустошения; последнее свойственно и для пожара как символа кражи. Принцип уподобления, но уже на основе смежности, прослеживается и в гадании, где символом кражи лошади является хомут. Образ молящегося человека / священника является единственным примером символа, интерпретация которого основана на принципе противопоставления.

Список литературы

1. Архив Русского Этнографического музея. Ф.7. Оп.2. Д.367. Л.6.
2. Гура А. В. Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997.
3. Даль В. И. Пословицы русского народа. В. 2 т. Т.2. СПб., 1879.
4. Левкиевская Е. Е. Мифы русского народа. М., 2003.
5. Магницкий В. Поверья и обряды (запуки) в Уржумском уезде Вятской губернии. Вятка, 1883.
6. Мануйлов А. Н. Преступление и наказание по обычному праву кубанских казаков (воровство и самосуд) // Голос минувшего: Кубанский исторический журнал. 1998. № 3-4. С.14-20.
7. Никифоровский Н. Я. Простонародные приметы и поверья, суеверия, обряды и обычаи, легендарные сказания о лицах и местах. Витебск, 1897.
8. Осокин С. Народный быт в Северо-Восточной России: Записки о Малмыжском уезде (в Вятской губернии) // Современник. 1856. № 11. С.1-40.
9. По Волге и Каме // Волжско-Камское слово. 1882. № 12.
10. Романов Е. Опыт белорусского снотолкователя // Этнографическое обозрение. 1889. Кн. 3. С.54-72.
11. Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. Т. 2. Ч. 1. СПб., 2006.
12. Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. Т. 2. Ч. 2. СПб., 2006.
13. Русское колдовство, ведовство, знахарство: Сборник / Сост. М. Северов, Н. Ушаков. СПб., 1994.
14. Славянская мифология: энциклопедический словарь. М., 2002.
15. Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5 тт. / под общ. ред. Н.И. Толстого. Т.3. М., 2004.

16. Сны и видения в народной культуре. Мифологический, религиозно-мистический и культурно-психологический аспекты / Сост. О. Б. Христофорова. Отв. ред. С. Ю. Неклюдов. М., 2001.
17. Сумцов Н.Ф. Ворон в народной словесности // Этнографическое обозрение. 1890. № 1. С.61-86.
18. Шейн П.В. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края. Т.1 Ч.2 // Сборник отделения русского языка и словесности Императорской Академии Наук. Т.51. СПб.,1890.
19. Шейн В.П. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-западного края. Т.3. СПб., 1902.
20. Этимологический словарь славянских языков (праславянский лексический фонд) / Под ред. О.Н. Трубачева. Вып. 7. М., 1980.

ПОЛИТОЛОГИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 23.00.00)

СЕКЦИЯ №8.
ТЕОРИЯ И ФИЛОСОФИЯ ПОЛИТИКИ, ИСТОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 23.00.01)

СЕКЦИЯ №9.
ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ И ТЕХНОЛОГИИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 23.00.02)

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ФОРМИРОВАНИЯ ИМИДЖА РОССИИ

Дубинкина Т.Ю.

Северо-Кавказская государственная гуманитарно-технологическая академия, г.Черкесск

Технология при переводе с греческого (techne) означает искусство, мастерство, умение, под процессом следует понимать определенную совокупность действий, направленных на достижение поставленной цели. Процесс должен определяться выбранной человеком стратегией и реализоваться с помощью совокупности различных средств и методов. Информационная технология — процесс, использующий совокупность средств и методов сбора, обработки и передачи данных (первичной информации) для получения информации нового качества о состоянии объекта, процесса или явления (информационного продукта) [3]. Цель информационной технологии — производство информации для ее анализа человеком и принятия на его основе решения по выполнению какого-либо действия. Особое место в развитии информационных технологий занимают компьютеры, электронная почта и широкое использование компьютерных сетей (локальных и глобальных), которые обеспечивают не только содержательную обработку информации, но и передачу текстовых, мультимедийных (графика, видео и звук) и других материалов практически на любые расстояния в реальном масштабе времени. Информационные технологии являются наиболее важной составляющей процесса использования информационных ресурсов общества. К настоящему времени они прошли несколько эволюционных этапов, смена которых определялась главным образом развитием научно-технического прогресса, появлением новых технических средств переработки информации. Существует несколько точек зрения на развитие информационных технологий с использованием компьютеров, которые определяются различными признаками деления. Общим для всех подходов является то, что с появлением персональных компьютеров начался новый этап развития информационных технологий. Основной целью становится удовлетворение персональных информационных потребностей человека во всех сферах его деятельности. В наше время большое внимание в области информационных технологий уделяется электронному моделированию, которое становится неотъемлемой частью интеллектуальной деятельности человечества. Информационные технологии являются наиболее важной составляющей процесса использования информационных ресурсов общества. Очевидно, что в своих международных отношениях любая страна должна учитывать то, как она воспринимается ее партнерами и оппонентами, и выстраивать свой образ по возможности с учетом общественного мнения других стран. Информационные технологии могут использоваться как для развития, так и для дестабилизации государств. И.Ю.

Глинская считает, что, развитие современных информационных технологий привело к принципиально новым явлениям, оказывающим колоссальное влияние на будущее человечества – переориентации технологий с формирования нужных материальных предметов на формирование нужного типа сознания и культуры. Технологии этого изменения, по аналогии с традиционными высокими технологиями, направленными на изменение окружающей среды, - high-tech, получили название high-hume [2].

В условиях становления глобального информационного общества уже невозможно построение международного имиджа государства в одностороннем порядке, как это могло быть до развития информационных технологий. Фактор свободного получения информации практически любого характера предполагает более взвешенную политику современных государств в процессе формирования своего имиджа. Глобализация стала предпосылкой усиления конкуренции между государствами-игроками, ее катализатором. Это соперничество, подчас в скрытой или, по крайней мерс, стертой форме, охватывает все основные сферы жизни: экономику, политику и информацию. России как стране, не так давно вставшей на путь демократизации, приходится сталкиваться с соперничеством в особо острой форме: ведь она объективно находится в положении догоняющего, а в условиях конкуренции укрепление ее позиций автоматически воспринимается иностранными государствами как сокращение разрыва в развитии, и следовательно, как уменьшение возможности для них манипулировать Россией, отмечает А.В.Брянцев [1].

На протяжении долгого периода времени именно США и Великобритания являются крупнейшими игроками на мировой арене, мнение которых задает общий тон внешнеполитического восприятия России. Исследователи пишут о том, что в этих странах СМИ, функционируют в условиях развитой демократии, а значит государственная политика направлена на поддержание с ними отношений как с самостоятельным и авторитетным партнером[4].

Сильная идея России должна объединить, слить воедино все позитивные характеристики, которыми отмечен исторический, социокультурный, географический, геополитический, индустриальный и модернистский имидж России. Следует отметить особую роль в формировании имиджевой стратегии национальной идеи, представляющую собой систему ценностных установок общества, в которых выражается самосознание народа и задаются цели личного и национального развития в исторической перспективе. Именно национальная идея является ядром символического капитала культуры, что позволяет в информационном пространстве сформировать яркий внешнеполитический имидж государства. Определено, что с этой точки зрения, культурной гегемонией обладает та страна, которая выстроит в информационном пространстве и предложит своим гражданам яркий символический проект национальной идеи – систему национальных приоритетов, идей и традиций, которые для большинства окажутся более значимыми, чем любые другие информационные воздействия и соблазны извне [6]. Имидж России - это её послание миру, коммуникационная модель в мировом информационном пространстве, с помощью которой наша страна ведёт диалог с другими странами и народами. Поэтому имидж России должен вызывать уважение, быть привлекательным, открывать возможности для конструктивного диалога на основе тех ценностей, которые позиционирует Россия как мировая держава. Важно создать имидж России с чёткой картиной будущего, вызывающей позитивные ассоциации как у россиян, так и у народов других стран современного мира тем более в такой сложной обстановке как сейчас, когда Россию обвинили в военной агрессии против Украины, а ряд стран, в том числе США и Великобритания, заморозили с Россией инвестиционное и военное сотрудничество. Привлекательный имидж России – это власть её политических идеалов и культурных символов, привлекательность политических лидеров и культурных достижений, которые должны непрерывно транслироваться по мировым каналам коммуникаций и позитивно говорить о России на весь мир. Учёные считают, что важен стратегический подход к формированию современного имиджа России: чёткое выявление основных проблем сложившейся коммуникационной модели, определение новых стратегических целей и перспектив, базовой идеи нового бренда, его социокультурных основ, ведущих коммуникаторов, инструментария национального и территориального брендинга [5].

Интенсивное внедрение и переплетение современных компьютерных, теле- и радиовещательных, телефонных технологий и коммуникационных служб, быстрое распространение локальных и глобальных коммуникационных сетей создает принципиально новое качество информационного обмена, в том числе и международного, а также создает принципиально новые инструменты воздействия на массовое сознание, усиливая значение культурно-информационных аспектов глобализации. Информация и знания становятся одним из стратегических ресурсов государства, масштабы использования которого практически сопоставимы с использованием традиционных ресурсов. Доступ к информационным ресурсам становится одним из факторов социально-экономического развития государства и формирования его имиджа.

Список литературы

1. Брянцев А.Е. Формирование имиджа России как составная часть ее внешней политики. Дис. ... канд. полит. наук : М.,2006.-165с.
2. Глинская И.Ю. Политические механизмы формирования позитивного имиджа России [Электронный ресурс]. Заглавие с экрана. Режим доступа:http://dissers.ru/avtoreferati-doktorskih-dissertatsii/politika/36/- свободный. Яз.русск.
3. Информационные технологии [Электронный ресурс]. Заглавие с экрана. Режим доступа: http://mylect.ru/informatic/informatik/113-2011-06-03-08-49-06.html?showall.- свободный. Яз.русск.
4. Пищева Т.Н., Виноградова Н.С., Недова А.Д. Образ России под углом зрения политических коммуникаций // ПОЛИС.-2010.-№ 4.
5. Имиджевая стратегия России в контексте мирового опыта / Под. ред.проф.И.А. Василенко. Изд-во: Международные отношения , политика. – 2013.- 359с.
6. Как разработать яркую идейную концепцию и популярный слоган для современной России? Журнальный клуб Интелрос «Мир и политика»-2012.-№6.

КИБЕРБЕЗОПАСНОСТЬ И ЕЁ ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ В XXI ВЕКЕ

Кузьмович А.В.

Соискатель степени кандидата наук кафедры политологии Военного университета Министерства обороны РФ

Стремительное развитие человечества в XXI веке, основанное на разработке и внедрении в практику передовых научных разработок, позволило в кратчайшие сроки ускорить многочисленные жизненно-важные процессы, протекающие во многих сферах общественной жизни. С появлением и внедрением в эти процессы компьютерных технологий, новейших средств и способов доставки информации для человечества начался отсчёт начала новой реальности – глобальной информатизации, которая в настоящее время активно управляет существованием и жизнедеятельностью государств мирового сообщества. Внедрение информационных технологий позволило многочисленным акторам мирового политического применять и широко использовать их при решении задач обеспечения национальной, военной, экономической безопасности и других безопасностей. Одним из фундаментальных последствий мировой информатизации стало возникновение и стремительное развитие и расширение в объемах принципиально новой среды противоборства конкурирующих государств – киберпространства.

По своим техническим характеристикам и предназначению киберпространство является транснациональной сферой инфраструктур информационных технологий и взаимозависимых сетей. Оно включает в себя Интернет, телекоммуникационные сети, компьютерные системы и встроенные процессоры в критических отраслях. Глобально взаимосвязанное и взаимозависимое киберпространство лежит в основе современного общества и обеспечивает важную поддержку мировой экономики, гражданской инфраструктуры, общественной и национальной безопасности.

Появление нового пространства на планете не осталось незамеченным не только для многочисленных акторов международной политики, но и различных иных субъектов международной жизни – вплоть до преступных организаций и группировок. Киберпространство становится ареной современных информационных противоборств в различных сферах общественной жизни и в том числе военной. И если сегодня между ведущими в военном и экономическом отношении мировыми государствами сложился в той или иной степени определенный паритет в области применения обычных вооружений и оружия массового поражения, а в международном праве зафиксированы основные принципы взаимоотношений этих государств в рамках таких пространств, как наземное, морское, воздушное, космическое, то вопрос о межгосударственном сотрудничестве, контроле и взаимоотношениях в киберпространстве на настоящее время продолжает оставаться открытым.

Как в любом пространстве, в киберпространстве происходят различные действия – операции с цифровым кодом, направленные на передачу и приём многочисленной информации, проводимые с использованием вычислительных средств, программного обеспечения и сетей с целью сбора информации о критически важных системах и ресурсах потенциального противника. Такую деятельность различных субъектов в киберпространстве допустимо обозначить как кибердеятельность.

Имея на вооружении современные компьютеры и выход в глобальную сеть отдельные лица, организации, различные структуры и в конечном итоге государства и их союзники осуществляют кибердеятельность,

преследуя при этом свои, не известные другим субъектам информационного процесса, цели. Характер этих целей различен и может быть диаметрально противоположным, начиная от информирования о просветительных, поступательных преобразований в различных областях науки и техники и заканчивая нанесением, с помощью этих же достижений, ущерба потенциальному противнику. Фактически в настоящее время возможно наносить ущерб любому противнику (независимо от его природы), при этом, зачастую не неся за такие действия никакой ответственности. Объясняется это тем, что, во-первых, в киберпространстве очень сложно определить сам источник воздействия на информационные ресурсы, и во-вторых –его местонахождение.

Поэтому на современном этапе развития и функционирования киберпространства, особо актуальным становится принятие международным сообществом нормативно-правовых актов, регулирующих происходящие в нём процессы, что подразумевает создание на всех его уровнях достаточно совершенной системы безопасности, которую допустимо определить, как кибербезопасность.

Под ней мы понимаем комплекс мероприятий, направленных на защиту компьютеров, цифровых данных и сетей их передачи от несанкционированного доступа, и других действий, связанных с манипулированием или кражей, блокированием, порчей (искажением), разрушением и уничтожением, как умышленного, так и случайного характера.

Для того, чтобы раскрыть термин «кибербезопасность» необходимо определить каковы природа и деструктивный потенциал информационных угроз в киберпространстве. Изучив научные труды по данному вопросу, можно привести следующие примеры информационных угроз, которые описываются как в научных трудах, так и нормативно-правовых актах государств.

Так, аналитик лондонского Королевского института иностранных дел (Chatam House) П. Корниш в своих трудах приводит следующую классификацию информационных угроз:

● деятельность хакеров-одиночек;

● организованная преступность, действующая в глобальных интернет-сетях;

● идеологический и политический экстремизм (кибертерроризм);

● проводимая государством информационная агрессия (кибервойна) [4].

По его мнению, на сегодняшний день только первые две разновидности угроз из классификации обрели практическое воплощение в мировой политике. Он утверждает, что кибертерроризм и кибервойна между государствами в настоящее время являются скорее воображаемыми угрозами, чем реальность и могут быть реализованы через десятилетия. На наш взгляд данная позиция является недостаточно верной, так как в настоящее время кибертероризм, как один из способов ведения противоборства между государственными, общественными и другими субъектами широко представлен на международной арене, а кибервойна как один из видов и типов современных войн имеет стремительное научное развитие и всё возрастающие по своему количеству эпизоды практического применения.

В следствии этого на настоящий исторический момент наиболее актуальным становится не только дальнейшее развитие практической деятельности в киберпространстве субъектов мирового политического процесса, организаций, групп, отдельных граждан, но и правовое обеспечение этой деятельности, которое выражается в принятии на государственном и межгосударственном уровнях различных по своей юридической силе нормативно-правовых документах.

Можно констатировать, что за последнее десятилетие во многих государствах мира были приняты меры по защите национального сегмента киберпространства, на государственном уровне разработаны и опубликованы стратегии киберпространства. Основной акцент в этих нормативно-правовых документах делается на то, что «…обеспечение доступности киберпространства, а также целостности, достоверности и конфиденциальности информации в киберпространстве стало одной из важнейших проблем XXI века. Именно поэтому защита киберпространства становится главной задачей государства, экономики и общества, как на государственном, так и на международном уровне» [5].

Хронологию принятия данных стратегий в европейских государствах можно расположить в следующем порядке.

2008 год – стратегии разработаны, приняты и опубликованы в Словакии, Финляндии и Эстонии.

2011 год – к странам, имеющим стратегии по кибербезопасности присоединились: Германия, Голландия, Литва, Люксембург, Соединённое Королевство, Чешская республика, Франция [1].

В стратегиях отражено:

● цели и мероприятия, направленные на развитие оборота электронной информации, а также обеспечения ее конфиденциальности, доступности и целостности в киберпространстве;

● обеспечение информационной безопасности рассматривается в качестве необходимого условия нормального функционирования и развития общества;

● информационные системы должны быть способны противостоять событиям в киберпространстве, которые могут отрицательно повлиять на доступность, целостность и конфиденциальность информации.

● определение целей и способов развития государственных возможностей и необходимой законодательной базы для вступления в международную борьбу с киберпреступностью.

В некоторых из них раскрыты понятия и термины, раскрывающие деятельность человечества в киберпространстве. Так в киберстратегии Литвы утверждается, что «…для обеспечения безопасности киберпространства необходимо организовать непрерывно функционирующую и надлежащим образом управляемую систему, контролирующую все стадии управления инцидентами, начиная от раннего предупреждения, предотвращения, обнаружения, устранения, и заканчивая расследованием инцидента» [6]. В голландской стратегии можно найти и определение кибербезопасности, которое гласит: «Кибербезопасность –это защищенность от сбоев и неправильной эксплуатации информационно-телекоммуникационных систем. Сбои и неправильная эксплуатация может отрицательно повлиять на доступность и надежность информационно-телекоммуникационных систем, поставить под угрозу конфиденциальность и целостность информации, хранящейся в системах» [7].

Стратегии по кибербезопасности приняты и во многих странах других континентов. К примеру, в 2010 году они были опубликованы в Канаде и Японии, а в июле 2011 года Пентагоном принята «Стратегия действий министерства обороны США в киберпространстве», которая официально закрепила за киберпространством статус одной из ключевых сфер ведения боевых действий наряду с традиционными сферами: воздушно-космической, наземной и морской.

Единственным на данный момент многосторонним международным документом по информационной безопасности является Конвенция по киберпреступлениям, принятая Советом Европы в 2001 году. Данная Конвенция содержит классификацию компьютерных преступлений, а также рекомендации органам законодательной и исполнительной власти государств по борьбе с этими преступлениями. Российское государство не ратифицировало данную конвенцию, имея по данному вопросу позицию, выраженную ранее в документе «Принципы, касающиеся международной информационной безопасности», который был представлен на рассмотрение Генеральной Ассамблеи ООН [2].

В документе отмечалось, что увеличение военного потенциала отдельных стран за счёт использования новейших информационных технологий ведёт к изменению глобального и регионального балансов сил. По мнению российской стороны, возникает очевидная потребность в международно-правовом регулировании мировых процессов не только гражданской, но и военной информатизации, в разработке согласованной международной платформы по проблеме международной информационной безопасности.

Позиция Европы США в отличии от российской, основана на том, что наиболее важной является разработка мер информационной безопасности применительно к угрозам террористического и криминального характера. Перспективу создания информационного оружия, ведения информационной войны американские специалисты считали скорее теоретической. Европа сконцентрировалась на разработке конвенции по борьбе с киберпреступностью, а Соединённые Штаты, хотя и уделяют внимание всем аспектам информационного противоборства и в том числе кибернетического, практически не стремились и не стремятся к достижению международных договорённостей по их урегулированию.

В следствии этого Российская Федерация, не находя поддержки своей позиции на мировом политическом пространстве, перенесла центр своей активности на региональный уровень. Примером тому служит совместная договорённость стран ШОС о возможных совместных мерах по устранению информационных угроз, основанная на подписанном 16 июня 2009 г. в Екатеринбурге межправительственном Соглашении государств – членов ШОС о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности. В документе впервые на международно-правовом уровне было зафиксировано наличие конкретных угроз в области информационной безопасности, а также определены основные направления, принципы, формы и механизмы сотрудничества в этой сфере. Соглашение стало первым международным нормативно-правовым актом, охватывающим весь спектр проблем международной информационной безопасности – от противодействия кибирпреступности и кибертерроризму до вопросов разоружения. Его ратифицировали: Российская Федерация, КНР, Казахстан, Таджикистан, 2 июня 2011 г. оно вступило в силу [3].

В настоящее время в средствах массовой информации Российской Федерации идёт широкое обсуждение проекта современной Концепции стратегии кибербезопасности. Опубликованный проект подвергается жесточайшей критике как со стороны научных кругов, так и общественности. Однако сам факт появления такой концепции вселяет надежду на то, что в стране появится нормативно-правовая база, которая будет основой не только для осуществления деятельности в киберпространстве, но и для правового контроля над этой деятельностью.

Таким образом, характерными чертами современного мирового политического процесса в области обеспечения международной информационной и в том числе кибербезопасности являются:

● на национальном уровне разработаны и приняты многочисленные киберстратегии и другие нормативно-правовые акты, которые в недостаточно полной мере отражают угрозы и опасности военного характера, возникающие при осуществлении деятельности государств в киберпространстве;

● на региональном уровне можно проследить лишь единичные случаи совместных усилий государств в работе над предотвращением и отражением информационных и киберугроз различного уровня:

● отсутствие на международном (мировом) уровне современной нормативно-правовой базы, регулирующей деятельность государственных, других акторов мирового политического процесса (общественных и иных организаций, отдельных индивидов) в киберпространстве, приводит к тому, что в появившейся новой сфере происходят действия и операции преступного характера;

● киберпространство в определённый момент стало ареной многочисленных конфликтов, различных по формам и методам, временной интенсивностью и степенью угроз, которые они несут.

● перед мировым сообществом возникла угроза возникновения и практического применения новых войн – кибервойн, которые со временем могут превратиться в одну из главных составляющих, основанных на применении вооружённого противоборстватрадиционных войн.

Список литературы

1. Государственные стратегии кибербезопасности URL: http://www.securitylab.ru/analytics/429498.php(Дата обращения 02.11.2014 г.)
2. Принципы, касающиеся международной информационной безопасности, 12 мая 1999 года: [Подлинный текст на рус. яз.] // Достижения в сфере информатизации и телекоммуникации в контексте международной безопасности: Доклад Генерального секретаря ООН: A/55/140 / Генеральная Ассамблея ООН: Пятьдесят пятая сессия. 2000. 10 июля.
3. Соглашение стран ШОС о сотрудничестве в области информационной безопасности вступило в силу // ИнфоШОС: интернет-портал. 2011. 16 июня. URL: http:// www.infoshos.ru/ru/?idn=838 (Дата обращения 07.12.2014 г.)
4. Cornish, P. Cyber Security and Politically, Socially and Religiously Motivated Cyber Attacks/ P. Cornish; Directorate-General for External Policies of the Union, Policy Department. - Brussels : European Parliament, 2009. - 34 p.
5. Cyber Security Strategy for Germany URL: http://www.enisa.europa.eu/media/news-items/german-cyber-security-strategy-2011-1 (Датаобращения 02.11.2014 г.)
6. Government of the republic of Lithuania. Resolution № 796 of 29 June 2011. URL: http://www.ird.lt/doc/teises_aktai_en/EIS(KS)PP_796_2011-06-29_EN_PATAIS.pdf (Датаобращения 03.12.2014г.)
7. The National Cyber Security Strategy (NCSS) URL: http://www.enisa.europa.eu/media/news-items/dutch-cyber-security-strategy-2011 (Датаобращения 03.12.2014г.)

СЕКЦИЯ №10.
ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И ИДЕОЛОГИИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 23.00.03)

СЕКЦИЯ №11.
ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ, ГЛОБАЛЬНОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 23.00.04)

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ РОССИЙСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ «АРКТИКА-2007»

Данилов А.П.

Амурский Государственный Университет

2 Сентября 2007 года состоялась российская экспедиция в Арктику, которая вызвала большой резонанс в мировом сообществе. Российские батискафы "Мир-1" и "Мир-2" погрузились на дно океана в районе Северного полюса, на дне специальными щупами и ловушками "Миры" произвели отбор грунта и образцов подводной фауны. Когда "Мир-1" достиг глубины 300 метров, погружение начал второй глубоководный аппарат "Мир-2". Аппарат «Мир-1» под управлением доктора Евгения Сагалевича и с депутатами Артуром Чилингаровым и Владимиром Груздевым на борту успешно достиг дна океана в районе Северного полюса и установил на дно титановый флаг России и капсулу с посланием будущим поколениям. Экипаж аппарата “Мир-2” состоял из пилота, россиянина Евгения Черняева, австралийского исследователя Майка Макдауэлла и удостоенного звания почетного полярника России шведского миллионера Фредерика Паулсена. Экспедиция в составе научного судна «Академик Федоров» и атомного ледокола «Россия», кроме изучения дна океана, должна была определить, является ли район хребта Ломоносова продолжением Сибирской континентальной платформы.

Показательна была реакция арктических стран на эту экспедицию. Вашингтон отнесся к амбициозной российской экспедиции со скепсисом. Администрация Джорджа Буша в лице Госдепартамента США заявила, что установленный российскими полярными исследователями российский флаг под водой на Северном Полюсе не имеет никакого юридического веса в заявке России на территорию морского шельфа и что Вашингтон с недоверием относится к российской заявке. "Я не уверен, что именно они водрузили - металлический флаг, резиновый флаг или пластину на дне океана, но чем бы это ни было, это не имеет никакого легального значения или эффекта для этой заявки", - заявил заместитель официального представителя Госдепартамента США Том Кейси. [6] "Даже если они нарисуют распыленной краской флаг России на этих хребтах, это не будет иметь абсолютно никакого значения для технической оценки ее прав на шельф", - подчеркнул Кейси. [3] Другой арктический сосед-соперник России, Канада, - отнесся к экспедиции с раздражением. Глава канадского МИДа Питер Маккей, комментируя деятельность российских полярников, заявил, что "сейчас не 15 век, когда можно было установить флаг и сказать, что мы требуем эту террторию". Вместе с тем, он подчеркнул, что никакой угрозы канадскому суверенитету в Арктике со стороны России нет. [3] Однако, как отмечает канадский дайвер Джо Макиннес, руководивший несколько лет назад первым подледным погружением аквалангистов на полюсе, Канада, 40% территории которой лежит за Полярным кругом, не способна добраться до морского дна в районе Северного полюса,. "Я всегда придерживался того взгляда, что одно дело - заявлять о суверенитете, другое - суметь добраться до места, на которое претендуешь, - говорит он. - У русских по крайней мере есть батискаф, на котором они спускаются на самое дно, т.е. на то место, на которое они притязают".[6]

Впрочем, Сергей Лавров еще раньше заявил, что "цель экспедиции - не застолбить права России, а доказать, что наш шельф простирается к Северному полюсу". Глава МИД РФ выразил удивление по поводу высказывания канадского коллеги в отношении российской научной экспедиции в Арктике. "Меня искренне удивило заявление канадского коллеги, - сказал министр. - Никто флагами не разбрасывается. Так делали все первооткрыватели. Когда исследователи достигают какой-то точки, которая никем не исследована, оставляют флаги. Так было и на Луне, между прочим", - сказал на пресс-конференции Лавров. [7]

Глава МИДа России утверждал, что Россия будет основывать свою заявку на нормах международного права, что подтверждает Василий Гузуляк, доктор юридических наук, специализирующийся в морском праве. “Не может идти и речи об односторонних шагах, в том числе со стороны России. Конечно, следует договариваться. Но для того чтобы звучать убедительно, необходимы доказательства, а не только слова. Следовательно, я думаю, что целью арктической экспедиции является получение весомых доказательств”. [13]

Евгений Загайнов, замдиректора правового департамента МИД России, сказал: “Цель экспедиции на северный полюс – не застолбить какие-то морские территории. Символический жест водружения российского флага на морское дно не должен никого смущать. Есть же традиция водружения государственного флага на вершины гор, например, или на небесных телах, и это никого раньше не разочаровывало”. [13]

Борис Моргунов, помощник Министра экономического развития в своем комментарии сказал: “У России есть все шансы претендовать на дополнительную территорию арктического континентального шельфа, и вопрос в том, будет ли эта территория равняться 1,2 млн квадратных километров, как это было указано в российской заявке в комиссию ООН, или она будет меньше. Конечно, все во многом будет зависеть от того, как будут интерпретированы данные этой экспедиции. Естественно, водружение российского флага на континентальном шельфе не может служить доказательством права Российской Федерации на эту территорию”. [13]

На фоне общего обострения российско-западных отношений (мюнхенская речь президента Владимира Путина прозвучала незадолго до экспедиции) арктическая экспедиция всколыхнула общественное мнение в Северной Америке и Европе и заставила правительства реагировать. Многие сочли, что Россия открывает в Арктике фронт для силового наступления на позиции стран Запада. Такой вывод, однако, оказался поспешным и неверным, пишет Дмитрий Тренин, директор Московского Центра Карнеги, в своей работе “Арктика: взгляд из Москвы”. [1] В целом реакция западных стран на российскую экспедицию варьировалась от возмущенной и алармистской (США, Канада, Дания) до сдержанной (Норвегия). Сразу после экспедиции правительство Канады сделало несколько жестких заявлений и объявило о создании постоянного армейского резерва в размере 100 человек на севере страны. По словам министра обороны Канады, эти силы будут охватывать огромную северную территорию и работать вместе с канадскими рейнджерами. В тот же период после российской экспедиции власти США объявили о планах создания нового ледокола. Реакцией на экспедицию можно считать и доклад генерального секретаря Совета ЕС, верховного представителя ЕС по вопросам внешней политики и политики в области безопасности Хавьера Соланы, опубликованный в начале 2008 года, в котором говорилось о том, что странам ЕС следует готовиться к конфликту с Россией за энергоресурсы Арктики. [8] Норвегия была, пожалуй, единственной страной, которая отреагировала на российские действия спокойно. [10]

По словам известного финского исследователя, занимающегося арктическими вопросами, Ласси Хайнинена, российская экспедиция стала по-настоящему публичным событием, по большей части неправильно понятым за рубежом. [9] За ходом российской арктической экспедиции пристально следила и мировая пресса, которая по-разному оценивала российскую экспедицию. Газета The Independent сравнивала по "дерзости" и "техническим умениям" погружения на дно Северного Ледовитого океана с высадкой американцев на Луне. Однако на спутнике Земли, как отмечает издание, не было возможности добывать минералы, а в шельфе, наоборот, содержатся большие запасы нефти и газа. Газета расценивала экспедицию как очевидную заявку Россией своих претензий на Северный полюс и описывала ее не иначе как "волнующий технический подвиг". [11] The Times отмечает, что Арктика становится ареной новой войны за ресурсы. Несмотря на то, что погружение россиян "ничего не меняет в плане юридических норм", оно играет на нервах других стран, претендующих на обладание шельфом, и подкрепляет претензии России ее физическим присутствием. [12]

Разнообразные мнения об арктической экспедиции звучали и среди российских специалистов в российской прессе. Объемный обзор комментариев был дан в статьях таких российских изданий, как Грани.ру (“Битва за Арктику” [2]), Коммерсант (“Мы будем воевать за Арктику?” [4]) и в репортаже программы Вести недели на канале “Россия 1” (“Право на Арктику” [5]). В частности в этих обобщениях приводили следующие мнения: "Задача по определению мощности земной коры, о ее продолжении с континента под акваторию Северного Ледовитого океана практически доказана, и это очень весомые аргументы для того, чтобы утверждать или хотя бы надеяться, что наши предложения в ООН будут приняты и мы получим права на эту территорию", - заявил заместитель генерального директора ВНИИ геофизики Сергей Костюченко. "Мы можем претендовать на участок, где находятся недра. К сожалению, при всех математических расчетах Северный полюс, возможно, попадает под юрисдикцию Дании, как это ни странно, потому что Гренландия очень низко находится", - отметил тогда директор Департамента государственной политики в области геологии и недропользования Министерства природных ресурсов РФ Сергей Федоров. Алексей Яблоков, президент Центра экологической политики России высказал мнение, что “центральная Арктика еще долго будет принадлежать всем. Это (экспедиция) просто пиаровский ход России, который никаких последствий иметь не будет. А научной ценности от такого погружения уже нет. Что нам делать на такой глубине, если мы еще свой арктический шельф не освоили?”. Журналист Андрей Колесников осветил идеологическую сторону экспедиции, написав: "Идет война полярная. Она несет в себе огромный мобилизующий заряд для нации, которая будет увлечена новой национальной идеей – русификацией Северного полюса". Геннадий Зубакин, руководитель лаборатории Арктик-шельф Арктического и Антарктического НИИ, прокомментировал экспедицию следующим образом: "То, что они спустились на дно, — это не доказывает ничего. Это говорит о том, что мы здесь были. И все. Пробы грунта можно брать и не спускаясь вниз. Кроме того, они не могут пробурить хотя бы на десяток метров, они просто осадочные породы сверху берут. А это ничего не доказывает".

Не стоит исключать и внутриполитическую подоплеку российской экспедиции “Арктика-2007”. Как известно, в состав спускавшегося на арктическое дно батискафа входили представители партии Единая Россия, которые использовали это событие в ходе политической кампании перед выборами в Государственную Думу 2 декабря 2007 года. Экспедиция затем упоминалась представителями Единой России в ходе предвыборной кампании. Можно предположить, что руководство партии изначально пыталось сделать из этой научной экспедиции хороший информационный повод, который можно использовать в будущем на благо партии, но они не могли предположить того огромного резонанса, который данное мероприятие вызовет за рубежом и какие последствия оно будет иметь.

По мнению автора, события августа 2007 года имеют большое значение в истории развития Арктики. Российская экспедиция всколыхнула мировое сообщество и напомнила всем арктическим странам о важности этого региона. Именно после этой экспедиции отмечается всплеск интереса арктических и неарктических стран к исследованию севера. После 2007 года циркумполярные государства поставили арктические вопросы выше в своих политических повестках дня и стали уделять арктическим проблемам больше внимания. С первого взгляда, экспедиция сыграла на руку российским властям в их борьбе за арктические территории. Вместе с тем она, накладывая дополнительную ответственность, заставляет их соответствовать статусу арктического лидера из года в год, что не всегда получается. Экспедиция такого уровня и с таким резонансом показывает важность долгосрочного планирования деятельности государства в Арктике – страна, заявившая о своих интересах, обязана подтверждать их постоянно при помощи подобных мероприятий, научных достижений и новых открытий.

Список литературы

1. Арктика: взгляд из Москвы / Д. Тренин, П. Баев ; Моск. Центр Карнеги. — М., 2010. — 31 с., ил.
2. Битва за Арктику, Грани.ру, 06.08.2007. Режим доступа: http://grani.ru/dossier/m.125503.html
3. Лавров защитил флаг России на Северном полюсе от США и Канады, 03.08.2007. Режим доступа: http://lenta.ru/news/2007/08/03/lavrov/
4. Мы будем воевать за Арктику? Коммерсант, 04.08.2007. Режим доступа: http://www.kommersant.ru/doc/792865
5. Право на Арктику, “Вести недели”, программа телеканала Россия 1, 01.07.2007. Режим доступа: http://www.vesti7.ru/news?id=10872
6. Российская экспедиция на Северный полюс. Комментарии и оценки, РИА Новости, 03.08.2007. Режим доступа: http://goo.gl/rb8TXP
7. Стенограмма выступления и ответов на вопросы СМИ Министра иностранных дел России С.В.Лаврова на совместной пресс-конференции с Министром иностранных дел Филиппин А.Ромуло, Манила, 3 августа 2007 года. Режим доступа: http://goo.gl/KEaOrf
8. Х. Солана, Б. Ферреро-Вальднер. Climate change and international security. 03.03.2008. Режим доступа: http://goo.gl/T7hkAU
9. Alyson JK Bailes, Lassi Heininen, Strategy Papers on the Arctic or High North: A comparative study and analysis, 2012. Режим доступа: http://goo.gl/UMNGRT
10. Labyrinths of the Arctic Policy. Alexandrov Oleg. Russia In Global Affairs VOL. 7 .No. 3. July – September 2009. P. 114
11. Russia claims North Pole, Anne Penketh, The Independent, 03.08.2007. Режим доступа: http://goo.gl/jOEB63
12. Russia plants flag in bid for Arctic riches, Tony Halpin, David Byers, The Times, 02.08.2007. Режим доступа: http://goo.gl/IggfnE
13. Smith M., Giles K. Russia and the Arctic: "The last Dash North". Advanced Research and Assessment Group. Russia Series 07/26. Defense Academy of the United Kingdom, 2007. P. 1.Режим доступа: http://goo.gl/wYCznX

СЕКЦИЯ №12.
ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕГИОНАЛИСТИКА. ЭТНОПОЛИТИКА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 23.00.05)

СЕКЦИЯ №13.
КОНФЛИКТОЛОГИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 23.00.06)

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 22.00.00)

СЕКЦИЯ №14.
ТЕОРИЯ, ИСТОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ СОЦИОЛОГИИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 22.00.01)

СЕКЦИЯ №15.
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ И ДЕМОГРАФИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 22.00.03)

СЕКЦИЯ №16.
СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 22.00.04)

ГОРОД КАК СОЦИАЛЬНЫЙ АРЕАЛ

Воробьева Н.А., Исайчева О.А.

г.Курск

Современное общество и город – понятия тесно связанные между собой и взаимодополняющие. Научно-исследовательские, опытно-конструкторские работы, научная деятельность, инновационное развитие, индустриализация - имеют место быть именно в городской среде. Оставаясь территорией проживания, город включает в себя гораздо больше, чем просто пространство, пригодное для жизни современного индивида. Число городских жителей во всем мире постоянно растет. Так, в 1990 году оно составляло примерно 1,5 млрд., в 2013г. – 3,6 млрд., и продолжает возрастать по сей день. Урбанизация прогрессирует, охватывая все большие территории и пространства.

Однако, восприятие города, всего лишь как определенной площади обитания утопично и провально. Современные социологи уделяют большое внимание изучению города как социального пространства. Григорий Абрамович Гольц – отечественный ученый – провел обширную работу по выявлению количества публикаций об урбанизации и городах в частности. Примерное количество работ с XVI в. – времени появления книгопечатания и до конца XX в., - составляет 350 тысяч. Но, не смотря на это, вопрос рассмотрения города с различных сторон восприятия не перестает быть актуальным и значимым, ставя перед нами все новые и новые задачи и цели познания.

Ареал, от латинского «area» – область, площадь. Социальный ареал представляет собой определенное пространство, пронизанное социальными потоками, взаимосвязями, механизмами. Город сложен как социальный феномен. Многозначно и разносторонне его восприятие. В зависимости от того, с какой стороны мы рассматриваем его, город будет характеризоваться различными свойствами и чертами.

1. Город, как территория проживания населения, несет скорее материальный, физически ощутимый смысл. В этом контексте мы говорим о нем, как о конкретной локации, без уточнения более детальных социальных аспектов.

2. Исходя их антропоцентрического элемента, город – совокупность горожан. В этом значении мы подразумеваем под городом, скорее, численный показатель, наделенный в большей степени количеством, нежели качеством и действием.

3. Информационно-культурное пространство представляет собой неосязаемое поле, в рамках которого отражена вся суть взаимодействия человек-город, где человек реализуется как субъект творчества, культуры и просто творец чего-либо личного и индивидуального.

4. Социальный институт - совокупность, установок, стереотипов, мнений, привычек, обычаев, реализуемых в деятельности человека в рамках ограниченного окультуренного пространства.

Современный город - это не столько пространство мест, сколько пространство потоков - людских, информационных, логистических и многих других [Кастельс, 2000].

Понятие социального ареала более емкое всех вышеперечисленных подходов и, тем более, нежели просто понятие социального института и социального пространства в частности. Социальный институт, представляя собой совокупность ресурсов, направленных на выполнение определенной социальной функции, характеризует город скорее по содержанию, оставляя свободно очерченным объем распространения. С социальным пространством ситуация иная. Социальное пространство, как особая среда, в которой осуществляются социальные отношения, бесспорно, емкое и объемное понятие, но в применении к термину «город», пожалуй, слишком титрометрично. Именно социальный ареал является интегрирующим определением этих терминов. Применительно к понятию города в любом из социально аспектированных контекстов, определение социального ареала максимально отражает суть, объем и локальность данного определения, подчеркивая суверенность и самодостаточность города, как социального явления, его многоуровневость и сложноорганизованность.

Список литературы

1. Кастельс М. Информационная эпоха. Экономика. Общество. Культура. М., 2000.

РЕКРЕАЦИОННОЕ ПРОСТРАНСТВО КАК ЧАСТЬ СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА (КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ)

Шевченко А.А.

Южный федеральный университет, г.Ростов-на-Дону

В контексте социокультурных, экономических и политических трансформаций современного общества наблюдается повышение интереса к социологии пространства как отрасли исследований пространственной организации социальной жизни. Актуальность исследования проблем связанных с понятием рекреационного пространства, в настоящее время является высокой, особенно, если применить полученный теоретический опыт на проблеме рекреационного пространства регионов России, имеющих высокий потенциал, но низкий уровень развития туризма и рекреации. Результаты подобных исследований могут быть полезны при разработке программ и стратегий регионального развития и территориального планирования. Тем не менее, современные исследователи, в основном, уделяют внимание изучению рекреационного пространства города, а на региональном и национальном уровнях этот вопрос практически не исследуется.

Прежде, чем перейти к рассмотрению концепции рекреационного пространства, необходимо отметить, что современные исследования этого явления основываются на различных подходах к рассмотрению социального пространства. Остановимся на некоторых из них. Одним из первых социальное пространство как систему представил О. Конт. Он выстроил систему координат социального пространства по аналогии с пространством макромира. Три оси социального пространства показывают основные направления в расстановке человеческих отношений. Ось X характеризует состояние экономических отношений; ось Y представляет расположение элементов духовной жизни людей; ось Z — состояние морального духа человечества. Основная идея данного подхода: пространственное проявление социальной и индивидуальной жизни человека имеет ряд направлений, охватывающих многообразие социального движения.

По П. Бурдье, социальное пространство включает четыре поля практик: экономической, социальной, культурной, политической. Борьба за социальное пространство, за власть над ним сосредотачивается вокруг соответствующих четырех ресурсов, «капиталов»: экономического, социального, культурного, политического или «символического».[3]

В концепции сетевого/информационного общества М. Кастельса «пространство нового общества построено на потоках капиталов, информации, технологий, организационных взаимодействий, образующих сеть».[4, 47] Социальное пространство, таким образом, надстраивается над физическим пространством мест.

Исходя из вышесказанного, можно заключить, что социальное пространство создается множеством повседневных индивидуальных или групповых практик. Содержание и направленность социальных действий обуславливаются объективными структурами. Выделяют следующие их типы.

Первый тип- это природные структуры или природные условия. Прежде всего, они оказывают влияние на экономическую сферу жизни. Природными условиями определяется структура расселения, развитие того или иного производства, специализация региона, области трудовой занятости и уровень жизни. Здесь отметим, что

при анализе социального пространства важно учитывать экономические условия. Экономическое пространство можно охарактеризовать при помощи следующих показателей:

1. плотность (численность населения, природные ресурсы на единицу площади и т.д.);

2. размещение (показатели равномерности, дифференциации, концентрации, распределения населения и экономической деятельности);

3. связанность (интенсивность связей между частями и элементами пространства, условия мобильности товаров, услуг, капитала и людей, определяемые развитием транспортных и коммуникационных сетей).[2, 9]

Следующим важным элементом являются материализованные социальные структуры. Это искусственная природа, созданная человеком. Элементы искусственной среды структурируют человеческую деятельность. Люди существуют, действуют, перемещаются в материальных лабиринтах, созданных до них. Например, вырубка леса, создание городов, заводов и т.д. Люди вынуждены, планируя свою деятельность, исходить из условий материализованных социальных структур.

Нематериальные социальные структуры также оказывают существенное влияние на действия людей. Сюда относят обычаи, традиции, религиозные нормы, законы, предписания социальных институтов и т.д. При этом, социальное пространство не имеет четких границ между структурами, они все взаимосвязаны между собой и образуют единую систему.

Теперь перейдем непосредственно к рассмотрению рекреационного пространства. Рекреация, т.е. восстановление сил человека, осуществляется в определенном территориальном пространстве, включающем рекреационные объекты или без них, но способствующем восстановлению сил человека.

Целесообразно рассмотреть динамическую модель территориальной организации туристической деятельности Ж.М. Миосека. Эта модель основана на изучении складывающихся региональных систем рекреации, поведения туристов и местного населения в принимающих районах. По мере освоения усложняется структура рекреационного пространства, возрастает роль органов управления в обеспечении устойчивого развития территории по мере увеличения туристической нагрузки. Автор выделяет четыре стадии освоения рекреационного пространства. На первых двух территория осваивают туристы, которые не имеют сложившегося представления о ней. С появлением первых объектов рекреационной инфраструктуры растет популярность места, и рекреационное пространство начинает более активно использоваться. Из мест и предприятий отдыха формируется «расширяющееся поле» (вторая и третья стадии). На четвертой стадии происходит распределение и концентрация пунктов в отдельных областях поля. Таким образом формируются локализации, обладающие уникальными рекреационными ресурсами и транспортной доступностью. В результате район приобретает широкую известность, и именно она, а не природные и культурные достопримечательности привлекает посетителей. В целом, как отмечает ученый, у каждого человека есть собственное представление о рекреационном пространстве, которое в его сознании выглядит, как совокупность точек, соответствующих местам, пробуждающим определенные воспоминания. Характер освоения рекреационной территории определяется интенсивностью потоков посетителей, территориальной концентрацией, уровнем рекреационной освоенности, рекреационно-туристской специализацией и воздействием рекреационной деятельности на окружающую среду.

Большой вклад в исследование территориальных систем туризма и рекреации внес канадский географ Ж.О.Ж. Лундгрен. Он создал концептуальную модель туристского дестинационного пространства. Выделенные им признаки — «ступень взаимного туристского притяжения дестинаций» (отношение объема выездных туристских потоков к количеству прибывших туристов), географическое положение и привлекательность дестинации, уровень развития местной индустрии туризма — позволили разработать типологию мест назначения и выстроить их иерархический ряд, состоящий из четырех ступеней. Туристские потоки в виде радиусов расходятся из города, окруженного тремя кругами посещений — зоной однодневных поездок, зоной отдыха в выходные дни, одновременно являющейся дачной зоной, и зоной отдыха во время отпуска. Туристские потоки распределяются по территории неравномерно. Повышенная концентрация туристов отмечается, как правило, вблизи водных объектов и в горных районах». [7, 11]

Одним из ключевых моментов в данном подходе является концепция дестинации (популярный в отношении туризма объект). Она обладает привлекательностью благодаря наличию природных, исторических, культурных, познавательных и других объектов. Также неотъемлемой характеристикой дестинации является наличие соответствующей инфраструктуры. Это учреждения рекреации (гостиницы, дома отдыха, туристические базы и т.д.) и обслуживающие предприятия (транспортная инфраструктура, предприятия общественного питания, производства сувенирной продукции и т.д.). На территории дестинации развитие индустрии туризма и рекреации является приоритетным по сравнению с остальными отраслями экономики.

В работе Сербиновского Б.Ю. рассмотрены экономические аспекты развития сферы туризма и рекреации в регионе. Автор подчеркивает, что «на протяжении длительного жизненного цикла объектов туризма и рекреации периодически создаются и реализуются преимущественно два вида проектов:

- маркетинговые проекты, продвигающие туристический продукт на рынок;

- инженерные проекты, с использованием которых туристические объекты и продукты создают, преобразовывают, реставрируют, поддерживают и т.п.»[5, 9]. При реализации такого рода проектов, повышается привлекательность дестинаций, улучшаются условия экономического и социального пространств. В результате мультипликативного эффекта улучшается качество жизни населения и показатели социального самочувствия.

Структурно-функциональный анализ является одним из главных методов исследования территориальной структуры рекреационной деятельности. Такой подход позволяет раскрыть особенности территориальной организации рекреационной деятельности на различных стадиях развития территории и освоения рекреационного пространства. Рекреационное пространство можно представить как структуру, состоящую из нескольких пространств: природное, культурно-историческое, оздоровительное, сервисное этническое и событийное.

В настоящее время наблюдается тенденция к значительному изменению роли рекреационной деятельности в повседневных практиках людей. Возрастает значимость символического потребления (демонстративного, модного, статусного, рационально-показного) рекреационного пространства, причем такое потребление служит не только для подтверждения своего статуса, но и для его конструирования. Наблюдается перенос внимания от собственно реальности наблюдаемых объектов к различным конструируемым интерпретациям пространства. Причем образы, возникающие у местных жителей и туристов зачастую различны, и даже диаметрально противоположны. «В процессе познания образ реальности (конструируемая социальная реальность) сравнивается с социальной действительностью и в образ вносятся коррективы»[6, 217]. В таком контексте рекреационную деятельность можно рассматривать как универсальный фактор конструирования социального пространства и катализатор новых тенденций совершенствования его структурной организации.

Разновидностью целенаправленного конструирования рекреационного пространства извне является территориальный брендинг. Как отмечает Е.Ю. Баженова, «бренд территории — это гармоничное сочетание социально-культурной среды региона, его инфраструктуры, административного управления и бизнеса, инвестиционной привлекательности, культуры, памятников истории, привлекающих туристические потоки».[1, 123] На наш взгляд, изучение механизмов конструирования рекреационного пространства посредствам создания бренда территории является перспективным направлением региональных исследований.

Подводя итог, отметим, что в современной науке существует множество теорий и концепций, касающихся тех или иных аспектов социального и рекреационного пространства. Это создает поле для новых междисциплинарных исследований в этой области.

Список литературы

1. Баженова Е.Ю. Бренд территории: содержание, модели формирования, практика конструирования в российских регионах // Terra Economicus. 2013. Т. 11. № 3-2. С. 120-125.
2. Белоусов В.М., Баженова Е.Ю., Голева Г.А., Губнелова Н.З., Дайкер А.О., Жук А.А., Зотова Т.А., Иванов Г.И., Нарежная Ю.А., Чернов С.А. Гуманитарно-экономические закономерности модернизации регионального развития: Монография / Отв. ред. В.М. Белоусов -М.: Ростов-на-Дону, 2011.
3. Бурдье П. Социология социального пространства / Пер. с фр.; общ. ред. и послесл. Н. А. Шматко. — М.: Институт экспериментальной социологии, СПб.: Алетейя, 2005.
4. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. — М.: ГУ ВШЭ, 2000.- 608 с.
5. Сербиновский Б.Ю., Сербиновская А.А., Шевченко А.А. Проблемы и перспективы развития туризма в России, Ростовской области и Краснодарском крае. Часть 2 // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2012. № 77. С. 820-829.
6. Хачецуков З.М. Социальный комфорт в контексте трансформационных процессов в структуре современной российской повседневности // Вестник МГИМО Университета. 2013. № 2 (29). С. 214-219.
7. Lundgren J.O.J. The tourist frontier of Nouveau Quebec: function and regional linkages//Tourist Review. 1982.V.37.No 2.

СОЦИАЛИЗАЦИЯ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ ШКОЛЬНИКОВ В УСЛОВИЯХ РАСПРОСТРАНЕНИЯ СЕТИ ИНТЕРНЕТ: ЭМПИРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СОСТОЯНИЯ РЕГИОНА

Клишин С.И.

Тихоокеанский государственный медицинский университет, г.Владивосток

На современном этапе эволюции российского общества процесс информатизации все больше затрагивает области его существования. Одним из наиболее значимых проявлений данного процесса является развитие глобальной сети Интернет, посредством которого значительная часть коммуникации как делового, так и личного характера осуществляется в виртуальной среде. Интернет представляет собой коммуникационную сеть, которая объединяет пользователей как международных, так и локальных организаций, государственных учреждений и частных фирм, а также индивидуальных пользователей. Возможности этой сети до сих пор до конца не изучены, и можно только догадываться, какое влияние оказывает она на процесс социализации ребенка в современном российском обществе.

В настоящее время Интернет, охватывая все стороны жизнедеятельности людей, является одним из важных факторов социализации личности. Сам феномен социализации представляет собой процесс, посредством которого индивид становится членом общества, усваивая его нормы и ценности, овладевая теми или иными социальными ролями. На процесс социализации влияют факторы, определяющие обстоятельства, при которых создаются условия для протекания процесса социализации. По масштабу влияния глобальная сеть может быть отнесена к факторам социализации разного уровня: мегафакторам (А.В. Мудрик), факторам регионального масштаба или мезофакторам (Е.А. Барсукова).

Однако в определенных ситуациях Интернет можно отнести и к микрофакторам: в современном российском обществе ресурсы всемирной паутины могут оказывать определяющее воздействие на становление личности ребенка. Ребенок общается в сети, черпает оттуда информацию. Интернет – это многогранное СМИ, содержащее в себе много видов коммуникаций, которые ведутся по классической схеме стандартной коммуникационной модели «источник-сообщение-получатель» [1, с. 128].

Социализирующие функции Интернета заключаются в том, что он является, во-первых, источником информации, во-вторых, средством и местом общения пользователей. Заметим, что воздействие ресурсов всемирной паутины на детей характеризуется своей спецификой. Так как, по мнению социологов, формирование базовых ценностей и представлений о мире происходит до 14 лет, то влияние Интернета на становление личности ребенка является определяющим; интенсивность и непосредственность воздействия Интернета на детей позволяют определить его как микрофактор социализации.

Интернет играет существенную роль в социализации детей. Однако она может быть двойственной: и позитивной, и негативной. Позитивный характер роли Интернета в социализации личности ребенка в современном российском обществе связан с колоссальными и нарастающими ресурсами сети, обладающими огромным потенциалом развития пользователя, его духовно-ценностной ориентации и самореализации [2, с. 54]. К достоинствам сети Интернет можно также отнести оперативность информации: это и новости (международного, федерального, регионального и местного масштаба), которые дают официальные источники, и новости, распространяемые в социальных сетях, зачастую не всегда достоверные (предположения, слухи, домыслы). Для современного школьника положительным вектором использования ресурсов сети Интернет будет являться то количество информации, которую он сможет использовать в своей учебной деятельности: словари, энциклопедии и иные справочные материалы, собрания литературных произведений и т.д.

В то же время Интернет обладает и негативным потенциалом. Возможность свободного доступа к распространяемым на электронных носителях информационным ресурсам сети создает условия для опосредованного взаимодействия пользователя Интернета с миром и для его существования в виртуальном пространстве сети. Интернет порождает особое культурное пространство для своих пользователей. В глобальной сети содержится большое количество ресурсов порнографического содержания, демонстрирующих и пропагандирующих различные формы насилия, насаждающих мистицизм, расизм, сексизм и т.д. Такие ресурсы всемирной паутины оказывают деструктивное воздействие на неокрепшую детскую психику.

Дихотомия роли Интернета исходит из различного рода факторов. В разных семьях влияние Интернета на становление личности ребенка происходит по-разному: если родители следят за действиями и деятельностью в целом своего ребенка, они оградят его от некачественной или аморальной информации, и, наоборот, негативное влияние ресурсов сети обусловлено отсутствием контроля со стороны родителей. Также влияние Интернета

зависит от возраста пользователя: чем младше ребенок, тем больше он подвержен воздействию, чем ребенок старше, тем больше и чаще он может фильтровать информацию, получаемую из всемирной паутины.

В последнее десятилетие российскими социологами предпринимаются попытки получить эмпирическую информацию о воздействии Интернета на процесс социализации ребенка. В связи с этим исследование данного вопроса было проведено и в рамках региональной специфики, а именно на материалах Приморского края. В период с 2012 по 2014 гг. нами было осуществлено эмпирическое исследование степени влияния сети Интернет на школьников в учреждениях довузовского образования г.Владивостока, г.Уссурийска, г.Артема и г.Находки Приморского края.

В анкетировании приняли участие учащиеся 7-х классов. В результате исследования было установлено, что использование ресурсов сети Интернет характерно для всех опрошенных школьников. В основном пользуются Интернетом 2-3 раза в день (50% респондентов), при этом мальчики в 1,5 раза больше девочек. 30% опрошенных проводят время в Интернете свыше 3 часов в день, 43% от 1 до 3 часов в день. Большинство школьников (83%) используют Интернет для общения, для посещения социальных сетей. 50% сообщили, что пользуются Интернетом для онлайн-игр, причем число мальчиков в три раза превышает число девочек. Все опрошенные указали, что Интернет помогает им в учебе, однако только половина из них отметила, что использование ресурсов сети Интернет в учебной деятельности является приоритетным. 13% респондентов «скачивают» интернет-ресурсы (музыку, фильмы, программы). Наглядная демонстрация использования ресурсов сети представлена на Рисунке 1.

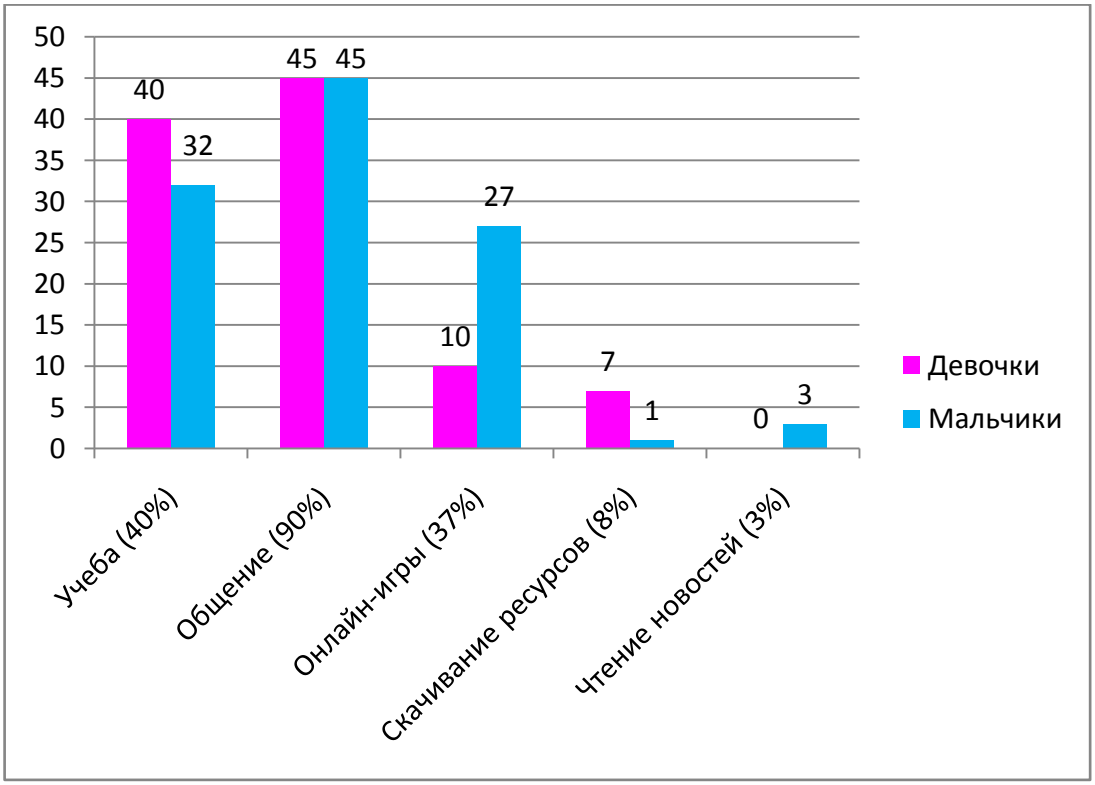

Рис.1. Использование ресурсов сети

Определенный интерес представляет ответ одного из школьников: «просто сижу в Интернете». Можно предположить, что нередко дети бесцельно проводят время в сети. Отвечая на вопрос: «Какие сайты Вы чаще посещаете?», подавляющее большинство респондентов отметило социальные сети, а именно:

- my.mail.ru –93,3%,
- vkontakte.ru – 30%,
- facebook.com – 10%,
- twitter.com – 6,6% и др., что говорит о становлении некоего образа виртуальной реальности, в которой живет современный ребенок и которую создают эти сайты. Такой ребенок скорее предпочтет живому общению общение посредством Интернета. Также образ виртуальной реальности могут отразить сайты онлайн-игр, которые указали школьники («Аллоды Онлайн», world of tanks.ru, flashgames.ru и др.).

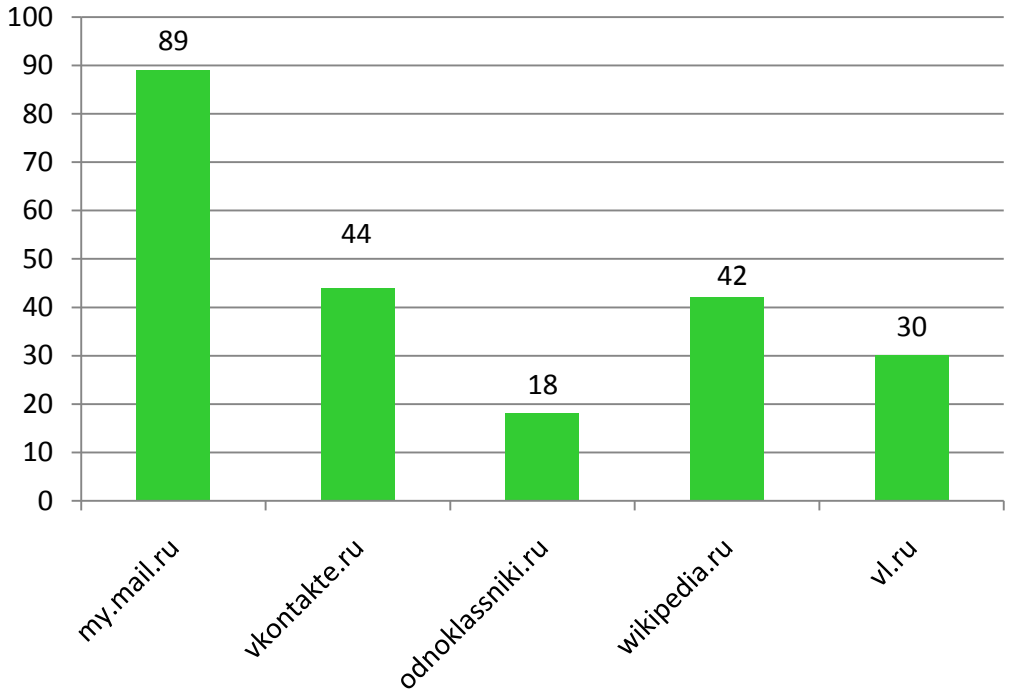

Рис.2. Самые посещаемые сайты

Итак, большинство школьников 7-х классов использует Интернет именно для развлечения, и только около трети опрошенных отметили сайты информационного и энциклопедического характера (городской портал vl.ru – 23,3%, wikipedia.ru – 23,3%). В целом, при ответе на вопрос о пользе Интернета 53% респондентов указали, что не могут обойтись без использования ресурсов сети.

На основе проведенного исследования можно сделать вывод, что Интернет играет существенную роль в жизни современного российского школьника. Ребенок использует ресурсы сети в познавательных и информационных целях, но, зачастую, бесцельно, ради развлечений, что, безусловно, влияет на процесс его социализации. При глубоком погружении в социальные сети и игровые сайты подросток создает себе свой мир, свою реальность, в которой он становится личностью. При безграничном, как мы видим по результатам исследования, и бесконтрольном пользовании Интернетом, последний становится для ребенка микрофактором социализации; сайты, которые он посещает, - институтом социализации; содержимое этих сайтов – агентами. Вместе с этим общение в Интернете может создавать иллюзию благополучия, кажущуюся возможность решения реальных проблем, однако в действительность этих проблем не решает. В то же время подросток является хозяином созданной им реальности, соответственно, усваивает эгоистические нормы поведения и в дальнейшем может десоциализироваться, т.е. утратить социальный опыт, что, несомненно, приведет его к дезадаптации.

Список литературы

1. Дранкевич Е.Д., Захаров А.Г., Пережогин А.В. Интернет как фактор социализации школьников в условиях малого города // Молодежный научный поиск / Красноярск : Изд-во КГПУ, 2008. – С. 128-130
2. Мудрик, А.В. Социализация человека : учеб. пособие / А.В. Мудрик. – М. : Академия, 2006. – 304 с.

СЕКЦИЯ №17.
ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 22.00.05)

СЕКЦИЯ №18.
СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 22.00.06)

СЕКЦИЯ №19.
СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 22.00.08)

МИФЫ КАК СПОСОБ УПРАВЛЕНИЯ СОЗНАНИЕМ РОССИЯН В СОВРЕМЕННОМ СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Макарова Н.И.

НГАСУ (Сибстрин)

Ключевые слова: миф, идеологические и политические мифы, массовое сознание, управление.

Аннотация: в статье раскрывается роль мифологии в социальной жизни российского общества.

Социальная жизнь представляет собой процесс сосуществования, социального взаимодействия и общения различных субъектов в непосредственном воспроизводстве ими как собственной жизнедеятельности, так и жизни, социализации и адаптации подрастающих поколений, происходящий в определенном пространстве и времени. Процессы социальной жизни, тесно связанные и основанные на ценностных ориентациях, постоянно подвергаются различным трансформациям и требуют управления. Управление – специфическая функция социально-организационных систем, обеспечивающая их повседневную жизнедеятельность, функционирование и развитие. В социальной сфере управление предполагает сознательные, целенаправленные действия государственных и общественных институтов, направленные на регулирование спонтанных и осознанных процессов социальной жизни, упорядочение общественных отношений, реализацию конкретных программ и практических повседневных задач социального развития. Управление происходит и не только через социальные институты, но и через различные формы сознания. Эффективным средством социального управления являются мифы. Таким мифом в Средневековье и в последующие времена был миф о конце света.

Миф о конце света не воспринимался отвлечённо и кардинальным образом повлиял на формирование ценностных ориентиров русских людей. Проблема антихриста, Второго Пришествия и Страшного Суда стала теоретической для церкви: конец мира произойдет не сейчас и не скоро, и такое толкование было необходимо, что являлось теоретическим обоснованием начала действий во имя жизни – в эпоху Просвещения петровские реформы, сломавшие «становой хребет» средневековой жизни, положившие начало прогрессивным социокультурным изменениям, обновлению в просвещении и народном образовании.

Но в современном социокультурном пространстве существуют и мифы другого порядка, они связаны с различными событиями, которые стали уже или историей или существуют, а также с персоналиями, крупными политическими деятелями ит.д. Мифы играют определенную роль в развитии ценностных ориентаций в российском социокультурном пространстве. Они существуют и сегодня, и их значение как общественной формы сознания и представления действительности не утрачено и в современности. На современном этапе сама сущность мифов кардинально изменилась и активно формирует ценностные установки и ориентации в изменении социокультурного пространства.

На протяжении всего развития российского общества существовали мифы, которые не однозначно влияли на развитие социальной реальности. В советские времена мифы о советском образе жизни и идеальном человеке были социокультурной основой развития и обновления социокультурного пространства. Миф о прекрасном будущем – коммунистическом обществе – сыграл, на наш взгляд, двоякую роль – и положительную, и отрицательную.

Миф «третьего Рима» породила мессианский характер общественного мировоззрения в России. «Россия собиралась и оформлялась «под символикой мессианской идеи» (Н.Бердяев), под знаком сохранения, расширения святой православной веры»[3,с.23]. В истории цивилизации только 2 государства именовали себя как святые: Израиль (до него – Иудея, Палестина) и Россия. Святые, значит, «собиратели веры». Богом избранный народ. «Назначение русского человека – есть, бесспорно, всеевропейское и всемирное. Стать настоящим русским, стать вполне русским, может быть, и значит только стать братом всех людей, всечеловеком, если хотите»[3,с.24], - так писал в своих дневниках Достоевский.

После революции1917года, с созданием нового мира и человека потребовались новые мифы. Создается система социально-политических мифов, желаемое выдается за действительное. Например, существуют «мифы великой революции»: «Тайны ленинского шалаша»; «Октябрьский переворот: правда и вымысел: миф № 1: При штурме Зимнего было много жертв: «На самом деле никакого штурма не было. Знаменитый женский батальон к тому моменту был из Дворца выведен. Юнкера, т.е. курсанты военных училищ, сопротивления не оказали. По

статистике тех лет, у октябрьских событий было 3 жертвы, да и те погибли не за революцию, а при грабеже винных подвалов». Миф № 2: Керенский бежал в женском платье :«В этом не было необходимости. Он спокойно покинул Петроград в своем автомобиле, был пропущен всеми постами и благополучно добрался до Пскова. Там комиссар Северного фронта Войтинский свел его с генералом Красновым и помог им организовать наступление на Петроград. Наступление провалилось, но это уже другая история. Александр Керенский, между прочим, был человеком изрядного личного мужества. Несколько месяцев после Октябрьской революции он на нелегальном положении жил в Москве и Петрограде, зная, что его разыскивают». Миф № 3: Некрещеный Ленин ненавидел церковь: «Как всех детей Ульяновых, Ильича в детстве крестили. По воскресеньям семья образцовых прихожан Ульяновых ходила в Троицкий собор, где Володя усердно молился. Правда, его последователи решили, что не стоит сохранять сей факт для истории. В отличие от других ленинских мест в Ульяновске, которые стали памятниками, Троицкий собор взорвали», - рассказывает Ирина Макеева, зав. музеем школы - гимназии № 1 имени В.И.Ленина » (с.12-13, газета АиФ,2007).

На протяжении всего развития российского общества существовали мифы, которые не однозначно влияли на развитие социальной реальности, формирование его ценностных ориентаций. В советские времена мифы о советском образе жизни и идеальном человеке были социокультурной основой развития и обновления социокультурного пространства. Миф о прекрасном будущем – коммунистическом обществе – сыграл, на наш взгляд, двоякую противоречивую роль – и положительную, и отрицательную.

Положительным в данном мифе является то, что идеалом человека коммунистического общества был человек с идеальными, положительными качествами, к формированию которого в себе должен был стремиться каждый индивид. До определенного времени этот миф – прекрасного будущего, к которому мы должны стремиться, свою функцию выполнял – функцию влияния на духовный мир человека, управления его становлением как личности. Но со временем, чем ближе приближался срок назначенного коммунизма, он явился разрушительным для молодого поколения. Отрицательная роль данного мифа в том, что многие, особенно молодежь, уже в конце 60-х – начале 70-х годов прошлого века хотели жить по коммунистическому принципу: от каждого – по способностям, каждому – по потребностям, но перекос в дальнейшем произошел в том, что было желание жить по потребностям, но развивать и проявлять творческие способности и применять их в трудовой деятельности не хотелось. Современные исследователи считают, что миф о коммунизме – продолжение величайшего эсхатологического мифа (миф о конечных судьбах мира и человека) пролетариат – «избранный», «помазанный», «невинный», «миссионер». Миф о коммунизме – миф о золотом веке, о рае на земле.

Миф – это обобщенное представление о действительности, сочетающее и нравственные и эстетические установки, соединяющие реальность с мистикой, оказывающий особое воздействие на массовое сознание. На современном этапе развития глобализирующегося мира миф не утратил своего значения, наоборот, на наш взгляд, его социально-манипуляционная роль возросла.

Э. Кассирер в работе «Техника современных политических мифов» пишет о создании мифов как целенаправленном средстве манипуляции массовым сознанием в политических целях. Он (особенно политический) создается как новый вид оружия, который оказывает нужное воздействие на сознание человека, общественное мнение. Кара-Мурза констатирует роль политических мифов, прошлого, которые «удовлетворялись лишь навязыванием человеку определенных правил действия. Они не интересовались чувствами и мыслями людей…» и подчеркивает, что современные политические мифы действуют по-своему. «Они не начинают с того, что санкционируют или запрещают какие-то действия. Они сначала изменяют людей, чтобы потом иметь возможность регулировать и контролировать их деяния»[1,с.185]. Политические мифы уничтожают ценности, касаясь и ценности личной свободы. Кара-Мурза подчеркивает, что миф сам по себе неуязвим. По его мысли, мы должны знать и понимать мифы, тщательно изучать происхождение, структуру, технику и методы политических мифов.

Идеологические, как и политические мифы создаются в интересах правящих кругов и поддерживаются ими, чтобы поддержать культурную гегемонию. Существует несколько исторических мифов, которые сыграли в истории и социокультурном пространстве России свою функциональную роль. С. Кара-Мурза, анализируя мифы и их влияние на общество, делит мифы на «черные», «светлые», технологические. В числе «черных» мифов исследователь называет миф об Иване Грозном, его времени, как самом кровавом. Данный миф создал «генетически присущий России тип кровавой и жестокой деспотии»[1,с.186]. На основании этого мифа делается главный идеологический тезис, стал убеждением, и его никак не поколебать: «по сравнению с Европой Россия Ивана Грозного была чуть ли не людоедской страной, где кровь лилась рекой»[1,с.187]. Хотя, если сравнить исторические общеизвестные данные об этом же периоде развития Европы, то цифры и факты говорят об обратном: за все царствование Ивана Грозного (37 лет) было казнено в пределах 3-4 тысяч человек, а за одну только Варфоломеевскую ночь гугенотами было казнено примерно 12 тысяч человек. Однако мифически Россия

– это «империя зла». В числе «светлых» мифов Запада – европоцентризм; Запад – продолжение античной цивилизации. Европоцентризм – это мета-идеология современного западного общества. Это идеология, согласно которой «все народы и все культуры проходят один и тот же путь и отличаются друг от друга лишь стадией развития» [1,с.190]. Этот миф внес в сознание российского общества мистифицированную картину «мировой цивилизации», в которую необходимо «вернуться». На деле – это утопия-миф, работающая на идеологию запада. К. Леви-Стросс писал: «Не может быть мировой цивилизации в том абсолютном смысле, который часто придается этому выражению, поскольку цивилизация предполагает сосуществование культур, которые обнаруживают огромное разнообразие; можно сказать, что цивилизация и заключается в этом сосуществовании»[1,с.191]. К. Леви-Стросс постулирует: «Священная обязанность человечества – охранять себя от слепого партикуляризма, склонного приписывать статус человечества одной расе, культуре или обществу, и никогда не забывать, что никакая часть человечества не обладает формулами, приложимыми к целому, и что человечество, погруженное в единый образ жизни, немыслимо»[1,с.191].

В статье «Сохранение культурных традиций в информационном обществе: роль мифотворчества» Е.В. Петрова, анализируя информационную революцию как сложный и многогранный процесс, отмечает, что рамках современного общества сосуществуют как положительные, так и негативные тенденции. Среди негативных исследователь называет «процесс всеобщей унификации, нивелирования индивидуальных культурных особенностей в едином информационном пространстве, утрату социокультурной идентичности индивидуумов и социумов», считая, что для преодоления этого процесса нужен «некий носитель традиций, первичных идентичностей, позволяющий сохранить их в условиях глобализации»[2, с.432].

Какую же службу служат современные мифы? Какую роль играют? Эта роль неоднозначна: с одной стороны, это манипулятивная функция, с другой – защитная, адаптивная. Они помогают управлять сознанием соотечественников, являющихся массой. Петрова констатирует, что «Современный социальный миф с помощью средств массовой коммуникации создает широкий простор для манипуляторства и злоупотребления сознанием «массового» человека, не способного к самоконтролю и критическому осмыслению как побудительных мотивов своих поступков, так и их последствий»[2,с.443]. Также исследователь совершенно справедливо подчеркивает, (и мы с ней в этом солидарны), что «В современном обществе иррационально-стихийная природа мифа, суживая сферу рационально-логического мышления, притупляет критическую мысль; расширяет область проявления бессознательного и слепых инстинктов, она вырабатывает «стадное сознание», сознание толпы, бездумно принимающей готовое мнение и безотчетно следующей внушаемым ей стандартам поведения » [2,с.442].

Е.В.Петрова приходит к выводу, что жизнь всех людей и социумов в той или иной степени подчинена мифологии, которая, по сути, является особым психологическим типом адаптации к изменяющейся окружающей среде.

По мысли Е.В.Петровой, процесс мифотворчества является своеобразным «стержнем», обеспечивающим преемственность адаптивных культурных программ в информационную эпоху. В свою очередь, такая преемственность закладывает фундамент для сохранения многообразия культурных традиций, является противостоянием в унификации и утрате самобытности культур, что происходит как неизбежное последствие процесса глобализации. Современную теорию о глобализации, на наш взгляд, также следует отнести к одному из современных идеолого-политических мифов, что возник в заокеанских просторах и позволяет западному миру и Америке, в частности, всю мировую цивилизацию построить по ее логической структуре, и подчинить ее амбициям быть «законодательницей моды» в политико-экономическом развитии мира.

Таким образом, как традиционные мифы, так и современное мифотворчество в российском социокультурном пространстве имеют огромное значение, они являются средством управления сознанием массового человека и социальных трансформаций.

Список литературы

1. Кара-Мурза С. Манипуляция сознанием (серия: История России. Современный взгляд).-М.: Алгоритм, 2000.-736с.
2. Россия: многообразие культур и глобализация / Ответ. ред. И.К. Лисеев.- М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2010.-448с.
3. Русская философия: Словарь / Под общ. Ред. М.Маслина.- М.: ТЕРРА- Книжный клуб; Республика, 1999.- 656с.

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 09.00.00)

СЕКЦИЯ №20.
ОНТОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 09.00.01)

СОЦИОАНТРОПОМОРФИЗМ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ (ПО МОТИВАМ КНИГИ В.В. НАЛИМОВА «ОБЛИК НАУКИ»)

Солина Е.М.

Нижегородский филиал Университета Российской Академии образования, г.Нижний Новгород

В.В. Налимов, исследуя современную науку, во-первых, подчеркивает ее сущность как европейскую. «Различие в культурах – это прежде всего различие в разрешенных вопросах» [2,18]. Сущность европейской культуры определила перечень научных вопросов. Наличие разрешенных вопросов подразумевает негласное существование запрещенных вопросов, вопросов, которые не принято задавать и их не задают ни природе, ни мирозданию в целом. Автор книги на различных примерах подтверждает эту мысль, показывая отличия одной культуры как системы разрешенных вопросов от другой. Современная наука активно овладевает природой, поэтому истинным признается знание, способное принести практическую пользу человеку в достижении его целей. В рамках европейской традиции, по мнению В.В. Налимова, познание есть процесс овладения Природой, тогда уверенность в познавательной силе науки будет безусловной. Что такое истинное познание без овладения - европейское сознание не знает. Это запрещенный вопрос. По мнению мыслителя, основной проблемой современной науки выступает малое количество задаваемых вопросов или даже их полное отсутствие, что негативно сказывается на развитии научного знания. Поэтому В.В. Налимов выражает надежду на появление новых вопросов (курсив - В.Н.) как стимулирующих новый виток в развитии науки.

Во-вторых, В.В. Налимов показывает априоризм научного знания. Парадигмальность научного мышления проявляется не только в системе разрешенных вопросов, но и в интерпретации полученных ответов. Их толкование также заранее определены рамками господствующей в науке парадигмы. Принятие тех или иных гипотез обусловлено «необъяснимыми побуждениями», априорно. Ученый должен верить (курсив - В.Н.) в них, «в научном творчестве человек опирается на свои априорные представления» [2,315]. «…теории в науке – это только метафоры (курсив – В.Н.), они создают модели, которые ведут себя так и не так (курсив – В.Н.), как описываемые ими явления» [2,51-52].

В-третьих, рассматривая идею философии Древней Индии о том, что знание есть разрушение незнания, В.В. Налимов подчеркивает, что «индийские мыслители оказались слишком последовательными и не могли допустить того непоследовательного пути развития науки, на который встала европейская философия» [2,53]. Поэтому древнеиндийская философия отказывается от построения утвердительных концепций, ограничиваясь только критикой незнания, так как любая утвердительная концепция – это усиливающееся незнание. По мнению российского мыслителя, теория роста научного знания К. Поппера может быть рассмотрена через понимание знания как разрушения (фальсификации) незнания. «В концепции Поппера борьба с незнанием – это цепь построения все более и более сильного незнания. Оправданием этого петляющего пути служит сопровождающий его процесс овладения Природой. Но сам процесс познания превращается в ряд, который не обязан сходиться к истинному знанию (без овладения природой, оно неизвестно европейской науке – С.Е.), если процесс можно было бы мыслить уходящим в бесконечность (истинное как абсолютное знание не достижимо – С.Е.). И хуже того, процесс познания, как это нам представляется не может (курсив - В.Н.) не обрываясь, продолжаться достаточно долго. На каждом шагу старое незнание разрушается путем построения нового, более сильного незнания, разрушать которое со временем становится все труднее и труднее» [2,53-54]. «..в познавательном плане все результаты науки можно интерпретировать не более как овладение природой, ибо все сегодняшнее знание, с позиций завтрашнего дня, это парадигматически закрепленное незнание (курсив - В.Н.)» [2,173]. Получается, что современное научное знание – это растущее и усиливающееся незнание, разрушать которое становится все сложнее и сложнее. Современная наука по сложности своего предмета и своих моделей, конструкций, теорий подошла к определенной границе – принципиальной невозможности описания изучаемых процессов и явлений. Поэтому современное «ученое незнание» не имеет ничего общего с невежеством, с незнанием как случайностью. Вероятностные и детерминистические описания явлений и процессов, хотя и выступают противоположностями,

используются в современной науке на равных. На наш взгляд, они должны рассматриваться и применяться дополнительно друг к другу, а не отдельно, как это часто происходит.

В философии термины «незнание, ученое незнание» свое классическое толкование получили в работах Н. Кузанского. Считая, что «всякое разыскание состоит в более или менее трудном сравнивающем соразмерении» [1,10], точность которого в телесных вещах «выше человеческого разума», «то все, чего мы желаем познать есть наше незнание.

Если мы сможем достичь этого в полноте, то достигнем знающего незнания…всякий окажется тем ученее, чем полнее увидит свое незнание» [1,11]. Поэтому, по мнению Н. Кузанского, все великие мыслители (Сократ, Соломон, Аристотель и др.) говорили о незнании, о сложности и непостижимости даже самых простых вещей. Точная истина недостижима и «чем глубже будет наша ученость в этом незнании, тем ближе мы приступим к истине» [1,14].

Таким образом, по-кузанскому незнание – это форма нашего знания, приближающее нас к истине. Это не невежество, это реальное знание, открывающее нам пропасть нашего незнания. Процесс осознания, что увеличивающееся знание расширяет нам горизонт нашего незнания Н. Кузанский и называет ученым незнанием, а не просто незнанием.

Если применить такую трактовку к современной науке, то можно утверждать, что она достигла достаточно полного «знающего незнания».

Таким образом, проанализировав и сопоставив выделенные особенности современной науки, мы можем обнаружить некоторое противоречие. Наука как «полное знающее незнание», не способное само себя разрушать и дошедшее до принципиальных границ своего незнания (познания), связанного со сложностью изучаемых объектов, в рамках господствующей парадигмы – овладения природой - вряд ли сможет ставить принципиально (!!! – С.Е.) новые вопросы. В этом отношении современная наука сама себя «исчерпала»: перечень разрешенных вопросов истощен, ответы даны априорно, форма знания – «полное знающее незнание». Новые вопросы, по всей видимости, могут возникнуть только в рамках отказа от господствующей парадигмы и от овладения природой как формы истины, но тогда наука перестанет быть европейским явлением, то есть самой собой, а это проблематично. Господство технологий в современном мире, скорее, говорит о последовательном и окончательном овладении природой, чем об отказе от этой идеи.

В-четвертых, современная наука - это игра, в которой критически мыслящий ученый «стирает самого себя», но только для того, чтобы построить себя самого заново - измененным, по-другому вписывающимся в существующее знание. Вероятностный язык, на который уповает В.В. Налимов, на наш взгляд, принципиально не меняет положение дел в науке. Он лишь делает мышление ученого гибче, тесня детерминистический подход, что приводит к модификации господствующей парадигмы, расширению ее границ как количества рассматриваемых явлений и процессов и их иного толкования, но не к отказу от нее, не к отказу от истины как овладения природой. Даже вероятностный язык остается языком - языком человека, что неизбежно, на наш взгляд, приводит к социоантропоморфизму любое познание, в том числе и научное.

Таким образом, можно говорить о принципиальной ограниченности и конечности научного познания, которое социоантропоаморфно. Это означает, что через науку «человек открывается в своем видении мира. Наука моделирует скорее природу самого человека (курсив - В.Н.), чем природу, описываемого им мира. Отсюда изучение природы самой науки – это прежде всего путь к пониманию человека» [2,14], выйти за рамки такого познания невозможно. На наш взгляд, такую трактовку науки можно назвать крайней формой социоантропоморфизма, так как мир как таковой («мир в себе») непознаваем, априорно познается только «человек в мире» и то как «знающее незнание» в процессе «игры в науку».

Наиболее ярко и метко, хотя и неполно, сущность социоантропоморфизма, на наш взгляд, выразил Л. Витгенштейн в своем знаменитом высказывании о том, что «границы моего языка означают границы моего мира», моего познания. Принципиально изменить язык – язык человека – вряд ли представляется возможным. Создать отдельно язык науки, не связанный с человеческим – проблематично. Познавать вне, без языка – невероятно. Таким образом, познание всегда ограничено и априорно, то есть социоантропоморфно.

На наш взгляд, социоантропоморфизм науки выступает современной разновидностью отчуждения, которое проявляется в своей абсолютной форме и обнаруживается как всеобщее и универсальное. Современные технологии закрепляют и углубляют это отчуждение, превращая его в неизбежное, воспринимаемое как «естественное, само собою подразумевающееся» - экологический кризис – это неполное овладение природой, овладеем до конца – преодолеем… или…???

Список литературы

1. Кузанский Н. Об ученом незнании. – М.: Академический Проект, 2011. – 159 с. – (Философские технологии).
2. Налимов В.В. Облик науки.- СПб. – М.: Центр гуманитарных инициатив, Издательство МБА, 2010. – 368 с.

СЕКЦИЯ №21.
ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 09.00.03)

СЕКЦИЯ №22.
ЭСТЕТИКА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 09.00.04)

СЕКЦИЯ №23.
ЭТИКА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 09.00.05)

СЕКЦИЯ №24.
ЛОГИКА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 09.00.07)

СЕКЦИЯ №25.
ФИЛОСОФИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 09.00.08)

СИНЕРГЕТИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА ПОЗНАНИЯ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

Петрова Н.Н.

Казанский национальный исследовательский технический университет им. А.Н. Туполева, г.Казань

Дилемма о том является ли синергетика наукой, или это парадигма, подход, методология исследования не является логически корректной. Рассмотрение синергетики как науки не исключает ее методологического статуса. Проблема скорее в том, насколько эффективно синергетика может выполнять роль междисциплинарного основания, являться методологией познания как естественнонаучных, так и социально-гуманитарных наук. В постнеклассической науке конца XX – начала XXI веков мир рассматривается как сложное системное многообразие, как единство бытия и становления, сущности и феномена, неизменного и изменяющегося, детерминизма и случайности. Познание такого мира возможно только на основе междисциплинарного синтеза наук. Методологическим основанием постижения интегративных тенденций современной науки является синергетика.

Выявляя механизмы становления сложных открытых нелинейных систем, синергетика исходит из того, что мир есть саморазвивающаяся и самоорганизующаяся целостность - «на наших глазах возникает новое единство: необратимость есть тот механизм, который создает порядок из хаоса» [1,С.243]. Мир не имеет начала, «точки отсчета», он бесконечен и вечен, хаос рождает порядок, порядок относительно временен и ведет к хаусу, детерминизм имеет вероятностный характер, бытие целостно и фрактально, природный и культурный мир развиваются коэволюционно. В понимание механизмов развития такого мира синергетическая парадигма, полагает В.В.Степин, вносит два особо важных открытия: «Во-первых, представление о кооперативных эффектах, определяющих воссоздание целостности системы. Во-вторых, концепцию динамического хаоса, раскрывающую механизмы становления новых уровней организации, когда случайные флуктуации в состоянии неустойчивости приводят к формированию аттракторов в нелинейной среде и последующему возникновению новых параметров порядка»[2,С.64].

Синергетика позволяет рассматривать объекты природной, социальной и культурной реальности как разнообразные виды и варианты процессов самоорганизации Механизмы эволюции таких систем носят универсальный характер. Они не зависят от того является ли система предметом изучения естественных или социально-гуманитарных наук. Результатом интеграции синергетики в социально-гуманитарное познание является возникновение социосинергетики и эволюционной экономики, ее методологию используют психология, педагогика, лингвистика, история и искусствоведенье, все активнее синергетическая парадигма проникает в антропологию.

Самоорганизация в сложных открытых системах, к которым принадлежат и жизнь, и человек, и общество, и разум, и вся вселенная, приводят к необратимому разрушению старых и возникновению новых структур и систем, новых уровней организации. Для синергетики общественные системы не развиваются постепенно и однолинейно прогрессивно. Они изначально находятся в состоянии неопределенности, нестабильности и нелинейности. Общество, определяемое в терминах классической функциональной модели, полагает Пригожин, соответствовало бы аристотелевской идеи о естественной иерархии и естественном порядке. Однако такие модели оптимизации «игнорируют и возможность радикальных преобразований (т.е. преобразований, меняющих самую постановку проблемы и тем самым характер решения, которое требуется найти) и инерциальные связи, которые в конечном счете могут вынудить систему перейти в режим функционирования, ведущий к ее гибели. Подобно доктринам, аналогичным «невидимой направляющей руке» Адама Смита, или другим определениям прогресса в терминах критериев максимизации или минимизации, модели оптимизации рисуют утешительную картину природы как всемогущего и рационального калькулятора, а также строго упорядоченной истории, свидетельствующей о всеобщем неукоснительном прогрессе. Для того чтобы восстановить и инерцию, и возможность неожиданных событий, т.е. восстановить открытый характер истории, необходимо признать ее фундаментальную неопределенность» [1,С.177].

Синергетическая парадигма исходит из того, что чем сложнее система, тем многочисленнее типы флуктуаций, угрожающие ее устойчивости. Общество является одной из самых сложных систем с беспредельным числом случайностей (флуктуаций). Социальные структуры функционируют в интервале между порядком и беспорядком, «между состоянием системы, в которой всякая индивидуальная инициатива малозначима, а с другой стороны, между областями бифуркации, в которых индивидуальная идея или даже новое поведение может порождать глобальное состояние» [1,С.176]. Общественная система не находится в состоянии перманентного хаоса, поскольку «многочисленные и разнообразные взаимодействия», в которые вступают между собой индивиды обеспечивают стабилизирующие, достаточно эффективные связи между частями системы. «Между устойчивостью, обеспечиваемой связью, и неустойчивостью из-за флуктуаций имеется конкуренция. От исхода этой конкуренции зависит порог устойчивости»[1,С.165].

Новые уровни организации общественной системы возникают как результат ее собственных потенциальных возможностей. Флуктуации ввергают систему в состояние бифуркации, траектория относительно устойчивой и закономерной эволюции разделяется на ветви, при этом выбор пути, определяющей дальнейшее поведение системы, определяется генетическими особенностями самой системы, актуализирующей определенные сценарии развития в зависимости от внешних воздействий. В период кризисов, социальных потрясений социальная система максимально чувствительна к флуктуациям, поэтому индивидуальные действия приобретают особую значимость. «С этой точки зрения деятельность, подчеркивает В.С. Степин, «становится соучастником естественного процесса эволюции… благодаря деятельности могут реализовываться маловероятные сценарии развития» [2,С. 71]. Вместе с тем возможности управления и прогноза эволюции социальных систем ограничены из-за большого числа, влияющих на эту эволюцию взаимодействующих элементов. Однако отыскивать средства локализации неустойчивости и неуправляемости, вызванных усилением флуктуаций, вполне возможно.

Изучая сложные открытые системы наука, полагает Пригожин, должна опрокинуть барьеры, подменяющие «мир качества и чувственного восприятия, мир, в котором мы живем, любим и умираем, другим миром - миром количества, воплощенной геометрии, миром, в котором, хотя он и вмещает в себя все, нет места для человека» [1,С.42]. Методология синергетики позволяет осознать присутствие человека в мире и понять мир как человекомерную реальность. При этом и сам человек рассматривается как система особой степени сложности, восходящая к новым параметрам порядка.

В.С. Степин назвал синергетику ядром постнеклассической науки XXI века. С точки зрения классической науки объекты социально-гуманитарных наук были практически непознаваемы вследствие их уникальности, неповторимости, включенности субъекта в предмет исследования. Синергетическая модель мышления открыла мир, в котором малые причины порождают большие следствия, хаос рождает порядок. Включив в инструментарий познания совершенно новые понятия, позволив использовать методы самых разных наук,

синергетика открыла новые возможности познания таких сверхсложных систем как человек, общество, культура. Методология синергетики дала возможность сменить систему оценок, «угол зрения», на основании которых современная наука может выйти из сложившихся «тупиков» познания, снять неразрешимые противоречия прежней науки.

Список литературы

1. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой.- М.: КомКнига, 2005.
2. Степин В.С. Синергетика и системный анализ/Синергетическая парадигма: Когнитивно-коммуникативные стратегии современного научного познания // Отв. ред. Л.П. Киященко - М.: Прогресс - Традиция, 2004.

СЕКЦИЯ №26.
СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 09.00.11)

ИСТОРИЧЕСКИЙ ВЫЗОВ СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ: РЕВАНШ ИЛИ ТИРАНИЯ ДРУГОГО

Кантемиров Е.В.

Уральский институт Государственной Противопожарной Службы МЧС России

Сегодня другой составляет фактичность человеческого существования, и как таковой сохраняется как острейшая практическая проблема. Однако сегодня мы все еще живем значениями и смыслами из гуманистической, метафизической риторики, вроде «уважения», «справедливости» или «неприятия» и «насилия». Но именно самоочевидность подобных значений и смыслов должна быть поставлена под вопрос.

Доминирующая тенденция в нашем обществе являет нам исторический реванш другого, структурирующего социальность, придавая ей различные, иногда даже противоречивые логики.

В западных странах сегодня становятся популярны принципы новой этики отношения к другому. Новая этика основывается на просвещенности и уважении к другим. Также эта тенденция связана с перенаселением современных городов. Английский социолог Зигмунд Бауман подчеркивает, что в современном обществе люди живут вплотную друг к другу, много передвигаются; выполняя свои повседневные дела, они вступают в самые различные пространства, населенные самыми разными людьми. «В течении дня мы встречаем так много людей, что не можем узнать их всех.. И в большинстве случаев мы не можем быть уверены – разделяют они наши стандарты или нет. Мир, в котором мы живем, представляется нам в основном населенный чужаками; это мир универсальной отчужденности. Мы живем среди чужаков, для которых мы сами чужаки».[1, С. 69]

В современном обществе происходят процессы культурной фрагментации. В таких условиях в качестве субъектов социальных отношений выступают «социальные движения, возникающие на основе сопротивления сообществ против глобализации, изменения структуры капитала, создания организационных сетей, неконтролируемого информационализма и доминирования мужчин, другими словами, экологисты, феминистки, религиозные фундаменталисты, местные движения – все они (в настоящее время) являются потенциальными субъектами информационного века.»[3, С. 306]

Первый принцип новой этики – всеобщее равенство. Всякий грешащий против равенства объявляется extra ecclesiam, отлученным от церкви. Ни одна религия в мире не имеет приоритета перед другими, точно так же, как ни одна культура и ни одна цивилизация. Необходимо стремиться к «разнообразию», к тому, чтобы в обществе сосуществовали все племена, все языки, все культуры, чтобы «цвели все цветы», чтобы в конце концов на нашей планете сложилось мультиэтническое и мультикультурное сообщество.

Правительство США оказывает широкомасштабное содействие «позитивной политике», направленной на устранение последствий расовой дискриминации или дискриминации по половому признаку при приеме на работу или на учебу, а также предотвращение случаев такой дискриминации. «Когда в самом начале своего выступления перед студентами Портлендского университета мистер Клинтон заявил, что в ближайшем будущем «в Америке не останется расового большинства», «аудитория разразилась аплодисментами». История показывает, что такое случается крайне редко – чтобы люди аплодировали известию, что они сами и их дети, то есть то самое большинство, окажутся лишенными культурного наследства в собственной стране, созданной их предками».[2, С. 286]

В качестве члена Верховного суда США Судья Кларенс Томас сделал официальный запрос о целесообразности «позитивной политики» и создания преимуществ по расовому признаку. Лидеры этнических организаций незамедлительно обвинили его в измене своему народу.

Лидеры, желающие сохранить национальную идентичность, получают клеймо националистов и ксенофобов. «В Дании министр внутренних дел Карен Йесперсен, радикал 1960-х годов, вызвала бурю негодования своим предложением о высылке беженцев с криминальным прошлым на необитаемый остров. Она не желает жить, заявила Йесперсен, в мультикультурном обществе, где преступники уравнены в правах с мирными гражданами и где равны все культуры.[2, С. 287]

Дания вообще превратилась в приют для политических преступников, вследствие чего датским гостеприимством пользуются преступные группировки из Азербайджана, Армении, Украины. Пользуясь политической ситуацией в Дании, выходцы с Ближнего Востока выдвинули требование о принятии Данией исламского законодательства, налагающего существенные ограничения на права женщин, восстановлении смертной казни и практики отсечения рук за кражу.

Священников и проповедников сегодня в кинематографе и на телевидении чаще всего изображают лицемерами, распутниками и глупцами. Кто захочет выступать в защиту семейных ценностей, зная наверняка, что его подвергнут публичному осмеянию? Осаждаемая выступлениями в защиту абортов и гомосексуалистов, раздираемая внутренними скандалами(женщины-проповедницы, священники педофилы и пр.), церковь сегодня значительно отличается от той, какой она была вчера.

Самыми злонамеренными и ужасными преступлениями в США являются так называемые «преступления ненависти», то есть криминальные деяния, спровоцированные к цвету кожи, этнической принадлежности, происхождению либо сексуальной ориентации жертвы. У преступления ненависти всегда один и тот же сюжет, один и тот же герой, злодей и жертва: сторонники прогресса защищают угнетаемые национальные меньшинства от белых изуверов.

Согласно «Перечню основных культурных показателей» 1999 года, афроамериканцы, составляющие всего 13 процентов от населения страны, несли ответственность за 42 процента тяжких преступлений и за пятьдесят с лишним процентов убийств на территории США. Статистика межрасовых преступлений дает еще более жуткую картину.

В 1990 году профессор Уильям Уилбэнкс из Департамента криминальной юстиции в Международном университете штата Флорида провел анализ преступлений, совершенных чернокожими. Поводом к этому исследованию послужила развернутая в прессе кампания за сокращение преступлений черных против черных – как будто преступления черных против белых не заслуживали внимание властей. Изучив отчет Министерства юстиции от 1987 года, Уилбэнкс получил следующие данные:

- В 1987 году белые преступники, совершившие тяжкие преступления, выбирали своими жертвами чернокожих лишь в 3 процентах случаев, тогда как последние совершили против белых не менее пятидесяти процентов от общего числа тяжких преступлений;
- При грабеже лишь 2 процента составляют ограбления черных, совершенные белыми, - против 73 процентов грабежей белых, совершенных черными;

Десять лет спустя, в 1999 году, газета «Вашингтон Таймс» опубликовала отчет об исследовании межрасовых преступлений, выполненный фондом «Нью Сенчури», который опирался на доклад Министерства юстиции от 1994 года. Исследования фонда подтвердили выкладки Уилбэнкса.

- Черные совершили в 1994 году 90 процентов межрасовых преступлений;
- Даже в категории «преступления ненависти», куда относится менее одного процента межрасовых преступлений, вероятность того, что черный окажется преступником, а не жертвой, вдвое выше, чем для белого.

Именно в местах проживания национальных меньшинств выше всего уровень преступности, именно оттуда проникают в американское общество межрасовые преступления.

То же, судя по всему, верно и в отношении Великобритании. Анализируя цифры в отчете Министерства внутренних дел по статистике криминальных явлений, обозреватель Джон Вудс выяснил, что из общего числа «расово мотивированных преступлений» в 1995 году 143000 были совершены белыми против меньшинств и 238000 – меньшинствами против белых.

Если национальные меньшинства составляют менее шести процентов от населения Соединенного Королевства, - заключает Вудс,- но при этом совершают 238000 расовых преступлений в год, а белые 94 процента населения – совершают 143000 таких преступлений в год, отсюда следует, что национальные меньшинства совершают расовых преступлений в двадцать пять раз больше, чем белые.

«Экстремист», «расист», «шовинист», «гомофоб», «националист», «ксенофоб», «фашист», «нацист» - вот пример безоглядного и безапелляционного употребления ярлыков по отношению к тем, кто ей сопротивляется.

Политику традиционалистов, сопротивляющихся тенденциям культурной революции оценивают как действия в духе ку-клукс-клана, отношения которых к чернокожим исчерпывались виселичными петлями и горящими крестами.

Культурная революция, позитивная политика, преступления ненависти олицетворяют тот дух отношения к другому в современном обществе, который мы называем реваншем или тиранией другого.

Таким образом, концептуальная основа цезуры «тирании другого» заключается в том, что в настоящее время другое является самостоятельным умонастроением, становится соизмеримым с ним, более того, оспаривает его. Другое вследствие этого оказывается уже не запредельным или периферийным элементом социального пространства, но подчас едва ли не «ядром».

Список литературы

1. Бауман З. Мыслить социологически М.: Аспект Пресс, 1996.-225 с.
2. Бьюкенен П. Дж. Смерть Запада М.: АСТ, 2004. -444 с.
3. Кастельс Могущество самобытности // Новая постиндустриальная волна на западе М.: «Academia»,1999, 640с.

К ВОПРОСУ О ВОССТАНОВЛЕНИИ КУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА И МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО КОНСЕНСУСА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Мустафаев Ф.М.

Дагестанский государственный педагогический университет. г.Махачкала

Аннотация: современная Россия стоит перед жизненно важной проблемой интеграции всего общества, создания и совершенствования политических, культурных, правовых скреп, способных объединить граждан в одно целое. Данная задача имеет альтернативные пути решения, но очевидно, что ни один из них не может стать эффективным вне решения проблемы конструирования продуктивного диалога культур и высокой культуры межнационального общения.

Ключевые слова: межнациональное общение, диалог культур, культура межнационального общения, межнациональные конфликты, российская цивилизация.

Далеко не в первый раз наша страна находится на переломе эпох, и для обеспечения светлого и ясного будущего России, как отмечает Ю.А. Жданов, необходима консолидация, всеобщее единение, чтобы противостоять коварному национализму, который стал главным орудием сил зла и корысти [4, с. 21]. «Российское общество – общество нереализованных возможностей» [3, с. 27] – пишет Ю.Г. Волков, связывая перспективы их реализации с формированием в России креативного общества. С этим тезисом следует всецело согласиться, отметив при этом, что только единая во всем своем этническом многообразии Россия способна совершить модернизационный прорыв.

Единство всех народов, населяющих Россию и составляющих ее культурное многообразие, невозможно без наличия соответствующей для реализации данной цели культуры межнационального общения, которая отражает весь спектр и характер межнациональных коммуникаций, имевших место в истории цивилизации, и выступает основой цивилизационной безопасности страны [2, с. 29-34]. Постсоветский период развития России характеризуется обострением межнациональных противоречий на фоне этнизации политических, экономических и культурных процессов, на почве развала единой интернационалистической идеологии и отсутствия новой, которая смогла бы сплотить народы России и решить в рамках диалоговой культуры стоящие перед страной проблемы, которые, как справедливо отмечают российские исследователи, «никто и никогда за нас не решит» [5, с. 44].

Сегодня многие не видят в российской социокультурной и межнациональной среде основы для межнациональной солидарности и конструктивного диалога культур, однако, для оптимизма, на наш взгляд, все же основания имеются и находятся они в цивилизационной природе российского общества.

Если мы обратимся к цивилизационной концепции А. Бельчука [1], то эти основания мы совершенно четко вырисовываются. Этот ученый пытается определить, к какому типу цивилизации относится Россия, находящаяся на стыке Западной и Восточной цивилизаций. По его мнению, Россия все же ближе к Западной цивилизации по своей цивилизационной природе, поскольку Россию и Запад объединяют ряд явлений следующего характера: [там же, с. 71-72].

– христианство, которое является доминирующей религией и для Запада и для России;

– веротерпимость, характерная как для России, являющейся поликонфессиональным государством, так и для Европы, несмотря на то, что в последней она сформировалась несколько позже;

– «высокая культура», которая в России стала формироваться после петровских времен и позволила в культурном отношении приблизиться к Европе;

– схожая система эмоционального восприятия художественных образов и поведенческих практик людей;

– наличие общих страниц истории, преимущественно после эпохи Петра I, когда России вошла в европейское пространство как его часть.

Тем не менее, несмотря на эти объединяющие Россию с Западом явления, А. Бельчук утверждает, что Россия представляет собой самостоятельную цивилизацию [там же, с. 75], с чем мы не можем не согласиться.

Одним из определяющих факторов, по которым можно говорить о цивилизационной специфике России, отличающейся от европейской цивилизации, является, по мнению этого ученого, то, что российское общество относится к типу «общество-семья» в классификационной системе разделения обществ на такие типы, как «общество-семья» и «общество-рынок» [там же, с. 67]. Характерными особенностями общества типа «семья» выступают авторитарный характер власти, но при ответственности государства и общества в целом за поддержку каждого своего члена как членов большой семьи, особенно «старых и малых», инвалидов, сирот, обездоленных, а часто и тех, кто по собственной вине не стал эффективным, успешным. Такая особенность сформировалась исторически, когда только племенная солидарность могла стать условием выживания племени в тяжелых природных и социальных условиях, однако эта стратегия сохранилась и в дальнейшем, что и стало источником коллективистской ментальности, а также такого явления, как иждивенчество, тунеядство.

Стоит отметить, что к такому типу общества, как «общество-семья» относятся и общества, базирующиеся на исламской религии, поскольку помощь бедным и обездоленным является одной из пяти важнейших обязанностей мусульманина. Уравнительные тенденции, связанные с помощью бедным, неудачникам, слабым, не характерны для протестантизма, но очень характерны для православных и мусульман.

Общества типа «общество-семья» базируются, отталкиваясь от концепции А. Бельчука, на следующих основаниях [там же. с. 69]:

– поддержка всех членов общества как членов большой семьи, даже неэффективных и виноватых в своем положении;

– приоритет общественных интересов над индивидуальными интересами;

– сакрализация верховной власти, авторитаризм, порой переходящий в деспотизм. В современном обществе эта черта такого типа общества видоизменилась, но ее идеология частично сохранилась.

В отличие от общества типа «общество-семья», общества типа «общество-рынок» основываются на таких ценностях и явлениях, как индивидуализм и индивидуальная ответственность; отторжение неэффективных членов общества, помощь которым не является моральным императивом данного сообщества; конкуренция как основа поведения людей; приоритет прав человека перед правами коллектива, общества, государства, а отсюда – склонность политической системы к демократии [там же].

Гармоничное сочетание характеристик указанных типов в истории человечества еще не сложилось и нигде не реализовалось в рамках единого общества, а потому и есть возможность дифференциации обществ по данным характеристикам.

Итак, российское общество изначально развивалось по типу «общество-семья», и с этим связан цивилизационный статус ценности межнационального общения и его влияния на становление цивилизационного облика новой России, в которой в отличие от западного общества, по своему типу тяготеющему к «обществу-рынку», формирование концептуальной картины мира «семейного» типа невозможно вне высокой ценности междунационального общения. Если рассматривать народы и нации как членов большой «семьи» – российской цивилизации, становится очевидным, что такая «семья» не может функционировать иначе как на основе ценностей толерантности, межкультурного диалога. При этом, вновь отталкиваясь от семейной терминологии, главой этой большой цивилизационной семьи является государство, которое и задает условия, принципы и в целом этику «семейного общения».

Возвращаясь к концепции общества типа «общество-семья», можно сказать, что рост межнациональных конфликтов и разногласий, столкновений и противоречий в большой многонациональной российской «семье» свидетельствует о том, что российская цивилизация находится в кризисном состоянии, так как между ее членами (нациями, народами, этносами) отсутствует согласие и взаимопонимание, признание права на собственную субъектность. Высокий уровень конфликтности в современной российской «семье» формирует риски распада этой «семьи» (российской цивилизации).

Поскольку «семейные» ценности достаточно устойчивые, формируются на протяжении длительного периода времени, то и исчезнуть стремительно ценность межнационального общения в многонациональной России не может, несмотря на то, что для этого сложились самые благоприятные условия в виде распада интернациональной идеологии, многочисленных межнациональных столкновений и т.д.

Тем не менее, российская цивилизация все еще представляет собой самобытное образование, в котором на уровне массового сознания по-прежнему сохраняется позитивное отношение к различным народам, населяющим многонациональную Россию при всем том, что поступательно растет раздражение к отдельным национальностям и этносам [9, с. 37; 6; 8; 10]. Тот факт, что в стране еще сохранилось большое число людей, благожелательно относящихся к представителям других национальностей, вселяет оптимизм относительно возможности выхода из цивилизационного кризиса на основе восстановления «семейных» отношений в российской цивилизации, в которой у ее народов растет запрос на эгалитарные (равноправные) отношения.

Список литературы

1. Бельчук А. Восток – Запад в цивилизационном измерении // Альманах «Форум – 2009»; Цивилизационные и национальные проблемы. М.: 2009. С. 63-78.
2. Верещагина А.В. Межэтническая семья на Северном Кавказе в условиях новой российской цивилизационной реальности // Социологическая наука и социальная практика. 2014. № 3(7). С. 47-59;
3. Волков Ю.Г. Креативное общество как цель российской модернизации // Социологические исследования. 2011. № 11. С. 27.
4. Жданов Ю.А. Во имя гуманизма и единения России (обращение Ю.А. Жданова к научной, культурной, политической и деловой элите Юга России) // Гуманитарий Юга России. 2012. № 1. С. 21.
5. Курбатов В.И., Крупенникова Л.Ш. Евразийский диалог: концептуальный анализ // Гуманитарий Юга России. 2013. № 3. С. 44.
6. Мустафаев Ф.М. Факторы разрушения культуры межнационального общения в современном полиэтничном пространстве российского общества // Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 3. http://www.hses-online.ru
7. Мустафаев Ф.М. Общее и особенное процесса общения: общение и коммуникация // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2013. № 1.
8. Мустафаев Ф.М. Современные межнациональные конфликты и компромиссы Северокавказского региона // Гуманитарные и социальные науки. 2013. № 1. http://www.hses-online.ru
9. Федюнина С.М. Социокультурные различия и взаимодействия: концептуальные основания мультикультурализма в современном обществе: монография. Саратов, 2006. С. 72; Федюнина С.М. Межэтнические социально-культурные отношения и процессы в современном мультикультурном обществе // Власть. 2012. № 3. С. 37.
10. Шаповалова О.С. Этносоциальные символы зарождения межэтнического конфликта // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2007. № 6.

ФАКТОРЫ ИНТЕГРАЦИИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ (СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ)

Зубарева С.А.

Красноярский государственный аграрный университет, г.Красноярск

Система образования является стратегическим потенциалом общества, одним из локомотивов развития общества, соответственно, все развитые страны мира уделяют большое внимание системе образования.

Российская система образования четверть века находится в кризисном состоянии в связи с переходом с постсоветской образовательной системы, с сокращением бюджетных средств на нее, кадровой реструктуризацией, недостаточным вниманием к материально-техническому оснащению. Руководство государства понимает важность развития системы образования и предпринимает определенные меры к реформированию и модернизации отечественной системы образования.

Европейские страны, заключившие соглашение в Болонье, представляют собой один из четырех-пяти мировых центров экономики, политиков и социальной сферы. Поэтому те процессы, которые происходят под эгидой Болонского процесса, оказывают очень мощное влияние на мировую образовательную систему. Россия

официально присоединилась к этому процессу, однако общеобразовательная средняя и высшая школы испытывают в настоящее время трудности, связанные с этой трансформацией.

Как показывают исследования коллег, Болонский процесс является современной формой интеграции высшего образования в Западной Европе. О Болонском процессе, способствующем мощности интеграции высшего образования пишет Е.А. Пушкарева. Она подчеркивает, что: «Болонское соглашение стало примером нового варианта организации высшего образования и призвано содействовать росту конкурентоспособности образования в международных масштабах [7]. «Болонский процесс, - пишет Б.Л. Вульфсон, - явился адекватной реакцией европейских стран на вызовы XXI века» [2]. Далее автор подчеркивает существующую неизбежность интеграции национальных информационных пространств в единое мировое информационное пространство. И в данном случае невозможно не согласится с коллегой И.В. Воловик, которая отмечает, что Болонский процесс является набором инструментов, которые могут быть использованы как для развития международного сотрудничества не только с Европой, так и для «внутренних» реформ. Автор отмечает, что это уже не внутригосударственный, а межгосударственный уровень. Данная особенность Болонского процесса, его «инструментальность» является его важным позитивным компонентом, поскольку инструменты могут быть универсальными даже в применении их к разным задачам, а, расширение набора инструментов – это ответ вузов их «приспосабливаемость» к быстро изменяющимся внешним условиям [1].

Болонский процесс, как предполагали его инициаторы, должен стать образовательным процессом создания единого образовательного пространства с целью сближения и гармонизации национальных образовательных систем высшего образования в странах Европы. Иными словами, единое образовательное пространство должно позволить национальным системам образования европейских стран взять всё лучшее, что есть у партнеров и вывести европейское образование на новый уровень, в результате чего Европа приобретет большую привлекательность на мировом образовательном рынке и увеличит способность выпускников к трудоустройству.

«Положительная оценка Болонского процесса, - резюмирует Е.А. Тюгашев, - объясняется тем, что в условиях современного кризиса мирового образования и глобализации общественной жизни реформы национальных систем высшего образования, проводимые в различных европейских государствах безотносительно друг к другу, стали в определенной мере бессмысленными. Поэтому провозглашение в качестве цели европейской интеграции национальных образовательных систем стало своего рода светом в конце тоннеля. Сближение, координация и кооперация в высшем образовании Европы выступили приемлемой коммунитарной ценностной ориентацией, альтернативной истощающей гонке за лидером» [9].

Таким образом, интеграция в современную эпоху – процесс объективно необходимый. Однако с Российской стороны были недостаточно осмыслены соответствующие документы, в свою очередь со стороны участников Болонского процесса, как мы полагаем, не планировали вступление России в этот процесс.

Рассмотрим некоторые тенденции развития Болонского процесса, способствующие успешной интеграции высшего образования в Европе.

Во-первых, для успешной интеграции очень важно и оно есть понимание организаторами Болонского процесса того, что сближение систем образования, согласование принципов обучения, учебных программ – процесс системный, направленный.

Во-вторых, позитивна идея выявления всего лучшего у всех и перевод образования на новый, более высокий уровень. В Декларации четко обозначен призыв содействовать европейскому сотрудничеству в обеспечении качества образования с целью разработки сопоставимых критериев и методологий [10].

В-третьих, позитивна мысль о том, что образование в Западной Европе станет одним из лучших в мире на рынке образовательных услуг, что является одной из главных целей Декларации Болонского процесса, заключающейся в принятии системы легко понимаемых и сопоставимых степеней для обеспечения возможностей трудоустройства европейских граждан и повышения конкурентоспособности европейского высшего образования. «…Создание общеевропейских систем, направленных на подготовку магистрантов и докторантов, - подчеркивается в Коммюнике (2003), - может стать отличительной особенностью общеевропейского пространства высшего образования и позволит ему выйти на новый качественный уровень» [5]. Вполне допустимо предполагать, что качество создается конкуренцией, и что наука и образование представляют те сферы, в которых соперничество и конкуренция могут развиваться в мирных формах и способствовать взаимному культурному обогащению.

В-четвертых, положительный момент определен в тезисе, который гласит «Высшее образование должно рассматриваться как общественное благо, что оно, было, есть и останется внимательным к общественным обязательствам (правилам и т.д.), и что учащиеся - полноправные члены сообщества высшего образования» [10]. Предполагается, что стремление к увеличению конкурентоспособности должно сопровождаться стремлением

улучшить социальные параметры общеевропейского пространства высшего образования, укрепить общественные связи, и устранить проявления социального неравенства разного рода на национальном и европейском уровне.

В-пятых, импонирует желание обеспечить в каждой стране более тесные связи между высшим образованием и наукой, научно-исследовательскими институтами, поскольку научные исследования рассматриваются в качестве движущей силы высшего образования, вследствие чего формирование единой исследовательской зоны должно рассматриваться как условие и предпосылка формирования единой Европы Знаний.

В-шестых, позитивный момент в признании студентов активными участниками образовательного процесса, которые должны влиять на организацию и содержание образования в университетах и других учебных заведениях. Студенты являются полноправными партнерами в управлении высшим образованием.

Однако необходимо отметить, что придание значительности реализации Болонского процесса, то есть повсеместно проведение законодательных реформ (не только на уровне диалога), трансформация национальных систем образования имеет ряд негативных тенденций.

Первое. Это – опасность утраты национальных достижений в образовании – унификация систем образования европейских государств. Поскольку основное направление Болонского процесса – усилить важные европейские измерения, а именно, отмечается в Коммюнике «К пространству европейского высшего образования»: «…увеличить развитие модулей, ориентацией или организацией на всех уровнях курсов и программ с «европейским» содержанием» [4]. Е.А. Тюгашев в своей работе «Философия Болонского процесса» пишет, что в декларации и коммюнике заседаний министров, ответственных за высшее образования говорится о «сближение», которое противопоставляется «унификации», по его мнению, последняя, тем не менее, не отвергается. «Установка на гармонизацию, - пишет автор, - достаточно устойчиво интерпретируется в духе унификации. Политическая линия, ориентированная на унификацию, воспринимается как наиболее понятная и удобная для реализации конкретных практических шагов» [9].

Второе. Монолингвистическая модель развития европейского пространства высшего образования. В Коммюнике «Формирование общеевропейского пространства высшего образования» неоднозначно подчеркивается обязательность изучения одного языка, распространенного в Европе, в связи с обеспечением обучения за границей студентов на достаточно длительный период, планирующих получение совместной степени, а также обращают внимание на то, что такие студенты должны иметь возможность изучения соответствующего иностранного языка. Только таким образом может быть полностью реализован потенциал европейского самосознания, гражданства и трудоустройства [5].

Третье. В настоящее время наблюдается засилье технократического образования. В эпоху глобализации, основанной на принципах эффективности, рентабельности и соревновательной политики, где образование – это услуга, гуманитарные науки отошли на второй план, вынуждены приспосабливаться к новой реальности, в которой технологическое умение важнее гуманитарного знания, а в качестве инструмента навязывания определённого типа модернизации и модели знания используются социальные науки. «В силу отсутствия или слабости гуманитарных программ в последние несколько десятилетий, - подчеркивает М.В. Тлостанова, - удалось воспитать лояльного специалиста прикладника или эксперта, который не способен понять ущербности своей роли нового раба и осознать ущемление своих прав в корпоративном университете»[8].

Четвертое. Негативная тенденция просматривается в промежуточных итогах, выраженная в большой заинтересованности в «недообразованных» рабочих, служащих. И это звучит неоднозначно в тезисе Коммюнике «Европейское пространство высшего образования: добиваясь поставленных целей»: «Двухступенчатая система образования получает большее распространение, поэтому существует необходимость снятия трудностей и препятствий для доступа к образованию между уровнями и расширению взаимодействия между правительствами, учебными заведениями и социальными партнерами с целью увеличения перспектив занятости выпускников бакалавриата, в том числе на рабочих местах в госсекторе» [6]. На наш взгляд, с перспективой занятости рабочих мест хорошо справлялись профессиональные училища, техникумы, в которых, в том числе, производственная практика играла не последнюю роль в становлении и социализации личности. Желание поднять свой интеллектуальный уровень и повысить квалификацию давало возможность продолжить обучение в вузе по специальности или переквалифицироваться.

Пятое. Негативная тенденция проявляется в проведении аккредитации, т.е. проверке качества образования. Просматривается навязывание параметров и механизмов в обеспечении качества работы за счет последовательного введения внутренних механизмов качества, сверяя их с внешними общепринятыми требованиями и стандартами в соответствии с требованиями ENQA (Европейской ассоциации обеспечения качества в высшем образовании). К настоящему времени все 47 стран свидетельствуют о введении процедур внутривузовской и внешней гарантии качества, но проблема по обеспечению качества не решается, более того

она обостряется, так как имеет дело с трансграничным образованием, в том числе. К. Кинсер и Дж.Е. Лэйн утверждают: «… эта проблема не сводиться к тому, чтобы просто помочь людям ориентироваться в качестве обучения за рубежом – в частности, потому, что не существует никакого глобального, общего для всех определения качества.… Но даже если предположить, что устраивающее всех качество найдено, обнаружатся вполне естественные различия между вузами» [3].

Итак, Болонский процесс является современной формой интеграционного процесса Европейского образовательного пространства и механизмом реформ высшего образования в странах, вступивших в Болонский процесс. С одной стороны, в Западноевропейском высшем профессиональном образовании появляются признаки целостности по отношению к экономическим, политическим и социальным системам, и основой данных процессов являются академические и демократические нормы, регулирующие деятельность университетов и имеющие нормативное значение для национальных образовательных систем. С другой стороны, возникают противоречия в определении содержательной стороны образования, его структуры и стандартов.

Список литературы

1. Воловик И.В. Философские аспекты процессов интеграции в современном российском образовании // Вестник ИжГТУ. – 2009. – Т.7. – № 4 – С. 54-59.
2. Вульфсон Б.Л. Образовательное пространство на рубеже веков. М.: Изд-во МПСИ, 2006. – 235 с.
3. Кинсер К., Лэйн Дж. Проблема трансграничного обеспечения качества // Международное высшее образование. – 2013. – № 70 (зима) – [Электронный ресурс]. – URL: http://www.ihe.nkaoko.kz/archive/263 (дата обращения 05.01.2015).
4. Коммюнике Конференции министров высшего образования «К пространству европейского высшего образования». (г. Прага, 19 мая 2001 года). //Министерство образования и науки республики Казахстан. – [Электронный ресурс]. – URL: naric – Kazakhstan/kz / ru/o – bolonskom – protsesse/documentary – bolonskogo – protsessa (дата обращения 22.03.2014).
5. Коммюнике Конференции министров высшего образования «Формирование общеевропейского пространства высшего образования». (Берлин 19 сентября 2003 года). //Министерство образования и науки республики Казахстан. – [Электронный ресурс]. – URL: naric – Kazakhstan/kz / ru/o – bolonskom – protsesse/documentary – bolonskogo – protsessa (дата обращения 22.03.2014).
6. Коммюнике Конференции министров высшего образования «К пространству европейского высшего образования: откликаясь на вызовы глобализованного мира». (Лондон, 18 мая 2007 года). //Министерство образования и науки республики Казахстан. – [Электронный ресурс]. – URL: naric – Kazakhstan/kz / ru/o – bolonskom – protsesse/documentary – bolonskogo – protsessa (дата обращения 22.03.2014).
7. Пушкарева Е.А. Специфика современной интеграции образования и науки (социально-философский анализ»). – [Электронный ресурс]. – URL: www.phil – ed.ru/ Text/NamberJourn.html/disserts.ru/avioreferati – dissertatsii – filosofiya/a287.php45 (дата обращения 22.03.2014).
8. Тлостанова М.В. Контуры университета XXI в контексте кризиса модерна. // Высшее образование в России. – 2013. – №1 – С.28-29.
9. Тюгашев Е.А. Философия Болонского процесса. // Документы. – [Электронный ресурс]. – URL: podelise.ru/ docs/ 34746/ index-2664. Html (дата обращения 22.03.2014).
10. The Bologna Declaration on the European space for higher education: an explanation. //Министерство образования и науки республики Казахстан. – [Электронный ресурс]. – URL: naric – Kazakhstan/kz / ru/o – bolonskom – protsesse/documentary – bolonskogo – protsessa (дата обращения 22.03.2014).

СЕКЦИЯ №27.
ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 09.00.13)

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 09.00.14)

СЕКЦИЯ №28.
ФИЛОСОФИЯ РЕЛИГИИ И РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 09.00.14)

ПЛАН КОНФЕРЕНЦИЙ НА 2015 ГОД

Январь 2015г.

II Международная научно-практическая конференция **«Актуальные вопросы общественных наук в современных условиях развития страны», г.Санкт-Петербург**
Прием статей для публикации: до 1 января 2015г.
Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 февраля 2015г.

Февраль 2015г.

II Международная научно-практическая конференция **«Актуальные проблемы общественных наук в России и за рубежом», г.Новосибирск**
Прием статей для публикации: до 1 февраля 2015г.
Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 марта 2015г.

Март 2015г.

II Международная научно-практическая конференция **«Актуальные вопросы современных общественных наук», г.Екатеринбург**
Прием статей для публикации: до 1 марта 2015г.
Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 апреля 2015г.

Апрель 2015г.

II Международная научно-практическая конференция **«Актуальные проблемы и достижения в общественных науках», г.Самара**
Прием статей для публикации: до 1 апреля 2015г.
Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 мая 2015г.

Май 2015г.

II Международная научно-практическая конференция **«Актуальные вопросы и перспективы развития общественных наук», г.Омск**
Прием статей для публикации: до 1 мая 2015г.
Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 июня 2015г.

Июнь 2015г.

II Международная научно-практическая конференция **«Современные проблемы общественных наук в мире», г.Казань**
Прием статей для публикации: до 1 июня 2015г.
Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 июля 2015г.

Июль 2015г.

II Международная научно-практическая конференция **«О вопросах и проблемах современных общественных наук», г.Челябинск**
Прием статей для публикации: до 1 июля 2015г.
Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 августа 2015г.

Август 2015г.

II Международная научно-практическая конференция **«Новые тенденции развития общественных наук», г.Ростов-на-Дону**
Прием статей для публикации: до 1 августа 2015г.
Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 сентября 2015г.

Сентябрь 2015г.

II Международная научно-практическая конференция **«Общественные науки в современном мире», г.Уфа**
Прием статей для публикации: до 1 сентября 2015г.
Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 октября 2015г.

Октябрь 2015г.

II Международная научно-практическая конференция **«Основные проблемы общественных наук», г.Волгоград**
Прием статей для публикации: до 1 октября 2015г.
Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 ноября 2015г.

Ноябрь 2015г.

II Международная научно-практическая конференция **«Общественные науки: вопросы и тенденции развития», г.Красноярск**

Прием статей для публикации: до 1 ноября 2015г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 декабря 2015г.

Декабрь 2015г.

II Международная научно-практическая конференция **«Перспективы развития современных общественных наук», г.Воронеж**

Прием статей для публикации: до 1 декабря 2015г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 января 2016г.

С более подробной информацией о международных научно-практических конференциях можно ознакомиться на официальном сайте Инновационного центра развития образования и науки www.izron.ru (раздел «Общественные науки»).

ИННОВАЦИОННЫЙ ЦЕНТР РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ

INNOVATIVE DEVELOPMENT CENTER OF EDUCATION AND SCIENCE

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

Выпуск II

Сборник научных трудов по итогам
международной научно-практической конференции
(10 февраля 2015г.)

г. Новосибирск
2015 г.

Печатается в авторской редакции
Компьютерная верстка авторская

Подписано в печать 11.02.2015.
Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 6,53.
Тираж 250 экз. Заказ № 44.

Отпечатано по заказу ИЦРОН в ООО «Ареал»
603000, г. Нижний Новгород, ул. Студеная, д. 58